

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.А. Войтик

**СПОРТИВНЫЙ МЕДИАТЕКСТ:
ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
ИЗДАНИЙ XVIII–XIX ВВ.)**

Научный редактор
д-р филол. наук, профессор *Б.Я. Мисонжников*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

УДК 070
ББК 76.01
В654

Рецензенты:

С.Н. Ильченко, д-р филол. наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного университета;
В.В. Тулунов, д-р филол. наук, профессор
Воронежского государственного университета;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, профессор Томского государственного университета

Войтик Е.А.

В65 Спортивный медиатекст: зарождение и развитие
(на материале периодических изданий XVIII–XIX вв.). –
Томск : Издательский Дом Томского государственного
университета, 2017. – 290 с.

ISBN 978-5-94621-574-9

Монография посвящена историческому анализу спортивного медиатекста. В центре внимания – зарождение, основные этапы развития спортивной темы в российских периодических изданиях XVIII–XIX вв. Особое внимание уделяется понятийному аппарату, включая анализ терминов «гимнастика», «спорт», «спортсмен», и их появлению в отечественной прессе.

Обобщаются исследования дореволюционных и современных авторов, а также многолетний собственный опыт разработки проблем, связанных с изучением истории спортивной журналистики. Книга содержит обширный список публикаций.

Для теоретиков и практиков спортивной журналистики, а также всех, кто интересуется проблемами взаимосвязи спорта и журналистики.

УДК 070
ББК 76.01

ISBN 978-5-94621-574-9

© Войтик Е.А., 2017

© Томский государственный университет, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Концептуальные основы зарождения спортивной информации	7
1.1. Исторические предпосылки становления спорта как социального явления и отражение его в документальных источниках XVII–XVIII вв.	7
1.2. Формирование информационно-коммуникативных доминант спортивного медиатекста в периодических изданиях XVIII в.	26
2. Конструктивно-содержательные модификации спортивного медиатекста в российской прессе первой половины XIX в.	52
2.1. Фрагментация как способ концептуализации спортивной тематики в журналистских текстах	58
2.2. Роль малых жанровых форм в формировании спортивного информационного контента в российских изданиях	95
2.3. Спортивный медиатекст: прагматический потенциал развития в столичной и провинциальной печати	120
3. Факторы влияния российской журналистики на формирование понятийно-терминологического аппарата спорта и возникновение специализированных спортивных изданий	152
3.1. Когнитивно-информационная природа термина «спорт» и его функционирование в российских медиатекстах	153
3.2. Отражение спортивной деятельности России в российской прессе XIX в.	199
3.3. Первые спортивные издания: динамика развития и типология	243
Заключение	267
Литература	271
Источники	275

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время расширяются границы научных исследований журналистских текстов в рамках предметных специализаций. Понимание специализированного журналистского текста является одной из сложных научно-профессиональных задач современности. В связи с этим актуальной становится проблема выработки методологии, способной раскрыть сущность его структурных и семантических элементов и понять глубину познания предмета изучения (в нашем случае таким предметом выступает категория «спорт» с позиции ее функционирования в системе медиапространства). Существующие технологии и практики позволяют выявить новые сферы познания, смысловые концепты, связанные со спортом и существующие в наше время, рассмотреть предпосылки зарождения термина «спорт» и этапы его развития.

Сегодня спортивные медиатексты играют значительную роль в популяризации различных видов спорта, отражая положительные и негативные стороны спортивного поведения и формируя тем самым отношение общества к спорту. Именно поэтому, поддерживая интерес к этой сфере, масс-медиа способны не только представить качественный медиапродукт, удовлетворяющий потребительские запросы аудитории, но и содействовать нахождению новых форм его представления, тем самым значительно расширяя существующее информационное пространство.

Однако каждое информационное пространство, в том числе и спортивное, имеет истоки своего зарождения.

Для понимания исторических этапов медиараскрытия развития спорта важны осмысление и оценка времени происходящего процесса. Отечественные теоретики спорта отмечают прямую взаимосвязь развития спортивной деятельности с социальными процессами. В частности, профессор М.Я. Сараф пишет: «Становление физической культуры, этой важнейшей сферы воспроизводства человека,

совершенствования человеческих форм и способностей как таковых, было сопряжено с развитием эстетического отношения к миру»¹.

Это существенно не только с философско-социальных позиций через определение, когда произошло зарождение спорта в России, выявление факторов влияния на становление, через информационную поддержку в виде документальных, научных, литературных и медиатекстов. Подтверждение этого находим в исследовательской работе М.Ю. Климова «Семиотическая система спорта как феномен культуры». Он пишет: «Семиотический пространственно-временной континуум спорта образуют игровое семиотическое пространство – место, где разворачивается визуальный спортивный текст, и семиотическое пространство спорта – условная умозрительная система, где действуют язык и знаки спорта. Наряду с установлением необходимых пространственно-временных границ спорту присуще постоянное преодоление пространства и времени, отрицание их, выраженное в стремлении к рекордам. Внутри семиотического пространства спорта происходит взаимный обмен и перевод текстов между различными видами спорта. Такое же взаимодействие осуществляется и в пределах единой семиосферы – между семиотическим пространством спорта и семиотическими пространствами других культурных феноменов (политикой, экономикой, искусством)»².

Изучение формирования любой системы, включая спортивную медиакommunikацию, неразрывно связано с выявлением основных элементов, системных качеств и закономерностей ее трансформации. В нашем случае на данном этапе (ограничивающемся XVII–XIX вв.) таким элементом является спорт (включая его виды, физическое воспитание и физические упражнения), формирование которого происходит на протяжении исследуемого промежутка времени.

В качестве другого немаловажного элемента выступают существовавшие в те века источники информации (документальные, литера-

¹ Сараф М.Я. Спорт и культура (исторический анализ) // Спорт, духовные ценности, культура. М., 1997. Вып. 1. С. 53.

² Климов М.Ю. Семиотическая система спорта как феномен культуры. Барнаул, 2006. С. 116.

турные, печатные). Они не просто фиксируют, что такое спорт, точнее физическая деятельность, в России как явление, но в них идет процесс формирования определенных ориентиров в восприятии, оценке этого вида активной деятельности обществом.

Основными задачами в исследовании становятся: необходимость выявить, как зародился спорт в нашем государстве, как происходило формирование его терминологии, а также понимание того, какую роль в этом процессе сыграла журналистика.

Обоснование выбора временных рамок было связано с выявлением ряда политических и экономических преобразований, определенных культурных традиций в XVII–XIX вв., выступающих как факторы развития физической деятельности (спорта) и первыми попытками его описания через документальные и литературные источники, а позднее, в XVIII–XIX вв., – через журналистские произведения.

На каждом этапе коммуникативных преобразований взаимоотношений прессы и спорта большую роль сыграли базовые и вспомогательные элементы. В нашем случае в качестве основных элементов со стороны спорта выступают отдельные виды, которые позволили создать информационный повод. Со стороны СМИ – рукописные и печатные издания, в которых была представлена информация о спорте. В рамках вспомогательных элементов рассматривались литературные, документальные и научные источники, которые во многом способствовали в те или иные периоды коммуникативных отношений журналистики и спорта поиску путей перехода на новый уровень развития.

1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЗАРОЖДЕНИЯ СПОРТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

1.1. Исторические предпосылки становления спорта как социального явления и отражение его в документальных источниках XVII–XVIII вв.

XVII в. становится для Российского государства началом эпохи Просвещения. Пережив Смутное время в начале первого десятилетия, русское общество постепенно начало переходить от строгих церковных традиций к светской, бытовой жизни. В этот период продолжается развитие образования (открываются новые школы, училища, доступные не только духовным лицам, но и представителям светского общества), культуры (появляются новые направления в литературе, живописи, архитектуре), формируются определенные взгляды в просветительстве, что приводит к зарождению российской науки и развитию техники.

В связи с этим для нас ключевыми становятся два фактора. Первый связан с постепенным изменением отношения к спорту в обществе, особенно во второй половине XVII в. Второй – это то, что в исследуемом столетии вышла в свет первая русская рукописная газета «Вести–Куранты» (1600–1702). Несмотря на очень малое количество в ней «спортивной» информации, она послужила основой для создания и дальнейшего развития печатных изданий, в которых впоследствии сведения о спорте заняли одно из приоритетных мест наряду с политикой, экономикой, культурой. И каждый из представленных факторов сыграл определенную роль в развитии спортивной журналистики. Рассмотрим их подробнее.

Спорт, а точнее физические занятия, упражнения и игры, продолжает развиваться в России в XVII в. Стоит отметить, что подобные «спортивные» занятия до середины века остаются невостребованными в должной мере, а точнее, не рассматриваются обществом как самостоятельная сфера деятельности. Главной причиной такого воспри-

ятия становится то, что они по-прежнему рассматриваются как забава или как бытовое занятие. И это несмотря на то, что некоторые виды физических занятий уже явно можно классифицировать как самостоятельные. К ним относятся: борьба, кулачные бои, бег, катание на коньках, качание на качелях, катание на салазках, верховая езда, рыбалка, охота, подвижные и настольные игры и т.д. Подтверждение этого можно найти в различных исторических источниках.

В частности, информацию о физических увлечениях и играх при царском дворе можно найти в записках «De rebus moschoviticis ad serenissimum magnum ducem cosmum tertium» – «Сказания Светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии» (1670–1676), написанных курляндским послом Яковом Рейтенфельсом: *«Царские дети упражняются каждый день, в определенные часы, в разных играх, конной езде и метании стрел из лука; зимою делают для них небольшим возвышения из дерева, и покрывают снегом, от чего образуется гора: с вершины ее они спускаются на саночках или на лубке, управляя палкою. Танцы и другие занятия, у нас обыкновенные, при Русском Дворе не употребляются, но каждый день играют там в шахматы»*¹ (здесь и далее цитаты из медиатекстов выделены светлым курсивом. – Е.В.).

Описание физических занятий простого народа в XVII в. наглядно представлено в публикациях XIX в. К примеру, просветитель В. Измайлов в статье «О русском старинном воспитании» раскрывает гимнастические увлечения через уникальное сравнение Руси со Спартой: *«Видимое различие между русскими одного времени, и русскими другого – есть, без сомнения, действия воспитания. Старинная Русь напоминает о древней Спарте, и оправдывает Руссову систему. Все предки наши росли зимою на трескучем морозе, летом под зноем палящего солнца, и всегда в пыли гимнастических игр, хотя тогда и не было известно русским имя гимнастики. Свайка, бабки, мяч, качели, борьба,*

¹ Извлечение из сказаний Якова Рейтенфельса о состоянии России при Царе Алексее Михайловиче, о состоянии России при царе Алексии Михайловиче // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 7. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Reutenfels/otryv2.phtml?id=7505>

бег взапуски, и наконец кулачный бой – (единственная игра, осуждаемая моралью) были полезными телодвижениями, которые развивали силы, укрепляли темперамент и образовывали новых Алкидов»¹.

Или очерк русского этнографа Н.И. Костомарова «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях», опубликованном в 1860 г. в журнале «Современник». Раскрывая особенности увеселения, игр и забав в те времена, он отмечает: *«Молодые люди собирались в праздники – боролись, бегали взапуски, скакали на лошадях вперегонки, метали копьем в кольцо, положенное на земле, стреляли из луков в войлочные цели и в поставленные шапки. В этих играх победители получали награды и выигрывали заклады»².* Из описания становится понятным, что многие из этих игр напоминают современные спортивные соревнования, проводимые на уровне любительского спорта.

Некоторые из игр становятся занимательными не только для мужчин, но и для женщин. Н.И. Костомаров одним из первых отмечает, что в XVII в. многие девушки, женщины разных сословий, несмотря на их затворнический образ жизни, также равнодушны к «спортивным» забавам. Особый интерес у них, помимо традиционных танцев, вызывало качание на качелях и досках. Начиная с весны, а точнее с Пасхи, качели строились повсюду: около домов (усадеб), на площадях во время ярмарок, базаров. На них качались до середины осени.

Зимние забавы также привлекали россиян, особенно потешные санки, сани, коньки, лыжи. Они любимы не только детворой, но и взрослыми. Сведения об этом можно найти как в отечественных источниках, так и в зарубежных. Например, вот как описывает в своем сочинении английский дипломат, граф Ч. Карлейль в 1663 г., увлечение москвичей катанием на коньках: *«Зимой они имеют (как и голландцы) коньки, которые они употребляют, когда воды покрыты льдом, но не для путешествия, но только для упражнения и согревания на льду. Эти коньки сделаны из дерева, внизу с длинным и узким*

¹ Измайлов В. О русском старинном воспитании // Патриот. 1804. Т. 2. С. 8.

² Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. URL: http://www.booksite.ru/ancient/reader/mode_2_02.htm

железом, хорошо полированным, но загнутым спереди; для того, чтобы железо могло бы лучше резать лед, поворачивают ноги внутрь, когда скользят вперед, таким образом, они несутся прямо с большой скоростью»¹.

Кроме того, в XVII в. на Руси лыжи используют и в воинском деле. В частности, в 1608–1610 гг. лыжный отряд успешно действовал в боях с польско-литовскими и немецкими наемниками во главе с Я. Сапегой при снятии осады с Троице-Сергиевой лавры. Подробное описание этого события можно найти в сочинении Н.М. Карамзина «История государства Российского», где он констатирует: «Глубина снегов затрудняла воинские действия: Князь Иван Куракин с Россиянами и Шведами выступил на лыжах из Лавры к Дмитрову и под стенами его увидел Сапегу. Началось кровопролитное дело, в коем Россияне блестящим мужеством заслужили громкую хвалу»². Умение и сноровку ходить на лыжах на дальние расстояния тех лет сегодня можно сравнить с лыжными марафонами на 50 км.

На Руси продолжали проводиться кулачные и дрекольные (палочные) бои. Исход в них нередко был летальным, поэтому на протяжении нескольких веков их пытались запретить в рамках церковных и княжеских (царских) законов. Сведения, подтверждающие этот факт, можно найти в исторических документах, например в челобитных к русским царям: в частности в челобитной нижегородских священнослужителей (попов) от 1636 г. говорится: «*Да сходятся гсдрь не токмо люди молодья, но и старья в толпы, и бывает бои кулачныя великия...*»³ или в челобитной Гаврилы Малышева (1648): «*... на игрищах с скоморохами песни бесовские кричат и скакания и пляскания и меж собою кулачные и дрекольные бои и драки чинят*»⁴.

Настольные игры в XVII в. также популярны у русского народа, хотя многие из них являются незаконными, особенно зернь (кости),

¹ Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека / пер. И.Ф. Павловского. 1879. № 5. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Carlisle/text2.phtml?id=1780>

² Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2002. Т. 12. С. 28.

³ Цит. по: Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975. С. 169.

⁴ Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975. С. 171.

карты и шахматы. На это, к примеру, указывалось в грамоте в Белгород с текстом «первого» царского указа царя Алексея Михайловича (от 1648 г.): «*Да в городех же и в уездах от прелесников [скоморохов] и от малоумных людей делается бесовское сонмище: <...> и медведи водят, и с собаками пляшут, зернью и карты, и шахмоты, и лодыгами играют, и безчинное скакание и плесание, и поют бесовския песни*»¹. Тем не менее в них продолжали играть, особенно в шахматы.

В частности, в 1616 г. в книге «Das Schach – oder König-Spiel» («Шахматы, или Королевская игра») немецкий герцог Август фон Брауншвейг-Люнебург (под псевдонимом Густавус Селенус) отмечает особое мастерство наших предков: «*Русские, или московиты, играют в шахматы очень остроумно и с большим прилежанием, и в этой самой игре они так искусны, что, по моему мнению, другие народы не легко могут с ними сравняться*»².

Увлечение этими видами игр наблюдается и у других народов Российской империи, в частности у донских казаков: «*В становой избе, или на майдане старики играли в шахматы или зерны*»³. Помимо того, «*...молодые [казаки] же на площади близь майдана, в кости или бабки. Сия последняя игра была общая и любимая у казаков, и посредством оной, они приобретали такую меткость, что пуская из рук камня, убивали птиц и зайцев*»⁴.

Охота и рыбная ловля занимали особое место в то время. Это были одновременно забава, развлечение и промысел. В рамках описания отношения к охоте в XVII в. стоит обратить внимание, что после смерти Бориса Годунова в 1605 г. интерес к охоте, прежде всего в царском дворе, пропал, хотя среди населения этот вид промысла, а заодно и развлечения продолжал развиваться. И только почти через десять лет с восшествием в марте 1613 г. на престол царя Михаила Федоровича, а затем Алексея Михайловича охота вновь стала привле-

¹ Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975. С. 176.

² Цит. по: Шрабштгейн И. Шахматы через века // Новый акрополь. 2003. № 3. URL: http://www.newacropolis.ru/magazines/3_2003/Shachmaty_chere_veka/

³ Рыцарская жизнь казаков // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год. СПб., 1824. С. 228.

⁴ Там же.

кательной для царей, особенно соколиная, кречетная, псовая и медвежья. Интерес она вызывала тем, что в ней изначально присутствовала соревновательная часть: чья птица быстрее принесет добычу; кто первым догонит зверя; кто первым выстрелит и т.д. Были и другие «охотничьи» забавы. Например, специально устроенные бои между соколами и коршунами. Историки отмечают, что царь Алексей Михайлович самолично фиксировал время знатных побед, одержанных кречетами, челигами и соколами, а также достигаемую ими высоту полета. Описание соколиной охоты присутствует также и в письмах царя. Им же был разработан устав соколиной охоты «Урядник сокольничьего пути» (1656), написанный в эпистолярном жанре. Этот устав становится первым в России документальным сочинением, в котором охота раскрывается как вид спортивной деятельности. Соответственно, он может быть рассмотрен как первый полноценный источник о спорте, а точнее об одном из его видов¹. Подробную информацию об охоте в XVII в. можно найти в более поздних источниках. Например, в третьем томе издания Н.И. Новикова «Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся...» (1773–1775), в произведении «Рыцарская жизнь казаков» (Русская старина. 1824), в очерке Н.И. Костомарова «Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях» (1860–1862), во втором томе книги Н.И. Кутепова «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» (1898) под названием «Царская охота на Руси царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. XVII век» и др.

Рыбной ловлей в XVII в. увлекалось как простое население «в Белеозере рыбные охочие ловцы, белозерцы посадские люди и уездные крестьяне, рыбу ловят мережными снастями, осенью, с Ильина дни да по замороз»², так и представители дворянского и боярского сословия. Она была распространена почти во всех областях тогдашнего Российского государства, где имелись реки, озера. Вот как описывает увлечение ры-

¹ Охота как вид спорта была впервые признана в середине XIX в.

² Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 251.

балкой в Курске в те времена исследователь А.А. Танков: «В Курском крае в 17 веке значительно было развито и рыболовство, данные о рыбных ловлях содержатся в так называемых оброчных книгах, по которым обыкновенно взимались налоги за пользование рыбными ловлями. Из этих книг видно, что почти во всех владениях более или менее крупных помещиков и вотчинников были свои рыбные ловли в реках, плесах и озерах»¹. В 1669 г. вышел первый на Руси указ о регулировании рыбной ловли, подписанный царем Алексеем Михайловичем.

В середине XVII в. отношение общества к физическим занятиям начало постепенно изменяться в положительную сторону. И в первую очередь благодаря стараниям русского деятеля и просветителя Ф.М. Ртищева. В 1648 г. в Москве при церкви во имя Преображения Господня он организовал училищный монастырь. С конца ноября 1652 г. здесь же открылось училище, в котором желающие могли обучаться грамматике, славянскому, латинскому и греческому языкам, риторике и философии. Одним из основателей училища стал приглашенный из Киева монах Епифаний Славинецкий, впоследствии создавший научное сочинение «Гражданство обычаев детских» (1685). В него вошли 164 правила для детей. Небольшая часть из них была посвящена достоинствам игры, через которую юный отрок приобретает необходимые навыки (сноровку, ловкость, силу, сообразительность). Это был первый отечественный трактат, в котором впервые напрямую было обращено внимание на физическое развитие человека и пользу упражнений и игр. Соответственно, благодаря этому сочинению появились предпосылки теоретического осмысления физических занятий и физического воспитания как таковых. Это был и новый поворот в рамках понимания и раскрытия сущности представления «спортивной» информации того времени на российском уровне.

Стоит отметить, что спортивная информация встречается и в появившейся в 1600 г. первой русской рукописной газете, но в малом количестве. Прежде чем дать характеристику материалов о физических занятиях, обратим внимание на само издание.

¹ Танков А.А. Историческая летопись Курского дворянства. М., 1913. URL: <http://old-kursk.ru/book/tankov/t020.html>

На протяжении многих лет газета не имела постоянного названия, и только в 1676 г. в «Переписной книге царя Алексея Михайловича» она была названа «Куранты о всяких вестях». В исторических и современных источниках можно найти самые различные виды ее названия: «Грамотка», «Вести», «Вестовые ведомости», «Тетради», «Вестовые письма», «Летучие листки», «Столбцы», «Куранты» и т.д. С 1621 г. газета начала выходить регулярно от двух до четырех раз в месяц. Количество создаваемых экземпляров было мало: от одного до трех (первоначально для царя и Боярской думы). К концу 1670-х гг. их число было увеличено, так как газета стала распространяться через почтовое ведомство в Москве и ближайших городах. Общее количество сообщений в одном «номере» было разным – от 10–15 до 25–30. Они были представлены в виде кратких известий написанный в случайном порядке, без соблюдения строгой хронологии. Например, в свитке за 12 апреля – 2 июня 1662 г. вначале были вести из Царьгорода, затем из Рима, из Вены, из Винницы, затем вновь из Вены, далее из Гданьска, из Риги и опять из Гданьска и т.д.¹ Сами записи были сделаны на нескольких листках пергаментной бумаги, склеенных в длинный свиток, доходивший порой до нескольких сажень².

Основу информации составляли переводы из зарубежных рукописных и печатных изданий (голландских, немецких, польских и др.), а также ряда иностранных брошюр объемом до десятка страниц. Исследуя тексты первой русской газеты, историк С.М. Шамин замечает, что для перевода из зарубежных изданий отбирали совсем небольшой процент сообщений. Перевод был близок к оригиналу. Лишь иногда переводчики сокращали исходные статьи. Объемные корреспонденции давали переписывать сразу нескольким писцам, чтобы ускорить работу³. Другой исследователь, Л.И. Сазонова, указывает на то, что при переводе два-три мелких сообщения могли объединяться в одно.

¹ Вести-Куранты. 1656, 1664–1670 гг. / под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М., 2009. Т. VI, ч. 1. С. 98–99.

² 1 сажень = 2,13 метра.

³ Шамин С.М. Куранты времени правления Федора Алексеевича: к проблеме заинтересованности Московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг. М., 2003. С. 14–17.

При этом негативная для Москвы информация отсеивалась и не переводилась¹.

Кроме зарубежных источников, часть информации, особенно во второй половине XVII в., бралась из ряда отечественных документов: докладов, грамот, грамоток, указов, договоров, статейных списков, частных деловых писем, погностических сочинений, расспросных речей и т.д. Но российские сообщения были единичными и составляли малую долю всех представленных сведений в «Вестях-Курантах», приблизительно 1–2 сообщения в «номере», и то нерегулярно.

Выпуском газеты занимался Посольский приказ, в ведении которого были дела, касающиеся внешней политики России. Поэтому авторы – дьяки, поддьяки, толмачи (переводчики), писцы – из всего многообразия сообщений в первую очередь выбирали политические и военные сведения. Главная тема – политика – была представлена следующим образом. Акцент ставился на освещении различных событий, включая военные и мирные, происходящие в тех зарубежных государствах, с которыми у России были установлены определенные дипломатические отношения: Германия, Голландия, Польша, Франция, Англия, Италия, Литва, Украина, Испания и др. Вести о делах в других странах (Португалия, Алжир, Персия, Индия, Турция, Арабские страны, Америка и т.д.) носили единичный характер или вовсе отсутствовали. На основании исследования текста можно отметить, что эта часть известий была представлена через сугубо европейский взгляд на происходящее (учитывая хороший перевод с оригинала).

Стоит обратить внимание и на то, что в газете была представлена и информация и на другие темы: экономика (торговля), сцены из жизни царских особ (коронации, свадьбы, похороны, торжественные приемы и т.д.); чрезвычайные происшествия (пожары, засуха, эпидемии); стихийные бедствия (ураганы, штормы, землетрясения, извержения вулканов), а также слухи о различных чудесах, небесных явлениях (пролеты комет, затмения солнца), включались и курьезные случаи. Бла-

¹ Сазонова Л.И. Вести-Куранты. 1656, 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Т. VI, ч. 1: Русские тексты // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2010. Т. 69, № 4. С. 42–44.

годаря отечественным источникам в газете все же можно было найти информацию о событиях в России. В этом случае политика раскрывалась через описание участия россиян в военных походах, сведения о заключении мирных договоров с различными государствами, в частности с Польшей, Литвой, о посещении московскими послами разных стран – Германии, Италии, Англии и т.д. Сведений о внутренних событиях Российского государства было крайне мало, в основном они касались дел царской особы или приближенных к нему лиц. И опять же упор делался на описание приемов иностранных послов, заключения торговых сделок. Редко речь шла о других российских городах, и, как правило, такого рода информация была представлена одной строкой. К примеру: *«Ведомость о Архангелскомъ городе что о бывшемъ тамошнемъ пожаре что воевода для такова несчастья в великомъ отчаянии б остого чтоб црь ту беду его не россмотрителству не при челбы...»*¹.

В аспекте интересующей нас темы представление «спортивной информации в данной газете носит единичный характер. В то же время на основе анализа сохранившихся «номеров» издания, собранных сотрудниками московского Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и напечатанных в шести книгах «Вести-Куранты», издававшихся с 1972 по 2009 г., можно сказать, что такая информация была представлена двумя способами. Во-первых, через ряд слов, а точнее, через употребление тех или иных терминов, которые условно можно отнести к зарождавшейся «спортивной» терминологии. Хотя они чаще используются в описании военных, бытовых и иных событий. К таким словам относятся «бег» и его разновидности («бегать», «выбегать», «перебегать», «подбегать», «забежать», «бежать», «убегать» и т.д.) и ряд других слов: «плыть», «переплывать», «игра», «потеха», «охота», «ловля», «упражнение», «метание», «сани» и т.д. Например, в своде известий от 25 февраля – 9 марта 1665 г.: *«Гонецъ прибежалъ ис Турскои семли и сказывал что турскои vesirь*

¹ Вести-Куранты. 1656, 1664–1670 гг. / под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М., 2009. Т. VI, ч. 1. С. 422.

в Весень бурке. і вымышляет какъ бы ему наступить всеми силами на Вицицкую землю...»¹.

Во-вторых, такая информация встречается в виде краткого упоминания о физических занятиях, а точнее о забавах, происходящих в зарубежных государствах. В частности, в «Вестях-Курантах» от 17 февраля – 23 марта 1668 г. говорилось: *«Сеимъ варшавскіи в великом смятении, инне пишутъ что упражняютца над томъ что к будущему мѣсу юня написать новой съездъ, а королевское величество сказываютъ намерен ехать в Вилну для потехи сверино и ловли»².* Обычно это была лишь часть сведений, входящих в основное сообщение. В то же время на уровне российских известий подобные сведения в газете не встречаются.

Теоретически информация о физических занятиях и забавах в России могла уже присутствовать в «Вестях-Курантах» через взгляд, наблюдения иностранцев, побывавших в нашем государстве, потому что некоторые российские события освещались в данной газете именно так. Однако фактически российских «спортивных» сведений в издании нет. Одной из возможных причин было то, что они могли не привлечь внимание толмачей Посольского приказа; как уже было сказано выше, не вся информация, представленная в зарубежных изданиях, переводилась. В целом же исследование «номеров» «Вестей-Курантов» показало, что уже в первом рукописном российском издании есть сведения, которые условно можно отнести к «спортивной» теме.

Таким образом, автором монографии доказывается, что в XVII в. в России, как и в предыдущие века, продолжают развиваться определенные виды физических занятий. По сравнению с предыдущей эпохой, когда в тех или иных источниках они упоминаются лишь как явление, в этот период времени физические занятия, несмотря на сохранившиеся к ним отношение, восприятие в обществе (как игра, забава, военная и бытовая деятельность) уже становятся полноценным объектом для изучения, осмысления их роли и значения. Этот подход осу-

¹ Вести-Куранты. 1656, 1664–1670 гг. / под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М., 2009. Т. VI, ч. 1. С. 109.

² Там же. С. 261.

ществляется через детальное или частичное исследование отдельных видов физической деятельности в разделах сочинений русских и иностранных авторов, а также написание рукописных трудов на данную тему. На основе проведенного анализа можно сказать, что в таких произведениях определяется двойственное отношение к физическим занятиям: через установление пользы подобных развлечений и одновременно определение вреда (выражающееся, например, в запрете на настольные игры, кулачные и дрекольные бои).

Важным фактором исследования становится и то, что удалось найти доказательства наличия «спортивной» информации в первой русской рукописной газете «Вести-Куранты». Хотя она имеет единичный характер, представлена на уровне употребления отдельных слов, фраз, а также в виде небольших фрагментов в сообщении. Последние можно считать точкой отсчета зарождения «минитекстов» о спорте.

XVIII в. стал во многом переломным периодом в понимании русским обществом феномена спорта, а точнее, его разновидностей – физических занятий и физического воспитания, гимнастических упражнений. Уже в начале этого века благодаря реформам Петра Первого, направленным на внедрение в российскую действительность европейских образа жизни, культуры, образования, произошли значительные изменения в армии, экономике, промышленности, торговле, внешней и внутренней политике, государственном строе, образовании, науке и культуре.

Реформы Петра Первого, а также его личный интерес к спорту, во многом способствовали появлению спортивной информации в печатных изданиях, что требует научного осмысления. В различных исторических источниках начала XVII в. (воспоминания российских современников; дневники; записи иностранных поданных, побывавших в России в те времена) указывается, что государь отлично скакал на лошади, фехтовал, катался на коньках. Кроме того, согласно этим же документам Петр открывает для общества ряд «спортивных» забав.

Например, катание на буерах (лодка под парусом) по льду, о чем упоминает в своих записках «Другое и более подробное повествование о России» английский инженер-кораблестроитель Джон Перри: *«Что касается до царя, то он так любит управлять парусами, что*

даже зимою, когда река Нева и взморье замерзали и нельзя уже более плавать по воде, он имеет нарочно устроенные лодки, искусным образом приспособленные для катания на льду. Каждый день, когда дует ветер, он в лодке с развевающимися флагами и вымпелами управляет парусами и реет по льду точно так же, как во время плавания по воде»¹.

В 1718 г. в Санкт-Петербурге по указу Петра Первого было создано объединение «Невская флотилия», в публикациях следующего века названная первым Яхт-Клубом². Одно из первых ее описаний было представлено в «Журнале Министерства народного просвещения»: «Общество, названное нами Яхт-Клубом, основано 1718 году. Петр Великий роздал безденежно (на сумму 125, 199 руб.) разным лицам и местам 141 судно: яхты, буера, торнихоуты, рябиты, верейки, в вечное и потомственное владение, с тем однакоже, чтобы владельцы их починивали и вновь делали уже на свой счет, и строили бы “не меньше, а больше воля...” Вместе с сим издан Устав или Инструкция (указ 12 Апреля 1718 года) и сигналы. Суда были розданы первым сановникам, некоторым Архиереям, Адмиралам, корабельным мастерам, докторам, иноземцам, Правительствующему Сенату, Невскому монастырю, Иностранной Коллегии и проч., всего 90 лицам и местам. Все эти суда назывались Потомственными и Невским флотом. Президентом, или, вернее, надзирателем этого Клуба назначен Потемкин, прозванный (однако же не официально)»³.

Внедрение «спортивных» забав происходит не только в столице, но и в других городах. Зная грозный характер царя, многие правители городов желали угодить ему во времена визитов, правда, делая акцент на удовлетворении его личных интересов. Например, вот как описана в исторических документах подготовка к приезду царя в Астрахань в

¹ Перри Д. Другое и более подробное повествование о России // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1871. № 2. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Perry/text5.phtml?id=1645>

² См.: Первый яхт-клуб в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1849. Т. 64; Первый яхт-клуб в России // Морской сборник. 1849. № 6.

³ Первый яхт-клуб в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1849. Т. 52, вып. 10–12. С. 67.

1721 г.: «...вниз по Кутуму, в Замановском саду для Петра I построен роскошный дворец. В самом саду срочно отремонтировали различные увеселения: качели, карусели, места для скачек»¹.

Особое внимание Петр Первый уделял многим настольным играм – шахматам, шашкам, бирюлькам, бильярду и др. В частности, интерес к бильярду, как отмечает историк В. Наумов, Петр проявил еще во время заграничного путешествия 1697–1698 гг. Впоследствии он заказал английский резной бильярдный стол и приказал «установить сей стол возле приемной, дабы посланники разные и дипломаты не били баклуши»². Информацию о разноплановой страсти царя к настольным играм можно найти в записях его «Походных журналов» (юрналах) за разные годы. Например, вот как это описывается в журнале за март 1720 г.:

«В 18-й день. Их Величества слушали часы, и играли въ билиартъ и трукть-тафель...»

*В 19-й день. Его Величество после кушанья ездиль на озеро, и игралъ въ билиарт, и трукть-тафель, и в шахматы и в бирюльки до ночи...»*³.

Этими же играми, особенно шахматами, интересовались и некоторые представители ближайшего окружения государя, что документально подтверждается в юрналах князя А. Меншикова за 1695–1725 гг. В частности, в записи за ноябрь 1716 г.: говорится: *«В 20 день. И по прибытии изволили довольно забавлятца шахматною игрою, при том же были сенатор князь М. Долгорукой, генерал-маеор Чернышов, Александр Кикин, в 10-м часу пополудни розъехались»*⁴.

Сами же журналы могут считаться еще одним пражурналистским источником спортивной информации. По содержанию они пред-

¹ История Астраханской области. URL: <http://www.workchild.30nar-s2.edusite.ru/Astraxan/histor.htm>

² Наумов В. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010. URL: <http://statehistory.ru/books/Povsednevnyaya-zhizn-Petra-Velikogo-i-ego-spodvizhnikov/45>

³ Походный журнал 1720 г. СПб., 1855. С. 10–12.

⁴ Журнал 1716 году // Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2000. С. 86.

ставляли собой ежедневные дневниковые записи. Согласно исследованиям историка Т.С. Майковой, журналы можно разделить на повествовательные и делопроизводственные¹. Она же отмечает, что делопроизводственные были, прежде всего, отчетными документами². А вот повествовательные имели свободное ведение, так как в них описывались частные и общественные события, в связи с чем эту разновидность журналов вполне можно считать прототипом журналов как вида прессы. Аргументами в пользу этого утверждения служат следующие типологические характеристики, которыми они обладают.

1. Само название «Юрнал или подённые записки» показывает типологическую близость к периодическому изданию. На основании трансформации слова «юрнал» – «диурнал» – «журнал» возникло современное наименование одной из разновидностей периодических изданий.

2. Юрнал на каждый год велся в отдельной тетради, что может считаться отдельным номером. Естественно, что это был единичный экземпляр, но, с другой стороны, и первая рукописная газета выходила малым тиражом – от 1 до 3 экземпляров.

Однако уже в начале XVIII в. один из экземпляров «Походного журнала Петра Первого» трансформируется в первое печатное издание, на что в статье «Первые печатные издания России» профессор Санкт-Петербургского университета указывает Г.В. Жирков: «27 декабря 1702 г. выходит в свет первое из сохранившихся печатное издание России “Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26-го числа в 1702 году”»³. Далее автор пишет: «По размеру Юрнал в 4 раза превосходит первые два номера ведомостей. Он сначала имел тираж 1000 экз. (500 экз. с русскими цифрами, 500 – с арабскими), но, веро-

¹ Майкова Т.С. Военные «Юрналы» петровского времени // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. С. 368.

² Там же. С. 369.

³ Жирков Г.В. Первые печатные издания России // Мир русского слова. 2003. № 1. С. 38.

ятно, Петру I показалось этого недостаточно, так как был дополнительный тираж»¹.

3. Само содержание. Журнал, исходя из своего первоначального предназначения, представлял собой дневниковую запись, в которой раскрывались особенности повседневной жизни как царя, так и о его приближенных, включая сцены из жизни некоторых представителей дворянства и высшего офицерского состава (Царь побывал на крестинах у того-то, на свадьбе у того-то, отужинал там-то). Причем «свой» журнал велся отдельно для каждого. К примеру, в Российском государственном архиве, помимо петровских «Походных журналов» сохранилась часть журналов его сподвижника Александра Меншикова, которые позднее, в XIX в., были объединены в общее издание «Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг.». По самому содержанию это были, как правило, краткие, редко подробные (напоминающие летописное изложение событий) сообщения о делах первых лиц государства, о происходящих событиях, особенно в плане освещения военных действий в Азовских походах, Северной войне со шведами, Русско-турецкой войне и светской жизни (асамблеи, гулянья, общение в светском кругу: хождение в гости, приглашение гостей, а также посещение разных городов). Помимо основных сведений в некоторых журналах, например в журналах А.Д. Меншикова, имелись сведения о погоде, правда, не прогноз, а констатация явлений природы в день записи. Вот как выглядят погодные сведения за несколько дней января 1716 г.:

5 января: *«День было зело мразен с солнечным сиянием»;*

8 января: *«День был сумрачен и шол с перемешкою снег при теплом воздухе»;*

18 января: *«День был с теплым воздухом, к ночи стало быть мразно»².*

Если рассматривать содержание и расположение предоставляемой информации, то часть сведений – некоторые идущие подряд короткие

¹ Жирков Г.В. Первые печатные издания России // Мир русского слова. 2003. № 1. С. 38.

² Журнал 1716 году // Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2000. С. 19–23.

записи – напоминают хронику (визитов, поездок, деловых встреч, общения первых лиц государства) в новостной колонке в современных печатных СМИ, а развернутые сведения легко ассоциируются с репортажами с места событий. В то же время с современных позиций личные записи можно сравнить с записями в блогах, публикуемых в социальных сетях в Интернете. Сами блоги представляют собой дневниковые записи и некоторыми исследователями СМИ приравниваются к разновидностям журналистского творчества, входящего в новое направление журналистики – гражданскую журналистику. Соответственно, и с этой позиции журналы, вполне могут рассматриваться как одна из первых попыток создания «гражданской» журналистики. Примечательно было то, что в них изначально представлена собственно *российская* информация без влияния и переписки иностранных источников. Таким образом, раскрывается еще одна важная характерная черта журнала: он явно может рассматриваться как истинно отечественное рукописное издание.

4. Авторство. Если рассматривать «классическое» ведение дневника, то обычно это делает один человек – «хозяин» дневника. Заполнением же повествовательных журналов обычно по очереди занимались несколько человек. К примеру, как пишет Т.С. Майкова в работе «Военные “Журналы” петровского времени», авторами «Походного журнала» Петра Первого в разные годы были сам царь, подъячий Аверкий Леонтьев, начальник походной канцелярии Н.М. Зотов, бомбардир А. Синявин и др.¹ Всего насчитывается около 10 человек. Ведением журналов А. Меншикова, согласно информации из предисловия издания «Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг.», в 1716–1718 гг. этим поочередно занимались Я.П. Веселовский и А.Я. Волков, а в последующие годы еще ряд «летописцев»². И каждый делал записи по-своему. В частности, в некоторых сообщениях видна не просто констатация событий, а авторское

¹ Майкова Т.С. Военные «Журналы» петровского времени // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969. С. 371–373.

² Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2000. С. 11.

отношение или взгляд на происходящее. Причем один автор обращает внимание на одни факты, к примеру, на частную жизнь, другому интересны только военные дела, третий делает упор на официальные события, четвертый старается охватить все события – и бытовые, и военные, и политические. Авторский стиль проявляется и через употребление тех или иных слов, речевых оборотов. Например, в «Походном журнале» за 1705 г.: «*В день 5 мая с Москвы, конечно, хотели ехать в Польшу, в Полоцк, где была армия, да Его Величество заболел*»¹. Тем самым появляется еще один аргумент в пользу признания журналов прообразом периодических изданий.

5. Периодичность журнала, которая может рассматриваться так же условно. Исследуя эту особенность, можно отметить, что здесь наблюдается определенная двойственность самой характеристики. С одной стороны, на основании того, что записи велись год в одной тетради, сам журнал условно можно назвать ежегодником. С другой стороны, записи велись почти ежедневно (особенно в журналах 1716–1727 гг.) и в целом составляли хронику одного дня. И по этой причине они вполне могли быть прообразом сообщений для ежедневных информационных листков, а точнее, для газет. Это подтверждает тот факт, что в 1708–1710 гг. отдельные сообщения из этих ежегодных записей публикуются в печатной газете «Ведомости», хотя некоторые журналы выходили отдельным изданием, о чем говорилось выше.

6. Здесь были важны объем и стиль подачи информации. В запись одного дня могли входить от одного до трех разных по содержанию и объему сообщений. Об одном событии писалось одной строкой, а другое могло быть представлено через развернутое сообщение с рядом подробностей, особенно если дело касалось описания военных баталий. В зависимости от творческого потенциала автора стиль мог быть деловой – отрывистый, основанный на коротких фразах, или повествовательный – живой, базирующийся на раскрытии художественной образности, детализации того или иного события. Впоследствии именно эти стили дали возможность ученым выделить два вида

¹ Походный журнал. 1705. СПб., 1854. С. 3.

журналов – повествовательные и делопроизводственные¹. Хотя деловой стиль встречается и в ряде повествовательных журналов.

Если анализировать журналы на наличие «спортивной» информации, то можно отметить, что, по крайней мере, она присутствует почти в каждой годовой тетради двух первых лиц государства: в «Походных журналах» Петра Первого и «Повседневных записках» князя А.Д. Меншикова. В то же время стоит обратить внимание, что в этих журналах, по сравнению с первой рукописной газетой «Вестник-Куранты», такой информации намного больше. Согласно проведенному автором монографии анализу таких сообщений насчитывается примерно от 2–3 до 12–15 за год. Активность «спортивных» сообщений, наблюдается в «Походных журналах» Петра за 1716–1718 гг., в журналах А. Меншикова – за 1720 и 1726–1727 гг. Это объясняется тем, что оба высокодержавных представителя российского общества проявляли особый интерес к тем или иным «спортивным» забавам в мирное время. И чаще всего записи были об игре в шахматы.

В целом же исследование журналов XVIII в. показало, что они становятся еще одним пражурналистским источником, в котором появляется спортивная информация. Причем это были не только сообщения одной строкой, но цельные миниэпизоды, в которых, к примеру, было описано: кто с кем играл в шахматы (с указанием игроков, но без подробностей, кто у кого выиграл); кто с кем «соревновался» на яхтах или как представитель высшего света просто проводил свободное время, посвящая его «спортивным» забавам и т.д. Еще один немаловажный фактор – содержательная основа подобных сведений базируется только на российских «спортивных» событиях, правда, изображенных с сугубо частных, индивидуальных позиций.

Таким образом, доказано, что уже в начале XVIII в. тема спорта, а точнее описание увлечения общества и особенно первых лиц государства играми и физическими забавами, постепенно переходит из литературных и документальных источников в журналистские, правда, пока через небольшие сообщения.

¹ См.: Майкова Т.С. Военные «Журналы» петровского времени // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969.

1.2. Формирование информационно-коммуникативных доминант спортивного медиатекста в периодических изданиях XVIII в.

В декабре 1702 г. выходит еще несколько видов печатной продукции, относящихся к журналистике: первая печатная газета «Ведомости о военных и иных делах, достойных значения и памяти случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах» («Ведомости») и реляции. 16 декабря 1702 г. Петром Первым был подписан указ о выпуске издания. Первые номера выходили в неопределенные сроки объемом от двух до семи печатных листов. Тираж – 1000 экземпляров. Первоначально использовались два церковных шрифта.

По поводу представления в издании «спортивной» информации можно отметить следующее: на первых порах «Ведомости» не смогли поддержать тенденцию, прослеживающуюся в юрналах, раскрыть увлечение россиян «спортивными» забавами, играми – через цельные сообщения. Подобные сведения по-прежнему были редкими и, соответственно, «второстепенными», в какой-то мере «случайными» для опубликования. Как и прежде, все ограничивалось отдельными словами или короткими фразами из вестей из-за рубежа. Главной причиной такого подхода было то, что первоначально «Ведомости» были аналогом рукописных «Вестей-Курантов», и основу их содержания, как и в былые времена, составляли переводы иностранных изданий. Сведений о России первоначально было немного, но благодаря распоряжению Петра Первого они были постоянны, а не случайны, как в прежние годы, и уже не терялись в потоке иностранных сообщений. Постепенно менялась и форма представления информации: в добавление к переводам и коротким сообщениям в газете стали публиковаться официальные (доклады, отчеты) и иногда частные документы (письма, отдельные записи из тех же юрналов). В частности, согласно исследованиям, проведенным историком А.А. Покровским в начале XX в., доказано, что в состав номеров 1708 (№ 6, 11, 12 (первая половина), 13, 14) и 1709 гг. (№ 9, 10, 11, 12), а также в 1710 (№ 15, 17, 19),

1713 г. (№ 1, 3) вошло много собственноручных писем государя¹. Кроме того, в этом издании появляются и первые авторские публикации (но без подписи). Тот же А.А. Покровский утверждает, что по указанию Петра для газеты писали адмирал Апраксин (№ 23 за 1707 г., № 7, 10 за 1708 г.), князь Василий Долгоруков (№ 31 за 1715 г.), генерал Рен (начало № 6 за 1704 г., вторая половина № 1 за 1705 г.) и т.д.²

В 1720–1740-е гг. ситуация меняется. Спортивная информация в той или иной форме стала постепенно появляться в изданиях. По способу подачи это чаще всего были фрагменты (отдельные предложения, небольшие эпизоды в тексте, редко цельные тексты). По временной категории – историческая и современная. Тематические интересы касались физического воспитания в целом, раскрытия отдельных направлений в спорте (охота, рыбалка, конные игрища, настольные игры и т.д.).

Пресса постепенно обращает внимание на «спортивные» забавы. Первыми новостями становятся известия из-за рубежа. К примеру, «Борьба воловая в Гишпании и Португалии или о битве с волами» (Исторических, генеалогических и географических примечаниях в Ведомостях. 1729. Ч. 19. 8 марта).

Российские издания в большинстве случаев раскрывали такую забаву, как царская охота. В частности, в 1737 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется несколько сообщений об увлечении охотой императрицы Анны Иоанновны. Первое из них датируется 12 марта: «...изволила Ея Императорское Величество, Всемилостившая наша Монархия, в Зимнем своем Императорском доме забавляться травлею диких зверей. При всем случае травили дикую свинью, которую, наконец Ея Императорское Величество собственноручно застрелить соизволила»³. 25 июля в той же газете можно было прочесть, об одном из первых официальных состязаний, предложенных императрицей: «Перед несколькими днями изволила Ея Импе-

¹ Покровский А.А. К истории газеты в России // Ведомости времен Петра Велико-го. В память 200-летия первой русской газеты. М., 1906. Т. 2. С. 55.

² Там же. С. 55–56.

³ Санкт-Петербургские ведомости. 1737. 12 марта.

раторское Величество быть на охоте, где несколько оленей убито. На прошлой неделе приказала Ея Императорское Величество при дворе учредить стреляние птиц, а награждение за оное состязание положила в золотых кольцах и алмазных перстнях»¹.

В 1740 г. в этом же издании сообщалось об одной из самых больших охот: *«Ея Императорское Величество, наша Всемилостившая Государыня, во время Высочайшего своего присутствия в Петергофе, для особенного удовольствия, как парфос ягтою затравить, так и собственноручно следующих зверей и птиц застрелить изволила: девять оленей, у которых по двадцать четыре, по восемнадцать, по четырнадцати отростков на рогах было; шестнадцать диких коз; четыре кабана; одного волка; триста семьдесят четыре зайца; шестьдесят восемь диких уток, шестнадцать больших морских птиц»².*

Газета прослеживает охотничьи забавы Императрицы не только в России, но обращает внимание на такое же развлечение ее за рубежом. В частности, в № 80 от 5 окт. 1753 г. было представлено следующее сообщение: *«Из Австрии от 15 сентября. Ее Величество Императрица 22 числа возвратится из Богемии, где Ее Величество забавляется охотою в знатных дворянских вотчинах. Между прочим в местах принца Ауэрсбергского была охота кабанов, которая три дня продолжалась, причем убито больше 600 кабанов»³.*

Охота считалась одним ведущих развлечений царских династий, впоследствии, в XIX в., она становится одним из первых признанных видов спорта.

В конце XVII – начале XVIII в. в русской литературе и журналистике появляется первая историческая «спортивная» информация. Она представлена через краткое описание (на уровне отдельных фраз, редко абза-

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1737. № 59. 25 июля. Цит. по: Кутепов Н.И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси. Царская и императорская охота на Руси – конец XVII и XVIII веков. М., 1902. Т. 3. С. 404.

² Санкт-Петербургские ведомости. 1740. № 64. Цит. по: Кутепов Н.И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси. Царская и императорская охота на Руси – конец XVII и XVIII веков. М., 1902. Т. 3. С. 404.

³ Из Австрии от 15 сентября // Санкт-Петербургские ведомости. 1753. № 80. 5 окт.

цев) античных Олимпийских игр, проходивших в Древней Греции в VIII в до н.э. Первым таким источником стала книга И.Ф. Копиевского (Копиевича) «Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное», выпущенная в Амстердаме в 1699 г., в которой есть следующая фраза: «Греки празновали игрищище олимпиады, с великим накладом всея грецьи»¹.

Вторым источником стал печатный сборник «Апофегмата. Кратких витиеватых и нравоучительных повестей книги три, в них же положены различные вопросы и ответы, и жития, и поступки, и пословицы, и беседования различных философов древних» (первое издание вышло в 1711 г., седьмое – в 1781 г.) в переводе с польского на славянский. Основой послужила книга белорусско-польского мыслителя С. Будного «Krótkich a węzłowatych powieści, które po grecku zowią Apophegmate ksiąg czworo» начала XVII в. В сборнике встречаются такие строки: «Отец рече ему <Александру Македонскому>: да на игрищах олимпийских в запуски с към бьжит»².

Подобные сведения появляются и в научных журналах. В частности, в одной из статей 15-й части за 1731 г. «Месячных исторических, генеалогических и географических примечаний» в «Ведомостях» можно найти следующие строки об Олимпийских играх: «Сии Олимпиады были у Греков вмьсто исправнаго исчисления времени».

Следующим источником об Олимпиаде в Греции является статья немецкого ученого Г.В. Крафта (G.W. Krafft) «О сохранении здравия», напечатанная на русском языке (перевод М.В. Ломоносова) в журнале «Примечание к Ведомостям» (специальном приложении к газете «Санкт-Петербургские ведомости»), в октябре 1741 г. Здесь, так же как и в предыдущих изданиях, эта тема отражена одной фразой: «Хилон, един из греческих седми мудрецов, умер также от радости, когда его сын мзду в Олимпийских играх достал»³. Тем не менее можно предположить, что именно эта строка послужила ключе-

¹ Цит. по: Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2006. Вып. 16. С. 267.

² Апофегмата. Кратких витиеватых и нравоучительных повестей книги три. СПб., 1711. С. 127. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=220>

³ Крафт Г.В. О сохранении здравия / пер. М.В. Ломоносова // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М. ; Л. 1950–1983. Т. 11. С. 30.

вым фактором для включения М.В. Ломоносовым в список важных тем для разработки и воплощения¹ идеи «Олимпийских игр» которую, к сожалению, ему лично реализовать не удалось.

В последующие годы «олимпийская» тема находит отражение в основном в литературных произведениях (Г.Р. Державина, А.Н. Радищева, А.П. Сумарокова, В.П. Петрова и др.) и научных трудах, в частности в «Истории России» В.Н. Татищева (гл. 8 и 12).

В 1760-е гг. продолжается интерес к данной теме. В частности, в журнале М. Хераскова «Полезное увеселение» выходит публикация «Проблемы задаваемые Бианту на Олимпийских играх» в переводе с лат. В. Приклонского (1760. Т. II. Июль, № 1).

В 1770-е гг. в переводном произведении «Жизнь Солонова»² обращается внимание на финансовую сторону награждения олимпийских победителей в Древней Греции. Согласно одному из указаний греческий законодатель Солон уменьшил денежные призы участникам: «...и назначил на Олимпийских играх по 500 драхм, а по 100 определил одержавшим вверх на Истмических»³. Это было одно из первых упоминаний в российской печати о денежных вознаграждениях за победу в спортивных состязаниях.

Кроме того, в периодических изданиях предлагаются первые исследования и объяснения тех или иных игр. Чаще всего это были карточные игры. К примеру, в «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащие»⁴ был напечатан «Аллегорический и исторический толкователь карточной игры Пикет» (1755. Т. IV).

Массово появившиеся в 1760–1770-х гг. печатные издания⁵ постепенно начинают обращать внимание на «спортивные» темы, харак-

¹ См.: Ломоносов М.В. Темы статей // Полное собрание сочинений. Т. 6 : Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. М. ; Л. 1952. С. 377.

² В заголовке текста была опечатка: «Жизнь Солонопа», хотя в оглавлении тома произведение значится как «Жизнь Солонова».

³ Жизнь Солонова // Утренний свет. 1778. Май. С. 84.

⁴ Первый учено-литературный журнал в России.

⁵ За весь XVIII в. начиная от «Ведомостей о военных и иных делах», издававшихся со 2 января 1703 г. по указу Петра I, было выпущено всего 119 периодических изданий на русском языке. Мордовченко Н.И. Журналистика начала XIX века //

терные для современной жизни того времени. В этот период в прессе начали печататься первые объявления об открытии различных «спортивных» школ, предложения частных уроков в обучении физическому искусству (фехтованию, верховой езде, танцам и др.). В «Санкт-Петербургских ведомостях» в течение нескольких лет было напечатано несколько сообщений: *«Прибывший из-за границы капитан Розенфельд, приглашал желающих обучаться фехтовальному искусству являться к нему на Моховую ул., в дом Щербакова»*¹; *«Иосиф Дешамб, фламандский уроженец, бывший прежде сего в Парижской Королевской Академии форфехтером, а ныне находящийся в службе как при Шляхетном Инженерном кадетском корпусе, так и при новозаведенной при оном греческой гимназии по просьбе молодых благородных особ, состоящих из 25 чел., и с дозволения главной полиции завел здесь фехтовальное училище, в коем показаны будут основательные правила сей науки; желающее пользоваться учением оной благородное юношество приезжать имеет три раза в неделю, во вторник, четверг и субботу с 8 утра до обеда, а прочим молодым людям училище сие открыто также три раза в неделю»*² и др.

Нередки сообщения о проведении конских забав (устройство «каруселя»³). Так, в одном из номеров «Санкт-Петербургских ведомостей» писалось: *«16 июня 1767 г. был карусель перед зимним ее имп. велич. дворцом, в нарочно – выстроенном амфитеатре»* – первое, что отмечается в этом сообщении; *“четыре кадрили, – читаем мы далее, – были различны, каждая представляла нам народ свой в той степени, в которой старые и новые писатели упоминают их славнейшие ополчения. Кадрилия славянская представляла древность своего народа... Кадрилия римская изображала живо древнюю гордость и величество сих победителей. Кадрилия индийская и кадрилия турецкая»*⁴.

История русской литературы : в 10 т. М. ; Л. 1941–1956. Т. V : Литература первой половины XIX века. 1941. Ч. 1. С. 42.

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1766. № 40.

² Там же. 1773. № 86.

³ Это слово в XVIII в. использовалось в мужском роде.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1767. № 40. Цит. по: Очерки по истории физической культуры / под ред. В.Н. Петрова. М., 1938. Вып. 1. С. 165.

В 1778 г. в газете появляются сообщения о проведении первых соревнований по фехтованию: *«В каждое первое воскресенье всякого месяца имеет быть в зале Фишера собрание (соревнование), коего первое будет сего августа 19 дня, где охотники искусства своё показывать будут. Желающие быть зрителями через сие почётно к тому приглашаются»*¹. Проводил их швейцарец Фишер, приехавший в Россию в 1775 г.

Спортивная тематика раскрывалась и в литературных (сатирических) журналах. В публикациях «спортивная» информация остается второстепенной, однако в отдельных случаях она выходит на первый план. При исследовании текстов печатных изданий середины XVIII в. можно отметить, что этому способствовал сам процесс раскрытия способов представления «спортивной» информации.

Для подтверждения этого тезиса было проанализировано семь изданий («Живописец», «Почта духов», «Кошелек», «Трутень», «Смесь», «И то, и се», «Всякая всячина»), вышедших в период с 1769 по 1799 г. Исследование показало, что в литературных журналах XVIII в. «спортивная» информация в большинстве случаев представлена в виде отдельных слов, фраз, к примеру *«и вчера проиграл на бильярде вашему знакомому, который меня к вам прислал»*²; редко это отдельные эпизоды, в которых раскрываются определенные физические качества (сила, ловкость, быстрота реакции, умелое владение оружием), которыми обладают герои, проявление игровых способностей не просто на бытовом уровне, а уже полученных через обучение.

Стоит обратить внимание и на другую тенденцию – в некоторых эпизодах происходит не просто констатация «спортивного» действия, события, а философское, точнее публицистическое, размышление, почему так происходит. В этом случае фрагменты уже достаточно объемные по содержанию. В частности, в журнале «Живописец» (ред. Н.И. Новиков) за 1772 г. можно найти несколько таких примеров, раскрывающих те или иные «спортивные» забавы, обладание героями публикации физическими навыками и т.д.:

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1778. Цит. по: Первые учителя фехтования в России. URL. http://www.fencingfuture.org/cntnt/rus/fehtovanie/rus_history/n6.html

² Новиков Н.И. Трутень. 1769. 22 июня. С. 64.

Пример 1. Здесь приведено описание необычных спортивных развлечений: «Сынок к строению не имеет охоты, но вместо того упражняется в весьма полезных делах для пользы земных обитателей: ибо он изыскивает, может ли боец гусь победить на поединке лебеда; ради чего выписывает из Арзамаса самых славных гусей и платит за них по 20, по 30 и до 50 рублей за каждого. Имеет бойцов петухов; содержит великое число псовой охоты и ежегодно положенный на него соседями за помятие их хлеба оброк платит бездомно»¹.

Пример 2. Представление определенного образа героя через характеристику овладения «наукой рубить шпагою»: «Худовоспитанник точно так и поступает: его называют храбрым офицером, похваляют: отец его радуется, что имеет столь любезного сына. Наконец, по многим храбрым его поступкам, сделал он прехраброе дело: его пожаловали бы большим чином, если бы он что-нибудь разумел *опричь науки рубить шпагою*»².

Пример 3. Обладание героем определенными физическими и интеллектуальными «спортивными» навыками: «Так рассуждает Наркис; достоинства его следующие: танцует прелестно, одевается щегольски, поет, как ангел; красавицы почитают его Адонидом, а солюбовники Марсом, и все его трепещут; да есть чего и страшиться: *ибо он уже принял несколько уроков от французского шпагобойца. К дополнению его достоинств играет он во все карточные игры совершенно*»³.

В последнем фрагменте в качестве примера интеллектуальной игры приведены карты, что вызывает споры у многих теоретиков. Однако доказательство того, что карты относятся к спорту, можно найти уже в первых классификациях спортивных видов, опубликованных в конце XIX в. Например, в статье энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона о понятии «спорт» говорится о том, что

¹ Оттуда же (Из Москвы) // Живописец. СПб., 1775. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/novikov/01text/01prose/05.htm>.

² Автор к самому себе. Оттуда же (Из Москвы) // Живописец. СПб., 1775. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/novikov/01text/01prose/05.htm>

³ Там же.

карты относятся «к неподвижному спорту (в котором мускульные движения не играют существенной роли)». Кроме того, это подтверждается и тем, что в настоящее время карты по-прежнему являются популярной настольной игрой. И некоторые ее разновидности, такие как бридж, покер, преферанс, включены в реестр спортивных видов на мировом уровне. Именно по этим видам существуют отдельные спортивные федерации. В этом случае сведения о картах можно отнести к «спортивной» информации, но условно.

В целом же анализ показал, что «спортивной» информации почти во всех исследуемых журналах мало – приблизительно 2–4 фрагмента за год. Особое внимание этой тематике уделялось в журналах Н.И. Новикова, к примеру, в «Трутне» – 4 фрагмента, в «Кошельке» – 5 (учитывая карточную игру), а в «Живописце» за два года его существования (1772–1773 гг.) – 11. Стоит отметить, что здесь также преобладает карточная тема, ей посвящено 8 эпизодов.

При подробном рассмотрении особенностей сущности «спорта» в журналистике XVIII в. отмечается и третья немаловажная тенденция: авторы печатных изданий того времени практически не интересуют активные, подвижные виды «спорта» (скачки, кулачные бои, занятия с холодным оружием, различные сельские игры, и т.д.), хотя они, как и прежде, продолжают развиваться в Российском государстве. Это в большей степени отражено только в ряде официальных документов, в частности в «Уставе воспитания двух сот благородных девиц учрежденного Ея Величеством Государынею Императрицею Екатериною Второю», разработанном И.И. Бецким. Здесь в одном из параграфов говорится: «Приучать детей в обыкновенных их играх действовать обеими руками, например: играть в кегли, бросать далеко камнями в цель, бороться и прочая. Позволять им бегать в ясные и мрачные дни по песку, по кочкам, по пашне, по горам и крутым местам, ходить иногда босиком по каменному полу в стуже с открытою головою и грудью; ибо все сие укрепляет их здоровье, и для того, не опасаясь ничего, позволять им все вышеописанное»¹.

¹ Устав воспитания двух сот благородных девиц учрежденного Ея Величеством Государынею Императрицею Екатериною Второю. СПб., 1768. С. 111.

Однако журналисты, а точнее издатели, писатели, публицисты второй половины XVIII в. в первую очередь обращали внимание на настольные игры (сказывается влияние «просветительской эпохи» во время правления Екатерины II). В данном случае стоит отметить, что на основании имеющихся характеристик настольных игр не все современные исследователи истории спортивной журналистики относят их к спорту. Это является одной из главных причин, почему во многих научных работах, учебниках, пособиях¹ история спортивной журналистики начинается не с XVIII в., а с середины XIX в. По мнению автора данной работы, это является фактической ошибкой. В настоящее время существуют спортивные федерации по многим настольным играм: шахматам, бильярду, некоторым видам карточной игры и т.д. Благодаря этому можно утверждать, что информация о настольных играх напрямую относится к теме спорта, и благодаря ей спортивная тематика в российских периодических изданиях появилась почти на 60–70 лет раньше, чем указано в современных источниках.

Особенно много эпизодов, а иногда и целых публикаций, связанных с игрой в карты. В них содержится буквально все – начиная от раскрытия сути самой игры, ее разновидностей, информации о правилах игры; заканчивая значением карт в жизни светского общества, описанием чувств, полученных при выигрыше, проигрыше, а также обучением навыкам игры в карты в специализированных школах и т.д.

Об этом можно прочесть в «Разговоре I. Между Россиянином и Французом» в журнале «Кошелек» за 1774 г. (изд. Н.И. Новиков), в котором на примере диалога представителей двух разных государств раскрывается отношение к самой игре. *«Россиян. Это правда, что проигрши всякому человеку чувствителен, но одному более, другому менее: вы в сей раз играли несчастливо, но сие и со многими другими игроками нередко случается; счастье и несчастье в игре попеременно бывает: сегодня вы проиграли, завтра можете выиграть. Однако ж, видя вас так*

¹ См.: Алексеев К.А. Спортивная пресса России XIX – начала XX в.: историко-типологический анализ. СПб., 2008; Алексеев К.А., Ильченко С.Н. Спортивная журналистика. СПб., 2010. Ч. 1; Михайлов С.А., Мостов А.Г. Спортивная журналистика. СПб., 2005; Слюсаренко Е.А. Специализированные журналы о спорте: типологические и профильные характеристики. М., 2003 и др.

чувствительна к проигрышу, играть вам не советую: ибо хотя и всякий человек подвержен житейским претыканиям, но тот почитается благоразумнейшим, который больше другого управляет страстями своими. Благоразумный человек приготавливает себя ко проигрышу прежде, пока не начнет играть: сим средством во все время игры сохраняет он равнодушие, не разгорячается и никогда того не проигрывает, чего не хотел бы проигрывать или чего заплатить не может»¹.

Также узнать суть карточной игры можно через короткое сообщение: *«Недавно приехавший француз учредил для молодых благородных и мещанских детей школу, в которой преподавать будет все в карточных играх употребляемые хитрости и обманы, в каждый день от 10 пополудни до 5 часов пополуночи»².*

К примеру, во фрагменте письма VI в журнале «Почта духов...» (1789, изд. И.А. Крылов) говорится: *«После сего говорят мне, чтоб состояние свое поправил картами, и доказывают ясно, что ничего нет легче, как выиграть десять тысяч рублей в один вечер; я этому верю, беру карты, меня вводят в один дом, где указывают мне собрание сих счастливыхцев, из которых большая половина сидели в отчаянии, без кафтанов и без камзолов; это меня несколько устрашило, но приятели мои принимаются за убедительные свои доказательства и говорят, что когда двое играют, то неотменно должно, чтоб один из них проиграл, а другой выиграл. Сии самые полунагие служат доказательством, что есть счастливицы, которые у них все выиграла, после чего я сажусь и проигрываю свой годовой доход, потом на три тысячи даю векселей»³.*

Однако при всех положительных описаниях карточных игр в столичной прессе нередко в публикациях встречается и их осуждение. В них карты представлены как порок, который надо искоре-

¹ Разговор I. Между Россиянином и Французом // Кошелек. СПб., 1774. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/novikov/01text/01prose/04.htm>

² Известия // Живописец. СПб., 1775. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/novikov/01text/01prose/05.htm>

³ Крылов И.А. Почта духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. URL: <http://search.rsl.ru/ru/catalog/record/5428401>

нять. В частности, в журнале «Детское чтение» (1786, кн. XIV) в нравоучительном рассказе «Плачевные следствия пристрастия к игре» на конкретном примере раскрыты все печальные последствия (убийство героем случайного прохожего), к которым приводят карты. При этом сами карты в произведении ни разу не называются.

Подобная история была раскрыта и в произведении «Печальные следствия игры» («Распускающийся цветок», 1787).

Помимо этого, о карточной игре можно было прочитать в следующих медиатекстах: «Рассуждение Агриппы фон Нейгема о картежной игре» (Парнасский щепетилник. 1770. Август); «Мысли о карточной игре» (Санкт-Петербургский вестник. 1780. Ч. VI); «О склонностях к игре» (Прибавление к Московским ведомостям. 1784. № 89); И. Безрубашкин «Письмо к господину Б. автору ученых ведомостей» (Время непраздно провожденное в чтении, или Полезные повествования разных писателей. 1787. Тетр. 1); «О игре» (Новые ежемесячные сочинения. 1792. Сент. Ч. LXXV); «Исправленный карточный игрок» (Новые ежемесячные сочинения. 1793. Июль. Ч. LXXXV) и др.

Кроме того, в первых российских журналах печаталась фрагментарная информация и о других настольных играх (шашках, шахматах). В частности, в журнале «Детское чтение для сердца и разума» существуют несколько упоминаний игры в шахматы, шашки. К примеру, в произведении Н.М. Карамзина «Деревенские вечера» есть несколько эпизодов, где представлена игра в шахматы (называвшаяся тогда и шашками). В частности, при описании главного героя Своемыслов, который переехал в деревню *«Ибо он [Своемыслов] очень жалел о Москве, газетах и шахматной игре, которая лет уже десять была первым его упражнением»*¹.

Интерес к игре был показан и при знакомстве со соседями: *«Вставши из-за стола, Своемыслов, поведал, что г. Чудин играет в шашки. После открытия сего немедленно предложил он ему сыграть*

¹ Карамзин Н.М. Деревенские вечера // Детское чтение для сердца и разума. М., 1787. Т. IX. С. 6.

несколько игр»¹. Далее было представлено описание двух партий г. Чудина со *Своемысловым* (который представлен как студент), а также дана характеристика игрокам: «Побежденный студент утверждал, что противник его принадлежит к первой степени, а г. Чудин уверял, что он не принадлежит и ко второй»².

В другом томе журнала, в котором было продолжение «Деревенских вечеров» также встречаются «шахматные» эпизоды: «Тогда был час отдохновения. <....> *Своемыслов*, который на другом конце залы играл с соседним дворянином в шашки»³.

В этом же издании в примечании к одному из эпизодов нравоучительной сказки С.Ф. Жанлиса «Альфонс и Далинда, или Волшебство искусства и природы» в переводе Н.М. Карамзина раскрывается секрет автомата, играющего в шахматы: «В 1783 г. показывали сие автоматы в Париже. Автомат есть слово греческое, и значит: я готов. Господин Кемпель Венгерец сделал еще удивительнейшую куклу, которая со всякими играет в шашки»⁴. Все знатоки удивляются великому искусству сего механика»⁵.

Обращение к спортивной тематике прослеживается и в последующих изданиях Н.И. Новикова. В 1778 г. в журнале «Утренний свет» в опубликованном сочинении Платона «Первый Алкивиад, или о человеческой природе» в диалоге Сократа с Алкивиадом раскрывается значение борьбы как вида гимнастики:

«Сократ: А искусство борьбы не есть ли гимнастика?»

Алкивиад: Да.

*Сократ: И так я сказал, что лучшее в искусстве борьбы, есть называемое превосходство гимнастически»*⁶.

¹ Карамзин Н.М. Деревенские вечера // Детское чтение для сердца и разума. М., 1787. Т. IX. С. 88.

² Там же. С. 89.

³ Карамзин Н.М. Деревенские вечера // Детское чтение для сердца и разума / пер. Н.М. Карамзина. М., 1787. Т. XI. С. 15.

⁴ Шахматные фигуры в то время называли шашками.

⁵ Жанлис С.Ф. Альфонс и Далинда, или Волшебство искусства и природы // Детское чтение для сердца и разума. М., 1787. Т. XI. С. 135.

⁶ Первый Алкивиад или О человеческой природе // Утренний свет. 1778. Ч. 2. С. 124.

В публикации «Фортуна велика, да ума мало» говорится о пользе каруселей, через рассуждение главного героя: *«Карусель будет служить пользою не одному мне, но и вам, препровождающим со мною несколько часов в оной, для выправления стана, и для движения, необходимо нужного для всякого человека»*¹.

Новиков первым сделал удачную попытку использовать информацию о спортивных играх иносказательно: в пункте 16 нравоучительных правил «Истины» отношение женщины к мужчине сравнивается с шахматной игрой: *«Искусвишая в светском обращении женщина употребляет мужчин так, как искусный игрок в шахматы поступает со своими шашками: он ни за что не принимается, чтоб в то же время не обзреть и другую, которая могла бы принести ему более пользы»*².

Он же автор одного из первых научных текстов, посвященных «спортивному» вопросу. В частности, в «Прибавлении к Московским ведомостям» (1783) был напечатан первый научный материал о «спорте». Это была третья глава «Отделение первое. О телесном или физическом воспитании» трактата «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия». Что касается содержания самого трактата, то уже из названия видно, что это научный труд, посвященный педагогике, в котором автор, помимо общих педагогических, нравственных правил: как правильно питаться, какие напитки употреблять, как одеваться, как правильно вести себя в обществе, как относиться к религии, обращает внимание и на физическое воспитание. Для примера приведем отрывок из главы: *«От пятого до двенадцатого года надлежит допускать детей играть мячом и другими подобными сей играми, которые делают руки и ноги весьма гибкими, дают хорошее образование телу, приучают зрение к скорому и справедливому чувствованию и, наконец, доставляют всему телу полезное движение, если не употребляемы бывают чрез меру, то есть ежели не продолжаютя даже до*

¹ Фортуна велика, да ума мало // Городская и деревенская библиотека. 1782. Ч. IV. С. 354.

² Истины // Утренний свет. М., 1785. Ч. 4. С. 186–187.

усталости и ослабления. Борьба есть также изрядное упражнение, придающее особенно великую силу рукам и ногам. Однако должна она позволяема быть детям только в присутствии родителей либо учителей, для того что в противном случае дети весьма удобно могут вывихнуть члены друг другу или от шутки поссориться в самом деле, когда один другого уронит или ушибет. Все сии и подобные игры и телесные упражнения должны производимы быть на вольном воздухе, для того что сие не только возвышает и умножает пользу их для тела, но развеселяет дух и чрез то кладет основание тихих страстей»¹.

Трактат, согласно исследованиям Г.П. Макогоненко, был напечатан в 23 номерах², хотя некоторые теоретики ограничивают его 10 номерами, за счет того что текст в последних 13 номерах рассматривается как отдельные публикации, а не единое целое. Тем не менее и наш анализ «Примечаний к Московским ведомостям» подтверждает правоту Г.П. Макогоненко.

Исследуемая нами глава была опубликована в пяти номерах (№ 18, 21, 24, 28, 34 за 1783 г.). Объем третьей главы настолько был велик, что текст занимал около 2/3 места в одном номере (№ 18, 21, 28, 34) и один раз это был полностью номер (№ 24).

В те времена основными материалами российских журналов были литературные произведения и научные труды, поэтому трактат «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия» можно считать и журналистским материалом, но только с позиции того времени. Тем не менее до сих пор остается открытым вопрос и об авторстве этой публикации. Согласно правилам тех лет многие материалы, включая и этот, не были подписаны, и авторство последователями устанавливалось условно на основании ряда признаков, например, стиля, манеры, использования определенных фраз и т.д. Исходя из полемики, начавшейся с 1875 г.

¹ Новиков Н.И. Избранное. М., 1983. URL: http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_1783_o_vospitanii.shtml

² Макогоненко Г.П. Об авторстве Новикова: «О воспитании и наставлении детей» // Н.И. Новиков. Избранные сочинения. М. ; Л. 1951. С. 698.

и продолжающейся в наши дни (см. подробнее: Симанков В.И. Из разысканий о журнале “Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ” или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н.И. Новикову, И.Г. Шварцу и Ф.В. Каржавину. Харьков, 2010), одни исследователи приписывают авторство известному издателю Н.И. Новикову, другие склоняются к тому, что текст написан немецким просветителем и педагогом И.Г. Шварцем. Тем не менее для нас остается важным сам научный труд, часть которого может рассматриваться как первая публикация о физическом воспитании в периодическом издании.

Еще один вид информации о «спортивных» увлечениях представлен Н.И. Новиковым в журнале «Экономический магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся до земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и бесполезных городским и деревенским жителям вещей. В пользу российских домостроителей и других любопытных людей образом журнала издаваемый»¹ (1780–1789). Это практические советы (замечания) по тем или иным видам хозяйственной деятельности. В рамках интересующей нас проблемы к спортивной теме можно отнести советы для любителей полевой охоты, охотников до рыбной ловли² и «охотников до лошадей»: «О ловлении рыб удою» (1780. Т. IV, № 99); «О способе ловить рыбу руками» (1783. Т. XII, № 1); «О ловле куропаток» (1783. Т. XV); «Охотникам до голубей» (1784. Т. XVII, № 16); «Нечто до охотников до лошадей» (1784. Т. XX, № 79); «Некоторые замечания иностранных о рыбных ловлях, а особливо о ужении оных» (1784. Т. XX, № 94); «О приманках при ловлении рыб» (1784. Т. XX, № 97); «Для охотников до лошадей» (1784. Т. XX, № 98); «Ловление диких уток» (1787. Т. XXXI, № 78) и др.

¹ Приложение к «Московским ведомостям».

² С конца XVIII и до начала XX в. рыбалка как вид наравне с охотой входила в перечень спортивных занятий.

Описание детских забав, связанных со спортивным досугом, встречается в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789). В частности, в описании занятий одной из девочек в нравоучительном произведении «Согласие» (1785. Т. I): «*Шарлотта играла мячом. Она была искусна в этой игре*». Или, к примеру, в «Деревенских вечерах» (1787. Т. IX): «*Петр, который находил великое удовольствие бегать в саду, делать из снега кубари и кататься на льду*»¹.

А также в повести Жанглис «Дельфина или счастливое извлечение» (1787. Т. IX) был опубликован следующий фрагмент: «*Зато не имели бы вы удовольствия кататься на пруду, возить санки свои по льду и играть в снежки*»².

Кроме того, «спортивными» забавами начали интересоваться и другие издания. В частности: «Вадо-Хасово. Самоедская скачка. Получено из Архангельска» (Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 12); Зимние забавы (Размышление о делах божьих («Беседы с Богом»). 1787. Ч. I); П. Петров «О врачебном употреблении верховой езды» (Новые ежемесячные сочинения. 1795. Ч. СIII).

Помимо прямых фрагментов, текстов о спортивной деятельности в конце XVIII в. информация об увлечении тех или иных знатных людей была представлена и в дополнительных сведениях. В частности, в «Объяснениях на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елизавете Николаевне Львовой, в 1809 году, изданные Ф.П. Львовым в четырех частях» при комментарии стихотворения «Афинеяскому витязю» (1796) упоминается о различных спортивных умениях графа Алексея Григорьевича Орлова. К примеру, при описании конных ристаний «В ристании моего героя на бурном видела коне» Г. Державин поясняет: «В 1765 или в 1766 году была славная в Петербурге карусель, где родные братья графы Орловы, будучи отличными ездоками, предводительствовали кадрилиями, и именно граф Григорий Григорьевич был первым в кадрили Славянской, а граф

¹ Карамзин Н.М. Деревенские вечера // Детское чтение для сердца и разума. М., 1787. Т. IX. С. 16.

² Дельфина или счастливое извлечение // Детское чтение для сердца и разума. 1787. Т. IX. С. 40.

Алексей Григорьевич в кадриле Турецкой»¹. При толковании успехов графа в борьбе «В единоборстве хитер, проворен» Державин пишет: «Граф Орлов был отличный борец, и в кулачном бою особенно искусен»². При описании увлечений графа борьбой и бегом «Его покой – движение, игра – борьба и бег» поэт констатирует: «Сей куплет изображает образ жизни графа Орлова»³. Подобные объяснения о том же князе А. Орлове можно было встретить и при разборе стихотворения «Фелица» (1782).

Также в середине – конце XVIII в. распространению спортивной информации в российском обществе способствует и выход ряда книг, посвященных описанию определенного вида спорта или содержащих советы по обучению. Среди них можно выделить Л.И. Краузольд «Средство к приобретению в стрельбе на полете и на побеге...» (СПб., 1768); Г.С. Попов «Новое предложение о псовой охоте или приятное с полезным» (М., 1779); А.Л. Леонтьев «Описание китайской шахматной игры» (СПб., 1775); «Коновал (городской и деревенский), или собрание необходимо нужных наставлений, каким образом заводить, содержать и лечить лошадей, коров и овец, и проч.» (пер. с нем. М., 1783); «Правила для шашечной игры» (пер. с англ. Б. Франклина. Моральные ценности шахмат. СПб., 1791); В.А. Левшин «Совершенной егерь, стрелок, и псовой охотник или Знание о всех принадлежностях к ружейной и псовой охоте содержащее в себе: полное описание о свойстве, виде и расположении всех находящихся в Российской империи зверей и птиц...» (СПб., 1779); Доппет «Врач, философ. Сочинение преползное каждому всякаго состояния и звания человеку, содержащее в себе новый способ лечения, почерпнутый из душевных страстей и Гимнастики» (М., 1792); «Коновал новой опытной городской и деревенской знаток, ездок, охотник и заводчик содержащий в себе о свойстве породе, содержаниях, обучении и выборе лошадей, о учреждении и расположении заводов, о разных приклю-

¹ Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елизавете Николаевне Львовой, в 1809 году. СПб., 1834. Ч. 2. С. 65.

² Там же. С. 66.

³ Там же.

чающихся лошадям болезнях с приложением практических и других рецептов, о разборе сена и сохранении в нем доброты» (в 3 ч. 1793); «Школа верховой езды для охотников, желающих обучаться самим собою: С описанием конских болезней и лечения оных» (изданная г. Бейером. Пер. с нем. М., 1795); «Искусство фехтовать во всем его пространстве, новое описание со всеми нужными познаниями, как хорошо владеть шпагою» (СПб., 1796); «Нечто о конских заводах» (СПб., 1797) и др.

В этот же период (конец XVIII в.) в научной литературе появляется описание национальных видов спорта. К примеру, в путевых заметках немецкого ученого П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1773–1788) есть эпизоды о «спортивных» увлечениях калмыков: *«Потом несколько молодых людей боролись попарно, при чем они засучивали свои широкие портки выше колена, и старались друг друга повалить. В борьбе они весьма искусны. После того стреляли из луков в мету, и пускали стрелы вверх. На последок играли в шашки в большую игру, шахматы называемую, которая у калмыков почитается за обыкновенную, и они играют по известным правилам, кроме только сего, что сначала выступают тремя шашками. Вместо шаха говорят они шат или шить, и сию игру называют шатырея, а мат так же, как мы выговаривают»*¹.

Подобные описания встречаются и в записях российских путешественников. В частности в «Дневных записках путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году» скачка молодых башкирцев во время Сабана²: *«По утру до солнечного восходу вся их артель [молодых ребят] выезжает на поле, и назначив не малое расстояние пускаются скакать во всю прыть. При въезде в деревню стоят обоого пола зрители; а в известном расстоянии от зрителей или молодой детина, или девка держит на шесте привязанный белый платок, вышитый по углам разноцветным шелком, который достается в*

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1773–1788. Ч. 1. 1773. С. 342.

² Сабан – народный праздник.

награждение тому, кто всех на своей лошаде перегонит и первый платок сорвет с древка. Хотя платок всегда бывает малоценный; однако победа почитается за велико, и приписываются немалые похвалы победителю от зрителей общим восклицанием»¹.

В этот же период российские ученые предлагают первые «объяснения», как появились те или иные виды спорта. В частности, просветитель Н.Г. Курганов (1726–1796) в статье «Об употреблении наук» (Присовокуплении VI к Письмовику. 1790) предлагает следующие версии: «*От Зоологии вышло искусство коновала, манеж (искусство ездить на конях), охота, то есть, звероловля, рыболовля и птицеловля...*»². «*Атлетика производит Гимнастику или способ ей владеть*»³; В настоящее время они выглядят немного наивными, но для конца XVIII в. они считались новаторскими.

Также в 1790-е гг. в «Словаре Академии Российской» делаются первые попытки толкования, что такое «игра». И именно в этом определении среди прочих вариантов (что игра – это игранье во что-либо, резвость, забава) дается и представление «*о таких упражнениях в которых для игrania приняты какие-нибудь правила, например в шашки, в шахматы, на бильярде, в карты и т.д. Игра карточная, в кости, шашечная шахматная, бильярдная*»⁴.

В данном словаре дается объяснение и слову «игранье» – *действие играющего или играющих*⁵. И вновь, помимо прочих (игранье на скрипке, игранье дитя), используются «спортивные» примеры: «*Игранье в шашки, шахматы*»⁶. И они в определении стоят именно первыми.

¹ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772. Ч. 2. С. 25–26.

² Цит. по: Курганов Н.Г. Письмовник: Содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разнаго учебного и полезнозабавнаго вещесловия. 1818. С. 543.

³ Там же. С. 544.

⁴ Игра // Словарь Академии Российской. 1792. Т. II. Ст. 186–187.

⁵ Игранье // Словарь Академии Российской. 1792. Т. II. Ст. 186.

⁶ Там же.

Еще одним ключевым фактором в установлении прочных коммуникативных связей между спортом и журналистикой в XVIII в. стало зарождение провинциальной прессы в России. В этот период вышло всего 10 изданий: «Рижские объявления» (на латыш. Рига, 1761); «Ревельские Еженедельные Ведомости» (на нем. Ревель, 1772); газета «Dürhptsche Zeitung» – «Дерптские Ведомости» (на нем. Дерпт¹, 1778); «Рижские ведомости» (на латыш. Рига, 1778)²; журнал «Уединенный пошехонец» (Ярославль, 1786); газета «Тамбовские известия» (Тамбов, 1788); журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (Тобольск, 1789); журнал «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (Тобольск, 1793); «Литовский вестник» (1795); газета «Kurier Litewski» – «Виленский вестник» (на польск. Гродно, 1796).

В некоторых из них также печаталась информация о спортивной деятельности. В большинстве случаев это были публикации о верховой езде, охоте и рыбной ловле (ужении), народных и настольных играх (особенно о картах). В частности, в журнале «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (Тобольск) публиковались ученые, экономические, исторические, нравоучительные статьи: «Способ приманить множество рыб» (1793. Ч. III); «О утках» (1793. Ч. III); «О бое петухов» (1793. Ч. IV); «О верховой езде» (1793. Ч. V); «О звериной и рыбной ловле» (1793. Ч. V); «О играх древних народов» (1793. Ч. VIII); «О игроках» (1793. Ч. VIII); «Странная рыбная ловля» (1794. Ч. XII). А также задачи на ловкость, включая раскрытие секретов игры в карты и кости в рубрике «Увеселение»: «Из 3-х неизвестных карт угадать, какую каждой из 3-х человек задумал»³ (1793. Ч. II); «Пересказать все карты в игре» (1793. Ч. III); «Назвать все карты, которые выдернуть из колоды» (1793. Ч. III); «Узнать чис-

¹ Ныне г. Тарту (Эстония).

² Полное описание этих четырех изданий см.: Неверов Я.М. Обзорение газет и журналов, издаваемых в России на разных языках // Журнал народного просвещения. 1834. Т. 2.

³ Орфография сохранена.

ло очков многих выдернутых карт» (1793. Ч. III); «Приказать кому-нибудь бросить две игральные косточки, найти число очков верхней стороны каждой кости не видя оных» (1793. Ч. V); «Выстрелить из ружья и пулею, погасить свечу, на 80 или на 100 саженей» (1793. Ч. VII).

В целом можно отметить, что в XVIII в. коммуникативные связи между печатью и спортом укрепились. Именно в этот период состоялся переход «спортивной» информации из литературных, исторических и научных источников в журналистские. Во многом этому способствовали внешние и внутренние факторы.

К внешним факторам можно отнести: реформы Петра Первого, выражающиеся в поддержке «старых» (катание на коньках, шахматы, фехтование, скачки и др.) и внедрении новых видов спорта (парусное и гребное дело, бильярд и т.д.) в жизнь российского общества; введение предмета «физическое воспитание» в систему образования и военного обучения; преобразования, проводимые Екатериной II в области культуры, просвещения, литературы.

Внутренними факторами являются перемены, происходящие в самой журналистике. В этот период состоялся переход от устных и письменных пражурналистских источников информации к выпуску первых периодических изданий: общественно-политических газет, научных и литературных журналов.

Подобные преобразования коснулись и «спорта», а точнее, способствовали формированию особых отношений к физическим занятиям, упражнениям. Этому благоприятствовали два обстоятельства. Первым обстоятельством резкой смены отношения к физическим занятиям, упражнениям в положительную сторону стали перемены в России в начале XVIII в., произошедшие благодаря переходу от патриархального уклада жизни к европейскому. Это дало возможность не только развивать существующие виды «спортивных» забав, но и обратить внимание российского светского общества на некоторые другие виды спорта, которые активно культивировались в европейских странах. Несмотря на то что общество первоначально их приняло неоднозначно, некоторые из них до сих пор остаются востребованными в нашей стране. В частности, это фехтование на шпагах, рапирах; бильярд; парусные гонки на яхтах и т.д.

Кроме того, некоторые из существовавших видов спорта стали официально признаваться на государственном уровне и активно внедряться в систему военного обучения и гражданского образования, в том числе через разработку отдельных комплексных занятий по разным дисциплинам. При Петре Первом был введен предмет «физическое воспитание» в систему образования и военного обучения, на что указывает в книге «Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения» профессор Г.С. Деметер: «В Морской академии указом Петра I предписывалось учить, в частности, “воинским обучением: мушкетерами и на рапирах”, т.е. приемам рукопашного боя и фехтованию. В учебных планах, созданных для подготовки дворянской молодежи к военной службе, Сухопутного шляхетского корпуса, Морского шляхетского корпуса и других дворянских военных учебных заведений, значились фехтование, верховая езда, гребное и парусное дело, борьба, игры в мяч, танцы»¹. Позднее, в конце XVIII в., физическая тренировка, основанная на утренней разминке (включающей бег, прыжки, преодоление препятствий, ходьбу «гусиным шагом») и дневных занятиях (строевые упражнения и отработка учебных приемов с оружием), стала непременным атрибутом в военном обучении в регулярных войсках, особенно во времена полководца А.В. Суворова. Сам полководец считал, что она значительно влияет на подготовку российской армии, о чем упомянул во втором разделе «Разговор с солдатами их языком» книги «Наука побеждать» (1795 г.) и в пособии «Полковое учреждение» (другое название – «Суздальское учреждение») (приблизительно 1765 г.).

Вторым обстоятельством является то, что физическими забавами стали интересоваться правители России. Хотя эти тенденции прослеживаются еще с XVII в. (см. выше), в начале XVIII в. такой интерес переходит на качественно новый уровень. Ряд правителей того времени не только издают указы, приказы, связанные с внедрением физического воспитания в российскую жизнь, но самолично следят за их исполнением, а в некоторых случаях показывают личный пример, как это делал Петр Первый. Или находят способы продвижения идеи «спорта», а точнее физи-

¹ Деметер Г.С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М., 2005. С. 65.

ческого воспитания, через развитие определенных направлений, как например, позднее, уже во времена правления Екатерины II, когда упор был сделан не только на практику (продолжение внедрения физических занятий в учебные заведения и в регулярную армию), но и на просветительскую сторону (опубликование серии трудов о пользе физического воспитания (физических занятий) и отдельных глав, разделов, посвященных этому вопросу в тех или иных научных трактатах). Авторами этих публикаций были известные просветители того времени: И.И. Бецкой (Бецкий) (1704–1795), М.В. Ломоносов (1711–1765), А.П. Протасов (1724–1796), Н.И. Новиков (1744–1818), И.Г. Шварц (1751–1784), А.Н. Радищев (1749–1802), М.Я. Мудров (1776–1831) и др.

В частности, И.И. Бецкой (Бецкий) в трактате «Краткое наставление выбранное из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества» (1766), обращает внимание на обучение физическим занятиям с детства: *«Приучать детей в обыкновенных их играх действовать обеими руками, например: играть в кегли, бросать далеко камнями в цель, бороться и прочая. Позволять им бегать в ясные и мрачные дни по песку, по кочкам, по пашне, по горам и крутым местам, ходить иногда босиком по каменному полу в стуже с открытою головою и грудью; ибо все сие укрепляет их здоровье, и для того, не опасаясь ничего, дозволять им все вышеописанное»*¹; *«Упражнение в натягивании лука много здоровью способствует, приводит в движение все мышцы в руках, в плечах, в груди и в спине: расширяет грудь, отчего раздается и легкое; помогает обращению крови и пр. Когда замечаем крепость в народе, который сражается на войне стрельбищем из лука, то согласно признать можно, что, кроме описываемого здесь упражнения и прочей игры, нет полезнее и способнее к ободрению тела»*².

В это же время описание «спортивных» развлечений можно найти в литературных произведениях середины – конца XVIII в. Например,

¹ Бецкой И.И. Краткое наставление, выбранное из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества. М., 2012. С. 10.

² Там же. С. 14.

шахматы упоминались в стихотворениях А.П. Сумарокова «Безногий солдат» (1759), карты – в «Пиит и друг его» (1770(?)) и «О благородстве» (1771); шахматы и карты – в комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир» (1766–1769); шашки – в комедии М. Хераскова «Ненавистник» (1770); игры в бирюльки – в произведении А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790); описание борьбы – в стихотворной повести «Бова» (1799); кулачные бои – в «Сказках» (1769) А.О. Аблесимова; шахматы и карты – в стихах «На Счастье» (1789) Г.Р. Державина, а также горелки в одноименном стихотворении (1793) и т.д.

Выводы

На основании проведенного анализа текстов данных изданий можно сказать, что тема «спорта» постоянно присутствовала в них. Тем не менее стоит отметить, что в разные периоды она была представлена в печати неоднородно. В начале XVIII в. ее было очень мало, в середине благодаря описанию царской охоты в «Санкт-Петербургских ведомостях» она стала появляться чаще. А в конце XVIII в., благодаря массовому появлению литературных (сатирических) журналов, тема «спорта», а точнее информация о физических занятиях, забавах, настольных играх, физическом (телесном) воспитании, стала практически постоянной, особенно в журналах, издаваемых Н.И. Новиковым.

Увеличился и объем самих текстов: наблюдается переход от отдельных фрагментов к сообщениям (рекламным, информационным), разделам в публицистических текстах, главам в трактатах и цельным публикациям (литературным, журналистским, научным).

Ключевой момент раскрытия «спортивной» информации заключается и в постепенном обращении внимания журналистов на культивируемые в обществе отдельные виды спорта, особенно это касалось «пассивных» (настольных) игр (шахматы, бильярд, карты). Другой тенденцией в этом вопросе стало то, что в журналах появляются публицистические и научные материалы, исследующие суть тех или иных видов, направлений «спорта» (особенно физического воспитания), обосновывается польза физических упражнений. Стоит отметить, что слово «спорт» в это время еще не было введено в лексиче-

ский состав русского языка. Это произойдет немного позднее, в середине XIX в.

При всех положительных тенденциях в коммуникативных связях спорта и журналистики выявляется одна немаловажная особенность – при достаточном количестве текстов, публикаций спорт пока остается второстепенной темой в прессе. Одной из основных причин этого является то, что авторы публикаций, освещая то или иное «спортивное» событие, делают его не основным, а сопутствующим, в частности в решении бытовых проблем; проведении свободного времени; получении знаний, навыков.

В качестве другой причины можно назвать отсутствие авторского подхода в освещении этой темы (за исключением деятельности Н.И. Новикова). Поэтому многие фрагменты, публикации по содержанию имеют не профессиональный, а больше описательный характер – это простая констатация фактов, событий. Главным объяснением этого было то, что российская журналистика только начала развиваться, делая первые шаги в освещении жизни общества без выделения тематических направлений. Поэтому не только «спорт», но и многие другие темы, за исключением политики, военной темы, литературы, культуры, науки, оставались пока «второплановыми».

2. КОНСТРУКТИВНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ МОДИФИКАЦИИ СПОРТИВНОГО МЕДИАТЕКСТА В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

XIX в. стал особым временем развития российской журналистики. Именно в этот период происходят дискурсные преобразования в области спортивного медиатекста: наблюдается переход от отдельных эпизодов внутри журналистской публикации до выхода полноценных материалов о спорте. Причем эти тенденции проявляются уже в первое десятилетие исследуемого столетия, а в 1820–1840-е гг. спортивные публикации становятся нормой для периодической печати России.

Можно выделить две основные тенденции активизации спортивной темы в отечественной прессе первой трети XIX в. Первая тенденция связана с тем, что физическое воспитание и отдельные виды спорта продолжают развиваться в российском обществе. В этот период, наряду с подвижными (фехтование, плавание, бег на коньках, кулачный бой, скачки и т.д.) и настольными видами спорта (бильярд, шашки, шахматы, карты), в состав спортивных включают ряд «увеселительных» (досуговых) занятий: танцы, катание с гор, качание на качелях, катание на санях, народные забавы (горелки, жмурки, куча мала, бабки, салочки, прятки, лапта и т.д.). Увлечение разных слоев общества, а особенно светских, подобными спортивными играми в первую очередь отражено в литературных произведениях, например, в стихотворении Г.Р. Державина «Евгению. Жизнь Званская»:

*«Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И теишь разными играми»¹.*

Кроме того, в этот период начинают развиваться технические виды: полеты на воздушном шаре (на высоту, на расстояние); полеты на

¹ Державин Г.Р. Евгению. Жизнь Званская. 1807 // Сочинения. Л., 1987. С. 200–201.

монгольфьере; полеты на аэростате; прыжки с парашютом; поездки в самодвижущихся экипажах (колясках)¹ и т.д. В частности, первые показательные выступления в воздухоплавании были продемонстрированы иностранцами в Москве и Санкт-Петербурге: весной 1803 г. итальянцами Терци и Басси², а летом и осенью того же года французом Андре-Жаком Гарнереном.

Этот период характеризуется и тем, что спорт в России стал восприниматься не только как досуговое явление, но и как социальный феномен, необходимый для развития культурно-образованного общества. В столичной прессе стали появляться речи, трактаты, доклады, рапорты и высказывания известных просветителей того времени о пользе физических (телесных) упражнений и гимнастики³ в целом. В разных энциклопедических словарях появляются первые трактовки термина «гимнастика», который заменял в то время понятие «спорт». В частности, в «Новом Словотолкователе» создателем словаря Н.М. Яновским гимнастика представляется следующим образом: *«искусство упражнять тело в борьбе, в стрельбании из лука и проч. Для укрепления оного»*⁴. Как видно из определения, основной акцент сделан на два вида спорта. Однако уже в статье Словаря Академии Российской от 1806 г. говорится о том, что «гимнастика – греческое искусство имеющее предметом своим укрепление тела, посредством борьбы, бегания, конского ристания и проч.»⁵. В этом случае в определении не только объединено четыре вида спорта, но была возможность расширить список гимнастических направлений.

Еще одним термином, заменявшим частично понятие «спорт», в начале XIX в. было понятие «игра». Оно во многом объясняло досу-

¹ Первая публикация о самодвижущей коляске была напечатана в Журнале Министерства Народного Просвещения в разделе «Разные известия» в 1837 г. (С. 152–154).

² По материалам газет «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» за 1803 г.

³ До введения слова «спорт» все спортивные виды назывались «гимнастика» (см.: Новый Словотолкователь. СПб., 1803; Словарь Академии Российской. СПб., 1806. Т. 1. С. 1100; Энциклопедический лексикон. СПб., 1836. Т. 14. С. 250).

⁴ Гимнастика // Новый словотолкователь. СПб., 1803. Т. 1. С. 592.

⁵ Гимнастика // Словарь Академии Российской. СПб., 1806. Т. 1. С. 1100.

говую составляющую спортивной деятельности. Это доказывается в определениях, предложенных во втором томе Словаря Академии Российской. Из девяти позиций, объясняющих, что такое игра, четыре были непосредственно связаны со спортом: «(4) Говорится о таких упражнениях, в которых для игранья приняты какие-нибудь правила, напр.: в шашки, в шахматы, в бильярд, в карты и проч. *Игра карточная, шашечная, шахматная, бильярдная, в кости*»¹; «(6) Проигрыш, верх над другим в какой-нибудь игре, напр.: в карты, в шашки и пр.»²; «(7) Иногда называется самое количество или собрание тех вещей, которые служат к игранью. *Игра шахматов, карт, шашек*»³; «(9) Говоря о зрелищах, которые состояли в борьбе, в бегании в запуски, в мечебитстве и проч. слово сие только во множественном числе употребляется. *У Греков назывались игры Олимпийские, Немейские, у Римлян игры торжественные, всенародные. Игры в честь Юпитера, Иракла. Игры над могилою Патрокла, Ахилла, Анхиза, и проч.*»⁴.

Вторая тенденция выражается в том, что в этот период происходит расширение информационного пространства через увеличение количества российских изданий в первой половине столетия. Отмечая этот факт, исследователь Н.И. Мордовченко пишет: «Из двухсот новых периодических изданий, вышедших на русском языке с 1801 по 1830 г., 77 названий приходится на первое десятилетие»⁵. Согласно классификациям тех лет⁶ они делились на официальные издания; издания, выходившие при академиях, университетах и обществах; частные издания. Однако, несмотря на выпуск такого количества газет и журналов, продолжительность их существования была различной. Большинство выпускалось лишь год-два, после чего они закрывались по разным причинам. Например, год просуществовали журналы

¹ Игра // Словарь Академии Российской. СПб., 1809. Т. 2. С. 943.

² Там же. С. 943–944.

³ Там же. С. 944.

⁴ Там же.

⁵ Мордовченко Н.И. Журналистика начала XIX века // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л. 1941–1956. Т. V : Литература первой половины XIX века. Ч. 1. 1941. С. 42.

⁶ Обзорение русских газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Т. 1. С. 100–103.

«Морские записки» (1800) (ред. А.С. Шишков); «Мой досуг» (1801) (изд. Т.Н. Бориспонец); «Московский Меркурий» (1803) (изд. П.И. Макаров); «Журнал для милых» (1804) (изд. М.Н. Макаров); «Патриот» (1804) (изд. В.В. Измайлов); «Северный Меркурий» (1805) (изд. В.Ф. Вельяминов-Зернов; ред. П.М. Дружинин); «Журнал для сердца и ума» (1810) (изд. И.И. Шелехов) и др. Иные выходили 5–10 лет, в частности, журналы «Корифей или ключ к литературе» (1802–1807) (изд. и авт. Я.А. Галинковский); «Друг юношества» (1807–1815) (изд. М.И. Невзоров); газета «Северная почта» (1809–1819). И лишь единицы печатных изданий выпускались продолжительное время. К ним можно отнести журнал «Вестник Европы», выходивший с 1802 по 1830 г. (основан Н.М. Карамзиным).

По официальной статистике, в 1833 г. в России уже выходило 45 газет и журналов на русском языке (некоторые издания научных обществ в этот перечень не вошли)¹. Из них 19 правительственных: 8 научных и различных обществ и 18 частных. А также 41 издание на иностранном языке: 23 – на немецком; 5 – на французском; 4 – на латышском; 3 – на польском; 2 – на английском; 1 – на итальянском. И еще 2 издания выходило сразу на 3 языках: журнал «Magazin Belehrender und angenehmer Unterhaltung “Balamut”» – «Магазин поучительного и приятного чтения для немецких читателей в России» (СПб., 1831) – на русском, французском и немецком; газета «Egida» (СПб., 1830) – на польском, французском, итальянском².

Главной особенностью становится то, что из «Смеси», «Всякой всячины», «Разных известий» и других подобных разделов стали выделяться различные тематические направления. К исконным журналистским темам – политика, военная тема, наука – и постоянно печатающимся в прессе литературным произведениям (включая повести, басни, стихотворения, поэмы, пьесы и т.д.) прибавляются художественное искусство (в первую очередь театр, музыка), история, эко-

¹ Обзорение русских газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Т. 1. С. 100.

² Неверов Я.М. Обзорение газет и журналов, издаваемых в России на разных языках // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Т. 2. С. 105–108.

номика (включая хозяйственные дела, коммерческие известия, ценовые преysкуранты), новые литературные разделы (литературные известия, библиография), женская тема (мода, литература – произведения именно для женщин), детская тема (воспитание, педагогика, литература), география (путешествия, панорамы городов, стран), спорт и др. Сам процесс рубрикации изданий происходил по-разному: какие-то темы практически сразу были введены в содержание как разделы, а каким-то, например, теме «спорт», пришлось ждать этого еще приблизительно 45 лет. Лишь в середине 40-х гг. XIX в. она появилась на страницах печати как отдельная рубрика¹.

Чтобы понять, как шло развитие спортивного тематического комплекса в информационном пространстве прессы Российской Империи XIX в., автором данной монографии было проведено крупное исследование, построенное на мониторинге ряда столичных и провинциальных газет и журналов.

Его целью было доказать, что активизация спортивной тематики в отечественной прессе началась не в середине и не в конце изучаемого века, а уже в первой трети. Впоследствии этот тезис был подтвержден.

Для удобства проведения анализа был выделен ряд факторов определения преобразования спортивной информации в российской прессе в первой половине XIX в.:

1) способ опубликования (показывает, каким образом спортивная тема презентовалась в печатных изданиях изучаемого периода);

2) географический фактор (дает понять широту охвата городов, стран, в которых культивируются те или иные спортивные виды, с позиции опубликования сообщений о них в столичной и провинциальной прессе России);

3) тематический (определяет, какие спортивные темы входили в информационный контент газет и журналов исследуемого периода).

Как дополнительный фактор в исследовании рассматривается роль автора (журналиста) в этом вопросе. Основное внимание было обра-

¹ Хотя первая попытка была предпринята в 1815 г. в журнале «Сын Отечества», когда в рубрике «Смесь» было напечатано подряд два сообщения о спортивных событиях (заклад пешеходцев и кулачный бой) в Англии.

щено на манеру, восприятие спортивных событий, а также выбранный автором публикации стиль (в каком-то случае жанр) в подаче спортивной информации. Стоит отметить, что при написании первых текстов о спорте фактически никто из журналистов не знал, как работать с новой темой. Поэтому выбирались традиционные для того времени методы создания журналистских произведений, а также существующие в те годы жанры.

Каждый из выделенных нами факторов расширяет представление о спортивном медиатексте в печатной периодике XIX в., помогает определить его синтетический характер; позволяет уточнить пути развития структурных, тематических и жанровых форм. Кроме того, используемый факторный анализ в изучении этого вопроса дает возможность понять, как происходила трансформация публикаций о спорте в общем контексте печати того времени, и определить, как состоялся переход спорта из отдельной информации в тематическую автономность.

По структурным характеристикам выделяются несколько видов спортивных медиатекстов первой половины XIX в.:

1. Фрагментарная информация. Сюда вошли:

- фрагменты (эпизоды) на уровне отдельных предложений, цитат, абзацев в журналистских и литературных публикациях, философских трактатах, научных трудах по педагогике, представленных в печатных изданиях;

- эксплицитная информация (когда в медиатексте, раскрывающем различные аспекты общественной жизни, спорт первоначально представлен как тема второстепенная, но имеющая ключевого значения в представлении самого события).

2. Журналистские публикации малых жанровых форм:

- информационные сообщения, заметки, корреспонденции и т.д.;
- рекламные объявления;
- игровые задания, выраженные через текстовые задачи, иллюстративный материал (рисунки, схемы).

3. Крупные журналистские произведения (статьи, очерки, путевые заметки и др.).

Каждый из выделенных видов имеет свои типологические особенности, позволяющие формировать определенную модель в раскрытии спортивной тематики в периодических изданиях России XIX в.

2.1. Фрагментация как способ концептуализации спортивной тематики в журналистских текстах

В современной филологии при исследовании исторических текстов (литературных, журналистских) фрагмент нередко рассматривается как самостоятельный жанр. Давая его характеристику, теоретик Б.М. Гаспаров пишет: «Каждый КФ (коммуникативный фрагмент) обладает своим целостным смыслом, но этот смысл не выступает в качестве дискретной семантической частицы. Напротив, КФ существует в плотной среде валентных тяготений, стилевых и жанровых ракурсов, сюжетных перспектив, тематических полей, которые он пробуждает в сознании самим фактом своего появления»¹. Далее Гаспаров отмечает: «Каждый КФ не просто готов занять определенное место в отведенной ему ячейке в высказывании – он активно предсказывает и направляет течение коммуникации, от непосредственных ходов разрастания до более отдаленных сюжетных, тематических и жанровых последствий. В этом смысле можно сказать, что каждый КФ заключает в себе, в потенциальном и сконденсированном виде, целый коммуникативный мир»². Это четко прослеживается и при рассмотрении проблематики формирования спортивной темы в российской периодике, где фрагмент сыграл особую роль.

В начале XIX в. спортивная информация в различных печатных изданиях, по-прежнему (как и в во второй половине XVIII в.) в большинстве случаев представлена в виде фрагментов (эпизодов). Особенно это заметно на примере газет и журналов Москвы и Санкт-Петербурга. Стоит отметить, что в первое десятилетие XIX в. таких

¹ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 100.

² Там же.

«спортивных» отрывков внутри одного медиатекста насчитывается один-два, в редких случаях больше. В 1820–1830-х гг. в ряде произведений российских изданий объем подобной информации увеличивается. В одной публикации можно встретить сразу несколько эпизодов, в которых описываются те или иные виды спортивной деятельности, характерные для того времени.

Результаты анализа содержания «спортивных» отрывков из публикаций столичной прессы первой половины XIX в. (было исследовано более 400 медиатекстов) позволяют выделить два их вида: «спортивные фрагменты» и «эксплицитные эпизоды». Каждый из них обладает определенными структурно-содержательными характеристиками.

Автор данной монографии считает, что, *фрагменты (эпизоды)* – это относительно автономное (законченное) высказывание о том или ином факте, явлении, личности в журналистской публикации. В нашем случае они представляют собой отдельный смысловой отрывок в медиатексте, в котором кратко раскрываются особенности спортивной деятельности и все что с ней связано. Исходя из содержательной части исследуемых отрывков, можно выделить несколько крупных тематических комплексов, которые дают возможность определить, на какие проблемы, связанные с гимнастической (спортивной) деятельностью, обращали внимание журналисты российских изданий.

В первой группе это отрывки, в которых тема спорта раскрывается через понимание, философские размышления автора (сочинителя) о том, что же такое физическое воспитание, какую роль оно играет в российском обществе. Обычно это короткий фрагмент в большой речи (рассуждении) о воспитании в России в целом. Сама мысль могла быть выражена через педагогическую составляющую, в которой определялась полезность физических занятий в воспитании подрастающего поколения. Или иметь новаторский подход, позволяющий определить физическое воспитание как ценностный фактор развития общества, который, по мнению автора такой речи, необходимо было укоренять в систему общей культуры России. Причем нередко просветители, пропагандирующие эти взгляды, указывали на то, что в основе физического воспитания должны лежать отечественные традиции, а не заимствованные из-за границы.

Во вторую группу входят эпизоды о проведении отдельных соревнований (в основном конских скачек, ставших популярными в 1820-х гг.).

Третья группа – фрагменты, в которых спорт представлен довольно обыденно, как дополнительный элемент, раскрывающий досуг, виды увеселения россиян в XIX в. В таких эпизодах различные виды спорта представлены как игровые забавы, домашние (салонные) занятия и др. Стиль представления такой информации довольно простой, без ухода в мировоззренческие рассуждения. Нередко, особенно при описании быта различных сословий, спортивные занятия (настольные игры) представлены через перечисление названий, без объяснений, что это за игра, какие в ней правила.

Четвертая группа фрагментов отличается тем, что в ней спорт раскрывается через «промышленное» значение. Сюда вошли эпизоды, посвященные, прежде всего коннозаводческой теме. В таких эпизодах нередко речь идет о разведении скаковых лошадей, даны оценка силы и возможностей такой лошади, определение потенциала породы (какая лучше для скачек). В эту же группу можно отнести части текста, в которых раскрываются промысловые технологии связанные с охотой и рыболовством. Одной из главных причин, почему эта группа получила такое название, стало то, что практически все публикации, в которых встречаются подобные фрагменты, расположены в промышленных, экономических, реже – в сельскохозяйственных разделах (рубриках) российских периодических изданий.

Пятая группа эпизодов позволяет выявить информацию о зарубежном спорте в российской печати начала XIX в. Здесь выделяются два базовых источника: переводные материалы из иностранных журналов, в основном европейских, и публикации российских журналистов, путешествующих по разным странам.

Шестая группа фрагментов, представленных в медиатекстах российских газет и журналов, помогает обратить внимание на увлечение спортивными забавами отдельных личностей (включая известных людей – государственных, общественных и культурных деятелей, а также представителей иных сословий, в том числе и низших).

В доказательство существования каждого фрагментарного тематического комплекса приведем ряд примеров из разных российских изданий, выходивших в 1800–1840-е гг.

Первый тематический комплекс представляет собой отдельные высказывания, размышления о том, что собой представлял «спорт», точнее гимнастика, физическое воспитание, в первой трети XIX в. Несмотря на перспективность развития этого вида деятельности в будущем, в данный период к нему в российском обществе относились настороженно, что отражалось в критических высказываниях того времени.

Несмотря на это, в России находились отдельные просветители, которые уже тогда понимали неопределимое значение спорта и старались обратить на это внимание через суждения в своих статьях, речах. В качестве образцов «спортивных» эпизодов могут служить выдержки из статьи В.В. Измайлова «О русском старинном воспитании», опубликованной в журнале «Патриот», в которой частично упоминается о пользе физического воспитания, физических упражнений: *«...заимствовать от предков все, что было хорошего в их простоте, добронравии и физическом воспитании... принять добродетели других веков, не отказываясь от преимущества нашего, может ли оскорбить справедливую гордость русских? Вот чего недостает нам, как и другим народам, среди блеска просвещения...»*¹; *«предки наши росли зимою на трескучем морозе, летом под зноем палящего солнца и всегда в пыли гимнастических игр. ...Сии упражнения, усыпляя деятельность воображения, заграждали путь многим порокам...»*². Здесь физическое воспитание рассматривается через исторический взгляд на саму проблему.

Второй пример доказывает, что уже в 1813 г. спортивные упражнения (наравне с другими забавами), в медиатекстах становятся предметом сопоставления воспитательных методик, используемых в России и Англии. Это можно проследить по фрагментам публикации неизвестного автора «Письма из Москвы в Нижний Новгород». Раскры-

¹ Измайлов В.В. О русском старинном воспитании // Патриот. 1804. Т. II. С. 3.

² Там же.

вая увлечения юного англичанина, автор письма пишет о том, что в семь лет «*гимнастические упражнения его: мяч, волчок, жмурки и подобные тому детские игры со сверстниками*»¹. В десять лет: «*гимнастика все та же; разве одно прибавляется к ней – плавание в Темзе*»². В пятнадцать лет физические забавы у англичанина «*все те же*».

У юного россиянина, по мнению журналиста, «свой набор» занятий. В семь лет «*гимнастические упражнения состоят в бильбоке*»³, в игре волана с учителем; да к тому три раза в неделю танцмейстер начинает его образовывать: т.е. заставлять его ходить на цыпочках и приседать, выворачивая врозь колени»⁴. В десять лет – «к телесным упражнениям, сверх танцев – фехтование»⁵. В пятнадцать лет к увлечениям российского юноши добавляется верховая езда.

Это одно из первых сравнений влияния физических занятий на воспитание детей разных стран. Тем не менее в тексте прослеживаются некоторые проблемы в интерпретации английских увлечений. В частности, забавы семилетних англичан (мяч, волчок, жмурки) указаны через российские названия игр. Но каждое из них имеет собственное английское название. К примеру, те же жмурки в Англии – это «blindman's buff» (толчок слепца). Но автор об этом не упоминает, хотя в ряде российских публикаций начала XIX в. соблюдается следующее правило: сначала приводится оригинальное название чего-либо на английском, французском, немецком и других языках, а затем идет объяснение на русском. В данных отрывках такой конструктивно-стилистический прием не прослеживается.

Тем не менее вплоть до 1830-х гг. в российском обществе и в прессе прослеживается неоднозначное отношение к физическому воспитанию. С одной стороны, в публикациях восхваляется гимнастика и

¹ Письма из Москвы в Нижний Новгород. Письмо пятое // Сын Отечества. 1813. № 45. С. 260.

² Там же. С. 263.

³ Бильбоке – игрушка на ловкость, представляющаяся собой шарик, привязанный на шнурке к палке. Задача поймать шарик на острие палки или на нанизанную на кончик небольшую чашечку // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1891. Т. III. С. 806.

⁴ Письма из Москвы... С. 262.

⁵ Там же. С. 263.

все, что с ней связано. Это доказывает цитата из «Речи о необходимости отечественного воспитания, произнесенной в Главном Педагогическом институте 11 декабря 1831 г.» педагога-просветителя М.И. Талызина, приведенной критиком в журнале «Московский телеграф» (1832, апрель): «Он [Талызин] рекомендует: “кулачные бои, борьбу, ристания на конях, бегание взапуски, быстрые устремления на крутизны, смелые скачки с высоты в глубокие потоки”, и прибавляет: “Ежели, восстановить сие отечественные игры, мы не увеличили – бы храбрости сынов наши, то, по крайней мере, не должны – бы были закутывать их во фланель, посылать на воды и покупать им очки на 18-м году их возраста”»¹. С другой стороны, сам критик скептически относится к данной речи и сделанным в ней различным предложениям, в том числе касающимся спортивных игр.

В 1840-е гг. литературные критики меняют отношение к физическому воспитанию в положительную сторону, о чем свидетельствует фрагмент из статьи В.Г. Белинского «О детских книгах»: «При этом воспитании дитя ест и вовремя и в меру, перед обедом непременно ходит гулять с гувернером или гувернанткой, умеренно резвится, занимается гимнастическими упражнениями на красивых вешалках, столбах, перекладинах, по часам учится, в определенную пору встает и ложится. Физическое воспитание в гармонии с нравственным: развитию здоровья и крепости тела соответствует развитие умственных способностей и приобретение познаний»². Хотя сама публикация напрямую и не относится к спортивной тематике, так как в большей степени раскрывает моменты педагогического воспитания в России, но именно в ней показано, что тема спорта привлекает к себе далеких от нее передовых просветителей первой половины XIX в.

В целом можно сказать, что все представленные выше фрагменты являются характерными для изучаемого периода времени. Через изучение первого выделенного тематического комплекса (группы) можно выявить и постепенное изменение позиции российского общества по

¹ Современная библиография // Московский телеграф. 1832. Ч. XLIV. С. 415.

² Белинский В.Г. О детских книгах // Отечественные записки. 1840. Т. IX, № 3. Отд. V: «Критика». С. 2.

отношению к физическому воспитанию как в целом, так и в отдельно взятом десятилетии. Если в первые два десятилетия XIX в. многие представители российского общества относятся к этой теме с осторожностью и лишь единицы видят в ней перспективу, то в середине 1830-х гг. происходит перелом и в публикациях все чаще появляются фрагменты (эпизоды), посвященные пользе физического воспитания.

Вторая группа включает в себя эпизоды журналистских произведений, в которых раскрывается непосредственно соревновательная деятельность. Если в первые годы XIX в. они были единичны, то уже в 1820-е гг. их присутствие в ряде медиапроизведений было ощутимо. Например, в обычном очерке о путешествии по Финляндии, опубликованном в газете «Северная пчела» в 1826 г., автор после описания живописных мест северной провинции Российской Империи, неожиданно в конце текста вводит эпизод о конском беге, проводимом в Санкт-Петербурге, с целью выяснения, какая лошадь лучше – английская или казацкая. Сам отрывок представлял целостный рассказ о беге, в котором было не только подробно описано событие, но и дана его оценка: *«Издавна охотники до лошадей вели между собою жаркие споры о том, английским ли или казацким лошадям должно отдать преимущество в бегу: этот важный вопрос решен вчера, в присутствии целого города С. Петербурга. – Сей спор был причиною весьма значительных закладов; участники в оных выписали двух лошадей из Англии, каждую ценою от 25 до 30 тысяч рублей, и двух лошадей казацких.*

– Бегом назначена была большая дорога от С. Петербурга до Гатчины, которая в оба конца составляет 8½ версты или 21 французскую милю. Сие пространство одна из английских лошадей пробежала в 2 часа и 50 минут. Казацкая же достигла цели четырьмя минутами позже счастливой своей соперницы»¹.

Далее журналист делает детальный анализ для объяснения читателям причины неудачи русских скакунов: *«Говорят, что сим успехом английская партия преимущественно обязана уловке: одна из английских лошадей пущена была во всю прыть до половины бега, с намерением утомить казацких лошадей, быстро следовавших за нею; вторая же английская лошадь была берегаема, пока первая, обреченная*

¹ Путешествия. Поездка в Финляндию // Северная пчела. 1826. № 22. 20 февр.

уже на жертву, не выбилась из сил: тогда она пустилась, и без труда опередила своих соперниц, измученных быстротою первого порыва. Многочисленная публика присутствовала на сем бегу, коего успех возбудил с обеих сторон национальное честолюбие до высочайшей степени. Несмотря на сию неудачу, русские утверждают, что казачьи лошади долее могли бы выдержать бег, чем английские, и что назначенное пространство было не довольно велико, чтобы доказать сие на опыте»¹.

Подобные эпизоды можно встретить и в других публикациях на самую разную тематику.

Третья группа фрагментов раскрывает особенности спортивных забав, которые присутствуют в текстах, посвященных народным праздникам, гуляньям. В начале XIX в. публикации о народных православных праздниках (Рождество, Святки, Масленица, Пасха, Троица и др.) в российской прессе появляются постоянно, и почти в каждой из них есть упоминание о спортивных увеселениях, народных состязаниях.

В материале «Масленица» в журнале «Отечественные записки» упоминаются такие забавы, как катание с гор, катание на санях, конские бега: «...катанье с гор почти удвоилось против прошлогоднего. Катальщики брали ныне с каждого человека до 40 копеек за раз (т.е. с обеих гор). Сие причиной, конечно, вместе с неблагоприятной погодой, что охотников кататься с гор было ныне несравненно менее прошлогоднего. Смотри в окно из одного противоположащего дома, мы насчитали однажды в прошедшем году в одну минуту скатившихся санок с горы 72, а ныне, делая неоднократно сие же наблюдение, не заметили более 30»²; «Катанье в санях, также по причине холода, не было в последние два дня столь многочисленно, как должно было ожидать того, и оканчивалось не позже 6 часов. Однако число экипажей можно полагать до 2000»³. «Недалеко от гор в то же время представлялось на реке другого рода народное увеселение – конский бег»⁴.

¹ Путешествия. Поездка в Финляндию // Северная пчела. 1826. № 22. 20 февр.

² Масленица // Отечественные записки. 1821. № 11. Март. С. 371.

³ Там же.

⁴ Там же.

В заметке «Качели на Святой неделе» в тех же «Отечественных записках» в таком же стиле говорится о вольтижировке и показе гимнастических упражнений («гимнастического искусства»¹) на лошадях². В этом же материале было дано и краткое описание качания на качелях, каруселях, что соответствовало «спортивным» упражнениям, представленным в первых классификациях спорта, изданных позднее в 1880-х гг.³

Интересной по своему содержанию является публикация Н.А. Полевого «Святочные рассказы». Здесь через разговор двух старинных приятелей Терновского и Шумилова, поднимается вопрос о традициях проведения святочных увеселений (кулачные бои, лошадиные бега, катание на санях, качание на качелях и т.д.) в разных местах Российской Империи – в Москве, Сибири, на Украине. Это одна из основных тем «горячего» разговора героев. Тем не менее сами отрывки в тексте небольшие. В частности, о традициях проведения скачек в Сибири Шумилов говорит следующее: *«В шубах, в шапках, в теплых сапогах, сибиряки и сибирячки толпами выезжают на бег: там большие охотники до бегунов: сибирские рысаки и иноходцы мчатся, как вихорь. Иззябнув, все едут пить чай к победителю»*⁴. Но даже несмотря на краткость сообщения, тема интереса сибиряков к скачкам представлена полно.

Кроме того, подобные фрагменты можно найти в следующих публикациях: Ф. Булгарин «Наблюдения под качелями» (Северная пчела. 1826. № 51. 29 апр.); А. Дмитриюков «Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде» (Московский телеграф. 1831. Ч. 39, № 9, 11); «Отчет о Масленице» (Северная пчела. 1844. № 31); «Нравы XVIII»

¹ В конце XVII – начале XIX в. под гимнастическим искусством подразумевались многие активные виды спорта, включая вольтижировку (акробатические упражнения на конях).

² Качели на Святой неделе // Отечественные записки. 1827. № 85. Май. С. 324.

³ См.: Владимирский. Опыт классификации всех видов спорта // Охотник. 1887. № 18; Влад. Шл. Спорт, его виды, историческое развитие и культурное значение // Охотник. 1887. № 19; 1888. № 34 и др.

⁴ Полевой Н.А. Святочные рассказы // Московский телеграф. 1826. Ч. 12, № 23. С. 113.

(об увеселениях в упомянутом в названии заметки веке) (Северная пчела. 1844. № 31) и др.

Однако журналисты обращали внимание не только на народные игры русских, но и на состязания, проводимые во время праздников других народов, населяющих Российскую империю. В прессе 1800–1840 гг. (особенно в столичных журналах) печаталось довольно много этнографических материалов (путевые очерки, письма), в которых присутствовали эпизоды, посвященные этой теме. В частности: П. Свињин «Празднование Байрама в черкесском ауле» (Отечественные записки. 1825. № 64); И. Добродеева «Байрам черкесский» (Вестник Европы. 1828. Ч. 161, № 15); В.А. Дашкова «Нравы, обычаи и одежды жителей Олонецкой губернии» (Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Т. III); К.М. Сементовский «Замечания о праздниках у малороссиян» (Маяк современного просвещения и образованности. 1843. Т. XI); А. Дмитриюков «Еще замечания о праздниках малороссиян» (Маяк современного просвещения и образованности. 1844. Т. XIII); «Праздник в ставке хана Внутренней Киргизской орды: Джангера» (Русский инвалид. 1844. № 17); «Вотяки Казанской губернии» (Северная пчела. 1844. № 160. 17 июля) и др.

Классическим примером текста, в котором можно встретить несколько «спортивных» фрагментов, является письмо издателя «Отечественных записок» Павла Свињина к редактору под названием «Празднование Байрама в черкесском ауле», опубликованное в журнале в 1825 г. В нем автор подробно, с обращением на мелкие детали, описывает два состязания черкесов, делая их главными в праздничном действии. Чтобы передать красочную атмосферу увиденного, Павел Свињин использует восклицания и эпитеты, которые передают накал состязаний. В первом эпизоде подробно говорится о скачке черкесов на лошадях: «22 отборных наездника пустились за девять верст к соленому озеру производить скачку»¹. Далее подробно изложен ход скачек. Интересен по своему описанию финал: «По мере приближения скачущих, увеличивалось нетерпение Черкесов: они все ки-

¹ Празднование Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. 1825. № 64. С. 246.

нули бы навстречу к ним, если бы не боялись Коменданта, который строго запретил им трогаться с места, дабы иметь возможность определить премии. Сверх того послано было несколько Узденей, для вернейшего наблюдения за скачущими: и точно, гнедая лошадь Султана Керим-Гирея выскакала премию, другой приз – серая Узденя Ислама Абазинована; третий гнедая же Аджиева. Какое торжество для победителей, какой удар для оставших!»¹.

Следующий эпизод описывает соревнования черкесов в меткости: *«...отличную свою ловкость и мастерство в верховой езде, Черкесы показали нам при стрельбе в цель, последовавшей за скачкою. На длинном шесте прикреплена была дощечка с наклоном, род кровельки, и в эту-то метку должно было попадать на всем скаку из ружья или пистолета, обернувшись совершенно назад. Можете представить себе, сколь много потребно для сего твердости в седле и меткости в стрельбе: равномерно Орловский из каждого всадника сделал бы прекрасную картину. Впрочем, Черкесы и все Горцы вообще гораздо вернее стреляют с сошек, кои обыкновенно возят с собою или прикрепляют к ружьям своим; а этот маневр изучивается ими единственно для отражения сильного неприятеля в преследовании»².* Стоит отметить, что в тексте письма были представлены и другие события, происходящие на праздновании Байрама, но П. Свиньин обращает на них меньше внимания, раскрывая их очень коротко.

В газетах подобные «спортивные» увеселительные эпизоды во время народных праздников в журналистских публикациях встречаются намного реже. Тем не менее и они дают возможность узнать, какие народные виды спорта были распространены в те времена. Чаще всего такие фрагменты печатались в газете «Северная пчела». К примеру, народные забавы во время якутского праздника Исых журналистом данного издания были представлены следующим образом: *«Мужчины скачут и бегают на перегонки; прыгают на дальние расстояния на одной ноге или через веревочку – движения их медлен-*

¹ Празднование Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. 1825. № 64. С. 248–249.

² Там же. С. 249.

ны и неловки – климат виден во всем. Борются полунагие, упершись головами и схватив друг друга за руки выше локтей. Кто первый коснулся земли спиной, тот побежден. Смех и клики приветствуют атлетов»¹. Примечательным в данном отрывке становится то, что участников «простых» забав, автор текста называет *атлетами*, тем самым относя их к рангу «спортсменов»².

К этой же подгруппе можно отнести фрагменты, в которых раскрываются выступления в столичных городах европейских трюкачей. В 1820-е гг. в российской прессе появляются публикации, в которых присутствуют эпизоды о мастерах, исполнителях спортивных упражнений, сложных трюков. Отличительной чертой их упоминания в текстах было то, что обязательно указывалась не только их специализация, но и фамилия исполнителя (-ей). В частности, в тексте «Увеселения публики в прошедшем Великом посту», описано выступление двух акробатических трупп: «*Эквилибристов и балансиров на канате было в нынешнем посту две труппы. Первая – Серафини с компанией, приехавшей из Венеции. Из числа гимнастических штук может почесться самую любопытнейшею – поднятие госпожою Серафини на волосах своих камня в 30 пудов*»³. «*Вскоре их заступала труппа Готье, состоящая из 22-х человек и известная под именем Шведского общества*»⁴. Далее автор восхваляет выступление этой труппы, обращая особое внимание именно через на трюки самого мастера, расписывая их подробно: «*Надобно отдать справедливость, что Готье великий мастер своего дела. Он возбуждает столь великую достоверность к себе, что зритель не боится за него ни в каком случае: представляет ли он пьяного солдата, ходящего по канату без шеста, прыгает ли сальто-мортале вдоль через карету, запряженную в четыре лошади или через ряд солдат с примкнутыми штыками, ката-*

¹ Сибирские нравы. Исых // Северная пчела. 1831. № 115. 25 мая.

² Стоит отметить, что само слово «спортсмен» было малоизвестно в то время, оно только входило в состав русского языка (первое его использование в российской прессе отмечено в 1828 г.).

³ Увеселения публики в прошедшем Великом посту. Санкт-Петербургские современные летописи // Отечественные записки. 1820. Ч. 1. С. 148.

⁴ Там же.

ет ли по канату в тележке детей своих, танцует ли балет исполинов на высоких ходулях, или предпринимает ли великое восхождение с тележкой по канату из глубины сцены в раек и назад обратно – он везде удивлен»¹.

Другой подгруппой в этом тематическом комплексе являются фрагменты публикаций, в которых спорт характеризуется как досуговое занятие. Стоит отметить, что в исследуемый нами период имелось достаточное количество игр, в которые играли представители различных слоев общества, причем невзирая на возраст – «от мала до велика». Это могли быть игры на воздухе, салонные или настольные. В частности, в дневниковых воспоминаниях Варвары Олениной, относящихся к 1820-м гг.², можно найти следующие строки: *«Играли в разные игры, как-то лапта, горелки, жгуты, la barre (бары) и проч. – в кольца, в мячики, в волан. И не находили que ce n'est ni ennuyeux, ni mesquin, ni ridicule (ни скучным, ни пошлым, ни смешным) – В один вечер Батюшка и Матушка, будучи уже весьма за 60 лет заметили, что игры что-то не весело или: вдруг как никто не ожидал, пустились наши два старичка бежать как два шарика. Натурально все оживилось. Вот и жизнь Приютина»³.* В данном фрагменте приведена лишь малая часть подвижных игр, популярных в те годы. Характеризуя их, можно отметить, что в каждой такой игре непременно присутствовали спортивные элементы – бег, прыжки. Кроме того, проявляются такие навыки, как ловкость, сноровка, быстрота реакции, координация движения, в какой-то мере сила, выносливость и др.

Однако записи о подвижных играх можно найти не только в дневниках современников, пресса также обращала на них внимание. В 1830–1840-е гг. начали массово появляться публикации, раскрывающие увеселения населения различных городов, селений Российской империи, в которых уделялось внимание и подвижным играм. В частности, такие фрагменты встречаются в следующих статьях:

¹ Увеселения публики в прошедшем Великом посту... С. 148–149.

² Дневник датируется 1828–1829 гг.

³ Оленина В.А. Иван Андреевич Крылов. Из «записных» книжек // Крылов И.А. в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 143.

«Народные игры Грузии» (Санкт-Петербургские ведомости. 1826. № 92); А.О. Мухлинский «Праздники, забавы, предрассудки и суеверные обряды простого народа в Новогрудском повете Литовско-Гродненской губернии» (Вестник Европы. 1830. № 14–16); Н. Петровский «Праздники увеселения, гулянья и народные игры в Ярославле» (Сын Отечества. 1837. Ч. 186); В. Романович «Обычаи, игры, пословицы и предания Литовские» (Сын Отечества. 1839. № 11); Хан-Гирей «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» (Русский вестник. 1842. Т. V, № 1); А.М. Сементовский «Обзор игр в Полтавской и Черниговской губерниях» (Маяк современного просвещения и образованности. 1843. Т. XI); «Весенние и другие игры» (Маяк современного просвещения и образованности. 1843. Т. XI); «Игры» (Звездочка. 1843. Ч. VIII); «О детских играх у различных народов» (Звездочка. 1844. Ч. XII); «Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы» (Отечественные записки. 1846. Т. XLVIII); «Сабан и Джин. Татарские народные праздники» (Москвитянин. 1850. Т. 3) и др.

Само представление игр может быть кратким, как, например, перечисление «сибирских» игр в публикации «Замечания о Сибири»: *«Игры а) скачка на лошадях, б) кулачные бои, в) лепки, особенная игра на круглые черепки, д) скакульки, т.е. прыганье на доске, лежащей перевесно на небольшой возвышенности, и пр., пр.»*¹. Или описание одной из «воинствующих» снежных игр в очерке Хан-Гирея «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов»: *«Зимой, после уборки хлеба и сена, жители аула, разделяясь на две партии, нападают друг на друга; дерутся комьями снега, а потом и врукопашную; захватывают пленных, которых заставляют откупаться, после чего следует угощение»*².

Подробное представление игр мы находим в журналистском произведении Н. Петровского «Праздники увеселения, гулянья и народные игры в Ярославле» в журнале «Сын Отечества». Здесь на семи

¹ Замечания Сибири // Московский вестник. 1830. Ч. V. С. 129.

² Хан-Гирей. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Русский вестник. 1842. Т. V, № 1. С. 21–22.

страницах представлены правила, основы и предметы для массовой игры в буй. Как пишет автор, в нее могли играть от 50 и более человек. Основными игроками, по словам Н. Петровского, были «женатые мужчины и возмужалые юноши». Правила игры следующие: *«Охотники до буйа собираются на обширный луг (чаще за Романово-Борисоглебской заставой), разделяются на две половины поровну, иногда сторона на сторону, то есть на городских и зарецких; потом кидают жребий, которой половине чикать, и которой водить»*¹. Игра начинается. *«Кладут сучек (длинная плаха, толщиной вершков пять. – Е.В.) на землю и к пригорбку ставят коровку (шар, выточенный из слоновой кости, формой с голубиное яйцо. – Е.В.); один из играющих берет палку, отступает назад несколько шагов, потом с разбегу бросает палку на сучек; она ударяется по коровке и прижимает ее к пригорбку; от чего коровка с визгом взвешется кверху, и описывая полукруг, ложится в 50 и иногда и в 100 сажнях от сучка; расстояние зависит от силы и умения игрока»*². *«Другая половина идет в поле водить, то есть ловить и подавать улетающую туда коровку»*³. *«Чтобы не больно было руке, на левую руку одевают рукавицу»*⁴. Согласно тексту буй чем-то напоминает старинную русскую игру лапту. Кроме того, стоит упомянуть, что этот эпизод – один из самых крупных образцов описания проведения народного досуга в прессе первой половины XIX в.

Помимо подвижных игр еще одним объектом внимания авторов публикаций становились настольные забавы (домино, шахматы, шашки, лото, бильярд, карточные игры). С начала 1800-х гг. эти игры в основном считались клубными или домашними. В рассказе «Святки», опубликованном в «Журнале для детей или Приятное и полезное чтение для образования ума и сердца», представлено типичное проведение досуга на селе: *«Известно, что в сие время делаются непосредственно вечеринки, девушки поют песни принадлежащие собственно*

¹ Петровский Н. Праздники увеселения, гулянья и народные игры в Ярославле // Сын Отечества. 1837. № 186. С. 404.

² Там же. С. 405.

³ Там же. С. 406.

⁴ Там же.

святочным вечерам, гадают и прочее. В один из таких вечеров любезные барышни захотели слушать под окнами, что так же водится в это время года, и оставили нас; прочие же гости занимались **бостоном**¹, а я² с хозяином играл **в шашки**³. Учитывая то, что это детский журнал, автор очень осторожно раскрыл увлечения старшего поколения, особенно карточной игрой.

Настольные игры как домашнее занятие были распространены и у представителей высшего общества иных народностей России. Однако они начали упоминаться в журналистских текстах немного позднее, в 1830–1840-е гг. Примером может служить отрывок из очерка Д. Зубарева «Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область». В нем раскрывается досуг кахетинских князей: «*Большая часть высшего сословия, кроме позументов на чухах, ничем не отличается от простолюдинов. Время убивают в тяжбах, попойках, в игре **в нарды (игра, род триктрака), шахматы и карты***»⁴. Здесь представлены смешанные развлечения – и народная игра северокавказских народов, и увлечения, типичные для россиян.

Клубная игра была особым видом досуга⁵, позволившим обычные игры «на интерес» перевести в статус коммерческих, т.е. «игру на деньги». К примеру, короткий фрагмент описания подобных увлечений в Москве можно встретить в путевых заметках В.А. Соллогуба: «*В самом деле, как подумаешь: Английский клуб, Немецкий клуб, Коммерческий клуб – и все столы с **картами**, к которым можно присесть, чтоб посмотреть, как люди играют и большую, и малую игру. А там **лото**, за которым сидят помещики, и **бильярд** с усатыми игроками и шутливыми маркерами. Что за раздолье!..*»⁶.

¹ Бостон – простая карточная игра на интерес.

² Автор рассказа.

³ Святки // Журнал для детей или Приятное и полезное чтение для образования ума и сердца. 1815. С. 167.

⁴ Зубарев Д. Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. 1841. Т. 2. С. 540.

⁵ Многие столичные клубы были организованы еще в XVIII в.

⁶ Соллогуб В.А. Семь глав из «Гарантаса» // Отечественные записки. 1840. № 12. С. 231.

На основании публикаций конца 1820-х – начала 1830-х гг. можно выделить четвертую тематическую группу фрагментов, в которых спорт рассматривается через «промышленную» значимость. К этой группе относится информация о коннозаводстве, которое считалось престижным занятием. Выращивались не только лошади для нужд населения и армии, но и выводились определенные породы для скачек. По данным статистики, представленной профессором И.А. Геймом, в 1814 г. в России существовали 1339 конных заводов, главным образом частных, где содержалось не менее 281 580 маточных кобыл и 22 140 жеребцов¹. Они были распространены на европейской территории России, на Урале и юге России.

Во фрагментах о конных заводах обычно внимание акцентировалось на технологиях разведения скакунов, на выявлении плюсов и минусов той или иной породы, на оценке их достоинств, важных для скачек, иногда на цене лучших скакунов. В частности, это четко прослеживается в эпизоде из раздела «Конский завод» путевых заметок А. Кондзеровского «Путешествие» при описании завода г. Полторацкого: *«Лошади по большей части английские; есть арабские, датские и персидские; но г. Полторацкий предпочитает после 12-летнего опыта, скаковую породу всем прочим, потому что такая лошадь есть ни что иное, как резвая и сильная, и от одной развести можно верховых, фрунтовых, каретных и постепенно вожовых лошадей»*².

Эту же тематику можно проследить по фрагментам медиатекста «Земля донских казаков»: *«Курсанова почитается лучшим после завода Платова и происходит от черкесских и татарских лошадей, улучшенных жеребцами Платова завода. Харитонов завод, под тавром С., породы черкесской, улучшен жеребцами Платова завода, и хотя первым двум уступает на скачках, но зато лошади красивые»*³; *«Черкесская лошадь, питаясь всегда в поле. Переносят непогоды легко, и скачут большие расстояния без вреда»*⁴; *«Лошади Платова за-*

¹ Цит. по: Из истории русского коннозаводства. URL: <http://www.loshadi.ru/doc2.php?link=encyclopedia.matclasses:books:1166:1167>

² Кондзеровский А. Путешествие // Северный вестник. 1804. Ч. 4, № 12. С. 282.

³ Земля донских казаков // Сын Отечества и Северный архив. 1834. № 35. С. 207.

⁴ Там же. С. 205.

вода продаются по 350 рублей кругом за голову, прочие со размерные дешевле, так что лошади худших заводов продаются по 100 и по 80 рублей в розницу»¹.

Также к этой тематической группе относятся эпизодические сведения о промысловых соревнованиях (ловля рыбы, охота) в журналистских текстах. Описание таких состязаний можно наблюдать в публикации В.И. Даля «Письмо Гречу из Уральска» в газете «Северная пчела» в 1833 г.: *«Летом ставится поперёк Урала учуг, т.е. закол, рыба идёт с моря и останавливается на ятовных местах⁴ ею избираемых. Казаки замечают с берегов, где рыба ложится, и в назначенный день и час, по вестовой пушке, всё войско кидается взапуски на челны, сталкивает их в воду и идёт, обгоняя друг друга 200 верст вверх по Уралу, вытаскивая сетями на каждом шагу осетров, белуг, севрюг. Это называется скачкою на бударах, а перебегаемое в день пространство – ударом. Это продолжается по определению войсковой канцелярии несколько недель, и вместе с тем по берегу идёт гульба и пириество без конца, тут рыбу потрошат и солят, готовят икру, укладывают и отправляют на бесконечных обозах. Это плавня; на багренье бывает то же, только иначе: по вестовой пушке все войско кидается с обоих берегов Урала верхом, или на бегунах, скачет, обгоняет друг друга, спешивается на льду, бьёт проруби и запускает багры. Вы ахнете, если увидите, с каким проворством и что тут делается!»².*

Отдельным тематическим полем являются фрагменты в публикациях о спорте в зарубежных странах. Они могут быть краткими. Спортивная информация в них подается обыденно, как само собой разумеющееся явление. Например, в «Вестях из Парижа» в рубрике «Смесь» при перечислении модных парижских тенденций 1826 г. упомянуты игры для отдыха: *«Известно ли читателям, что такое деревенская необходимость? Длинная корзина, где лежат разные игры, как-то: мячи, кегли, билбокет и проч. Эта необходимость обклеивается сафьяном, украшается сталью и стоит 300 франков!»³.*

¹ Земля донских казаков // Сын Отечества и Северный архив. 1834. № 35. С. 207.

² Даль В.И. Письмо Гречу из Уральска // Северная пчела. 1833. № 231. С. 923.

³ Вести из Парижа // Московский телеграф. 1826. Т. 9. С. 144.

Более крупные фрагменты можно встретить в публикациях, в которых речь идет о жизни и традициях европейских государств. К примеру, в «Воспоминаниях русского офицера о Польше и Германии», представляя зимний досуг немцев, автор пишет: *«Некоторые катаются на коньках, санках, в замену наших гор. Весьма приятно смотреть на здешних любезников предлагающим услуги свои милым, прекрасным немкам. Вместо санок употребляют здесь стулья на полосках»*¹.

Также подобные эпизоды встречаются и в медиатекстах об экзотических странах, колониях, расположенных в Азии и Америке. Главной особенностью является то, что в этих фрагментах акцент делается на раскрытии особенностей национальных видов спорта, в частности в заметке «Забавы в Гаване, первом городе испанского острова Кубы», где среди прочих увлечений кубинцев упоминаются бои с животными². Им посвящено два фрагмента. В первом описывается бой с быками: *«И гаванские колонисты, подобно всем испанцам, любят сражение с быками (Corrida de toros): для сего назначено место за городом, на так называемом Марсовом поле. Впрочем, этот бой не страшен для людей: гаванских быков приводят издалека, худых, измученных, и совсем не яростных, к великому счастью тамошних ратоборцев, весьма неуксусных. В середине площади, или Колизея, вырыта глубокая яма, в которую прыгают бойцы, если сверх чаяния бык испугает их, и если они далеко от загородки»*³. Во втором эпизоде этого же материала представляются основы боя петухов: *«Но еще более гаванские жители любят сражения петухов (rinas de gallo). Для сего обгорожен досками небольшой луг; зрители сидят в амфитреатре, и платят за это удовольствие копеек 30. Петухи дерутся или носом или когтями. В первом случае бой всегда долог и часто нерешителен; но во втором случае*

¹ Воспоминания русского офицера о Польше и Германии // Сын Отечества. 1817. Ч. 42. С. 102–103.

² «Бой с быком» и «петушиные сражения» относятся к спортивному подвиду «бон животных», упомянутому в первой классификации спорта, представленной в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (М., 1900. Т. XXXI. С. 298).

³ Забавы в Гаване, первом городе испанского острова Кубы // Вестник Европы. 1803. № 17. С. 21.

обыкновенно привязывают к ноге петуха маленький ножничек, и победа в минуту решится. Страсть жителей к сей забаве доходит иногда до безумия; и на всех дворах видите вы множество петухов, которых нарочно для того воспитывают»¹.

Другим примером раскрытия «заграничной» информации о спорте в российских изданиях может служить публикация «Политическое обозрение Новой Испании, Александра Гумбольдта, второе издание, 1827», где критик, ссылаясь на А. Гумбольдта, раскрывает игровые забавы мексиканских крестьян: *«Крестьяне мексиканские – страстные игроки. Приехать в Мексику из-за 120 миль за покупками, слезть с лошади у дверей первого monte (трактира, где играют в карты), проиграть все деньги, продать лошадь, мулов, платья свои и воротиться ни с чем – это дело весьма обыкновенное для здешнего крестьянина. Он спокойно говорит: no acerte ni un albour (я ничего не выиграл). После игры первое для них удовольствие – бой с быками. Схватить одного и свирепейшего из них за хвост, опрокинуть на ребра и изломать их – это большая для них забава»*².

Третий пример – «Королевское Азиатское общество в Лондоне. Новейшие известия о Бирманах». Основной темой медиатекста является описание быта и занятий жителей Бирмы. «Спортивные» увлечения представлены здесь следующим образом: *«Шахматы, шашки и особенного рода мячи, составляют главные забавы этого народа. Мяч делается из ивы, швыряется людьми, которые стоят в круг от шести до семи аршин в поперечнике. Борьба и кулачный бой являются на всех больших праздниках, но с такими ограничениями во времени, что бойцы редко успевают пострадать»*³.

При сравнении этих материалов можно выявить и некоторые тенденции в подаче зарубежной спортивной информации журналистами XIX в. В частности, в третьем примере при всей ясности в описании

¹ Забавы в Гаване, первом городе испанского острова Кубы // Вестник Европы. 1803. № 17. С. 21–22.

² Политическое обозрение Новой Испании, Александра Гумбольдта, второе издание, 1827 // Московский вестник. 1827. Ч. 3. С. 298.

³ Королевское Азиатское общество в Лондоне. Новейшие известия о Бирманах // Библиотека для чтения. СПб., 1835. № 9. С. 57.

спортивных видов автором или переводчиком был упущен тот факт, что в каждой стране тот или иной вид спорта имеет свое название. Например, кулачный бой в Бирме с древних времен называется «бандо», шахматы – «ситтуйин». Но в этом тексте были использованы только русские аналоги без упоминания оригинальных названий. Хотя в приведенной первой публикации о Гаване, написанной несколькими годами ранее, это четко прослеживается: после русского названия следует испанское: *сражение с быками (corrida de toros), сражения петухов (rinas de gallo)*. В тоже время во втором примере спортивные забавы мексиканских крестьян называются по-русски (карты, бой быков), без представления испанского аналога. В связи с этим можно сказать, что представление того или иного «спортивного» факта во многом зависит от глубины восприятия события автором, а также умения правильно раскрыть его в медиатексте.

В тематическом поле зарубежных фрагментов наблюдается еще одна специфика. Именно в этих текстах довольно подробно прописаны особенности спортивного инвентаря и технологии его использования. Например, в материале «Деревенские нравы норвежцев», помимо перечисления различных традиций в быту, культуре и религии, дано подробное описание значения лыж для норвежцев: «...это их *skies (лыжи)*, которые делаются из твердого дерева и бывают длиною в шесть или восемь футов, а шириною в шесть дюймов. Левая лыжа делается короче, чем правая, чтобы легче было поворачиваться на пятке; ноги крепко привязываются посередине лыж; бегущий на лыжах держит в руке палку, чтобы, упираясь ею в снег, ускорять и направлять бег свой. Лыжи подклеиваются снизу шкуркою тюленя или кабана, так что щетина обращена назад; это делается для того чтобы не скользить, взбираясь на гору. Когда снег крепок, мужики не боятся спускаться в отвесные пропасти; впрочем, всякий Норвежец, без различия пола и возраста, умеет бегать на лыжах»¹.

Кроме того, в ряде зарубежных публикаций нередко присутствует историческая информация, непосредственно связанная с раскрытием значения гимнастики в древности. Так, в исторических заметках

¹ Деревенские нравы норвежцев // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. С. 103.

«Древние греки» (перевод с нем.), характеризуя занятия разных слоев населения, немецкий автор отмечает: *«Народ свободный, где рабы были конечно осуждены на труд и ремесла, но где зато вольный гражданин жил единственно для упражнений в гимнастике и музыке, то есть для образования тела и души. Победы бойцов на Олимпийских играх также были славны, как торжества Гениев...»*¹.

Шестая группа – «спортивные» фрагменты в журналистских текстах, которые раскрывали пристрастия к тем или иным игровым занятиям известных личностей, включая императорских особ, общественных деятелей, писателей, поэтов, а также отдельных граждан, представленных через сословие (дворянин, крестьянин, помещик), род занятий (губернатор, чиновник, ремесленник), гражданство (англичанин, француз, немец²) или гендерный фактор (мужчина / женщина). Без внимания журналистов оставались личностные параметры (возраст, рост, вес). К этой категории фрагментов также относятся медиатексты, в которых речь идет об исполнителях тех или иных спортивных трюков. Чаще всего это представители цирковых трупп или отдельные личности, демонстрирующие свое искусство в фехтовании, гимнастике и других видах.

Фрагмент, в котором представлены увлечения известной личности, можно найти в дневниковых записях встреч доктора Вардена с Наполеоном Бонапартом, представленных в материале «Бонапарт на острове Святой Елены». Здесь описывается игра Наполеона в шахматы: *«Генерал Монтолон в полном мундире принял меня и ввел в другую комнату, в которой генерал Бертран играл с Бонапартом в шахматы. Последний приветствовал меня весьма ласково и учтиво; я стал за его стулом, чтоб смотреть на игру. Все присутствующие разговаривали между собой очень тихо, дабы не развлечь его внимания, устремленного на шашки»*³. Текст был переводной, и единственной проблемой перевода стало слово «шашки». Правильно в этом случае

¹ Древние Греки // Русский зритель. 1829. Ч. 6, № XXI–XXII. С. 69.

² Стоит отметить, что в публикациях российской прессы XIX в. представитель того или иного государства прописывался с большой буквы: Англичанин, Испанец, Француз, Норвежец и т.д.

³ Бонапарт на острове Святой Елены // Сын Отечества. 1817. № 35. С. 32–33.

было бы сказать «шахматная фигура». К 1817 г. шахматы и шашки уже были разведены как игровые виды, но часть светского общества все равно воспринимала их как единые.

Еще одним образцом, где в целостном отрывке выявляются спортивные пристрастия именитого героя публикации, могут служить автопортретные рассуждения «Мысли Байрона о самом себе». Давая характеристику своим физическим увлечениям, английский поэт не просто раскрывает качества, которыми он обладает, но и противопоставляет себя Руссо: *«Руссо писал несмело и с трудом; я пишу быстро и вообще без труда. Он никогда не хотел ездить верхом не умел плавать и ничего не знал в фехтовании; я напротив, хорошо плаваю, и хотя не очень смел на лошади (потому что на скачке, 18-ти лет, разбил себе бок), однако довольно хороший наездник и, наконец, порядочно умею драться, особливо эспадоном, если только могу сохранить умеренность, что для меня очень трудно; но я стараюсь всегда быть хладнокровным с тех пор, как в 1806 году, боровшись с Пюрлингом, я уронил его и разбил ему кость. Сверх того, я мастер играть в крикет и был в числе одиннадцати, которые в 1805 году выдерживали бой с студентами Этонского училища»*¹.

В качестве примера, где акцент сделан на занятиях «безымянной» личности, можно привести короткий фрагмент из публикации П. Свиньина «Конгревовы ракеты и Вулич». В этом тексте очень кратко затрагивается тема занятия нескольких пленных французов, среди которых нас интересует только один: *«третий [француз] сохранил маленький бильярд»*².

Примечательным становится то, что в данных фрагментах уже прослеживается четкое, детальное описание события через действия конкретного героя, что является новаторским методом для журналистов первой половины XIX в. В дальнейшем эта методика будет активно применяться в публикациях о соревнованиях, где все внимание авторов будет обращено на раскрытие выступления именно лидеров (ведущих спортсменов). Однако в этот период их фамилии в периоди-

¹ Мысли Байрона о самом себе // Московский телеграф. 1826. Т. 9. С. 72–73.

² Свиньин П. Конгревовы ракеты и Вулич // Сын Отечества. 1815. Ч. 21. С. 137.

ческих изданиях упоминались редко. В основном это были хозяева зарубежных цирковых акробатических трупп (Готье, Серафини, Финарди, Франкони, Б. Фуру, Ж. Турньера и др.). К примеру, о выступлении одной из трупп вольтижеров в Минеральных Водах, упоминается в письме П.П. Свинына к Редактору из Ставрополя: *«В добавок к веселостям на кислых водах, прибыл туда на днях искусник и вольтижер Финарди, со своею труппою, и тут всего более забавляет публику – удивление, производимое над Черкесами ловкостью его штук (особенно на лошадях). – Черкесы до того изумлены от Финарди, что почитают его серьезно сверхъестественным человеком, особенно потому, что все трудности верховой езды, кои известны были одним здесь наездникам, у него делаются – ребятами»*¹. Из фрагмента видно, что героем представления становится именно владелец труппы. О других членах труппы упоминается вскользь.

Кроме того, в первой трети XIX в. именно в зарубежных публикациях появляются целые главы, посвященные спорту. Одной из первых стала глава «Заклады и конские ристания» в «Записках об Англии» (Сын Отечества. 1827. № 9). В 1830–1840-е гг. подобные разделы стали появляться и в медиатекстах отечественных авторов. Однако в большинстве случаев речь шла о зарубежной спортивной деятельности. Например, глава «Гимнастические заведения» в статье М. Раевского «Специальные школы в Швеции» (Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Ч. LI).

В целом можно отметить, что в столичной прессе (московской, Санкт-Петербургской) в первой трети XIX в. встречается достаточное количество фрагментов, в которых раскрывается гимнастическая (спортивная) деятельность того времени не только в России, но и в других странах. Если сравнивать информационный массив двух городов, то наблюдается преобладание «спортивных» фрагментов в изданиях Санкт-Петербурга. Они отличаются разнообразием по подаче информации. Московские газеты и журналы в этом вопросе были более консервативны. Исключение составляют журналы «Вестник Европы» (1802–1830) и «Московский телеграф» (1825–1834), в которых

¹ Кавказские воды // Отечественные записки. 1825. Т. 23. С. 252–253.

за годы их выпуска в разных публикациях постоянно печатались «спортивные» фрагменты.

Одной из изучаемых проблем становится и вопрос о выявлении «спортивных» эпизодов в российской провинциальной прессе. Основными функциями местной журналистики было раскрытие политических, экономических, социальных, культурных, духовных, научных вопросов общественной жизни в отдельно взятом регионе Российской империи. Становление региональной прессы заняло более 80 лет начиная от выхода первого издания в г. Риге (1761) и заканчивая массовым выпуском сразу в нескольких крупных городах губернских ведомостей (1838). В период с 1800-х до середины 1830-х гг. в разных городах России вышло более 20 изданий: журнал «Урания» (Калуга, 1804); журнала «Ежемесячное сочинение» (Ярославль, 1807); газета «Зритель» (Рига, 1807), газета «Казанские известия» (Казань, 1811); газета «Харьковский еженедельник» (Харьков, 1812); газета «Восточные известия» (Астрахань, 1813); сборник «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности» (Казань, 1815); «Азиатский музыкальный журнал» (Астрахань, 1816); «Друг россиян и их единомышленников обоего пола, или Орловский российский журнал» (Орел, 1816); газета «Российское еженедельное издание в Риге» (Рига, 1816); журнал «Украинский вестник» (Харьков, 1816); журнал «Харьковский Демокрит» (Харьков, 1816); журнал «Труды Общества наук» (Харьков, 1817); журнал «Украинский домовод» (Харьков, 1817); газета «*Messenger de la Russie Meridionale, ou Feuill commerciale*» – «Вестник Южной России» на франц. яз. (Одесса, 1820); журнал «Казанский вестник» (Казань, 1821); журнал «*Troubadour d'Odessa*» на франц. яз. (Одесса, 1822); журнал «Одесса» (1823); «Украинский журнал» (Харьков, 1824); газета «Одесский вестник» (Одесса, 1827); «Енисейский альманах» (1828); газета «Тифлиские ведомости» (1828); «Ярославские губернские ведомости» (1831); журнал «Радуга» (Ревель, 1832); журнал «Заволжский муравей» (Казань, 1832); «Литовский вестник» (1834) и др.¹

¹ Перечень составлен автором данной монографии на основании различных источников XIX – начала XX в.

Их содержание было разноплановым, но в целом оно повторяло структуру московских и Санкт-Петербургских газет и журналов, выходивших в то время. Основными публикациями местных изданий XIX в. были: официальные документы местных и центральных властей; информация о текущих делах; материалы на тему истории, географии, войн, краеведения, этнографии, науки, образования, просвещения, искусства и др.; различная статистика (цены на продовольствие, миграция дворянского населения (сколько въехало, сколько выехало из губернского города); количество населения и т.д.); объявления; смесь (короткие местные новости); литературные произведения в прозе и стихах (особенно в журналах) и другая информация. Исходя из общих положений, можно отметить, что провинциальные газеты и журналы давали возможность читателям не только узнавать о тех или иных явлениях местной жизни, но и быть в курсе событий, происходящих в Санкт-Петербурге и Москве, а также за рубежом. Часть первых провинциальных изданий в России выпускалась как на русском, так и на других языках (это были национальные языки народов, проживающих на территории государства и ряда европейских (немецкий, английский, французский)).

При мониторинге региональных изданий можно отметить, что здесь выявляются такие же тематические блоки фрагментов о спорте, как и в столичной печати: рассмотрение гимнастической деятельности с теоретических (философских) позиций; досуговые занятия и народные спортивные забавы (во время праздников) и сведения о подвижных и настольных играх.

Одним из первых провинциальных изданий, напечатавших научные размышления о пользе физических занятий, стал «Украинский вестник», выходивший в Харькове в 1816–1819 гг. В статье «О причинах развития умственных и нравственных способностей» говорилось о том, что *«воспитание есть способ развивать и укреплять слабые силы от природы человеку дарованные, усовершенствовать и приспособлять оные к известной и благородной цели, т.е. обогащать разум полезными и приятными познаниями, впечатлевать в сердце любовь к добродетельности посредством наставлений и примеров, поддерживать тело в естественном состоянии здоровья, крепости и бодрости. Различные*

*средства и упражнения, сообразные с целью истинного воспитания, подробно излагаются в науках Гимнастике и Диететике*¹.

Эпизоды о будничных развлечениях во время занятий настольными играми (в большинстве случаев коммерческими – картами, бильярдом) чаще всего встречаются в очерках, письмах об общественной жизни того или иного города. Например, увлечения жителей г. Одессы были представлены в письме неизвестного автора другу об Одессе, опубликованном в разделе «Смесь», в котором при описании досуговой жизни одесситов говорилось о том, что они «забавляются игрою: в шашки, кости, карты, бильярд и пр., всякий по своему вкусу»². Или во фрагменте очерка К.П. Зеленецкого «Жизнь в Одессе», повествующем о развлечении одесситов в казино Каруты: «*Теперь лучшее в этом роде заведение, есть коммерческое казино Каруты. Оно имеет своих директоров от четырех многочисленнейших в городе наций, своих посетителей под трехсот; занимает несколько роскошно убранных комнат, играют в карты, на бильярде, пьют кофе, читают газеты и на досуге говорят о делах и не делах*»³.

Хотя временная разница между публикациями 22 года, но через них можно понять, что одесситов из всех существующих развлечений больше всего привлекали настольные игры.

К досуговым забавам в регионах России относилась в те времена и охота (звероловство). Эта тема часто звучала в местной прессе. В частности, это подтверждается эпизодом из публикации «Звериные промыслы»: «*Звероловство в Саратовской губернии составляет занятие почти исключительно так называемых охотников и редко вознаграждает труд и издержки, на добычу зверя употребляемые. Преимущественно же в этом упражняются дворяне, из коих некоторые держат для сего стаи собак*»⁴.

Фрагменты с описанием соревнований во время праздников занимают еще одну тематическую нишу в местной периодической печати

¹ О причинах развития умственных и нравственных способностей // Украинский вестник. 1817. Май. С. 275–276.

² Одесса (из писем к другу) // Украинский вестник. 1817. Июнь. С. 369.

³ Зеленецкий К.П. Жизнь в Одессе // Одесский альманах. 1839. С. 194.

⁴ Звериные промыслы // Саратовские губернские ведомости. 1843. № 43. 14 авг.

в первой половине XIX в. В частности, подробную информацию о состязаниях во время национальных праздников можно найти в губернском издании «Казанские известия». Так, в очерке «Сабан» немецкого профессора Карла Фукса раскрываются различные виды соревнований, проводимые в праздник Сабантуй (Сабан): *«Сабан начинается с пятницы и продолжается целую неделю до следующей пятницы. Все татары, старые и малые, собираются около полудня и делают из веревки круг, около коего сидят или стоят зрители. На средину круга выступают два борца из молодых и здоровых татар, которые кушаками своими таким образом обвязываются, что оба охватывают их руками и, наклонившись, повертывают друг друга то в ту, то в другую сторону, стараясь один другого повалить на землю. Борьба эта продолжалась иногда довольно долго, иногда скоро оканчивается, смотря по силе борцов. Если кто кого поборет, то поднимается громкий смех зрителей, а торжествующий победитель, оставляя место сражения, получает подарок или вместо его деньги от десяти до двадцати копеек»*¹.

*«Кроме сей борьбы бывает еще беганье на лошадях и без оных. В награждение победителю дается носовой платок, который вешается на длинную палку выставляемую при конце бега. Беговые их лошади малы, невидны и худощавы, одна – кожа. Бегают хорошо, и седоки, каковыми обыкновенно бывают мальчики, умеют хорошо оными управлять»*².

В этом же тексте встречается еще несколько эпизодов о народных развлечениях. Примечательным является то, что общий объем «спортивных» фрагментов в этой публикации занимает больше 2/3. Такой подход очень редок для прессы того времени (не только провинциальной, но и столичной). Обычно крупные «спортивные» фрагменты в местных изданиях имеют объем 0,5 страниц и более.

Примером эпизода в полстраницы служит описание взятия снежного города во время Масленицы в материале «Масленица в Казани и в Боткинском заводе»: *«За неделю до масленицы ребята строят го-*

¹ Сабан // Казанские известия. 1814. № 23. 6 июня. С. 324.

² Там же. С. 325.

род из снега. Городам этим дают всевозможные фигуры: делают и круглыми и четырехугольными для удобнейшей защиты. На вершине столба ставится длинный шест с бумажным флагом. После этого выбирают городничего, который должен защищать город от нападений масленицы. Масленицей называются ряженные-мастеровые, которые из своей среды выбирают генерала и адъютантов. В последний день масленицы, в воскресенье, берут город: городничий вооружен прутом, великом и табаком и старается не подпустить к городу. Город считается побежденным, когда знамя захвачено и городничий связан»¹.

Образец страничного фрагмента – отрывок из путевых записок Сабанщикова о конском ристалище, проводимом на празднике Байран: *«Подобно древним народам, любившим турниры и другие игры, составляется у киргизов конское ристалище или скачка, свойственная всем кочующим наездникам. Для сего назначается расстояние от 15-ти до 20-ти и даже 60-ти верст. Сам Хан определяет призы или награды первому, достигнувшему прежде назначений цели. Награда состоит в отличнейших верблюдах, лошадях и тому подобное. Участвующие в скачке, и большей частью малолетние, не старше 12 и 14 лет, вероятно для легкости, ожидают условного знака, по коему пускаются скакать все вдруг и в одно мгновение. Хан остается на месте и ожидает их возвращения. На другой стороне ристалища, или цели находятся султаны или старейшины для наблюдения точности. Первый возвратившийся получает награду от самого Султана, в замене коей, по обыкновению, уступает ему свою лошадь, как отличнейшую и одержавшую первенство и победу; Султан же имеет право подарить оную лошадь тому, кого более любит, или уважает»².*

Обобщая анализ публикаций российской прессы в рамках фрагментного способа раскрытия спортивной информации, можно отметить, что при его полноценном использовании журналисты XIX в. не только обратили внимание на саму гимнастическую тему, но и сдела-

¹ Бл-в М. Масленица в Казани и в Боткинском заводе // Вятские Губернские Ведомости. 1846. № 52.

² Сабанщиков. Рынь пески // Заволжский муравей. 1832. № 12 (июнь). С. 673–674.

ли первые шаги в ее раскрытии, которые выражались через полное или частичное описание конкретного спортивного события внутри иной темы. И каждый фрагмент имел свой смысл. Малые фрагменты (несколько строчек) давали возможность обратить внимание на существование избранного объекта (в нашем случае спорта и всего, что с ним связано). Крупные эпизоды (появившиеся в публикациях уже с начала 1800-х гг.), изначально выступая в роли подтекста, нередко переходили его грань и выдвигали спортивную тематику на первый план, несмотря на то что у автора журналистского материала при создании журналистского произведения были совершенно другие цели и задачи, что прослеживается по заголовкам и вступительной (реже заключительной) части.

Эксплицитная (фоновая) информация – это еще один вид раскрытия спортивной тематики в периодических изданиях XIX в. В теории лингвистики под этим видом понимается «вербальное содержание текста, которое всецело зависит от набора языковых средств. Оно всегда носит обобщенный характер, описывает типовую ситуацию»¹. По мнению О.А. Безнаевой, «эксплицитная информация осознается как та мысль, ради выражения которой было употреблено данное высказывание»². В этом случае спорт (точнее, представляющая его сущность деятельность) не является основной темой в тексте, но его упоминание оказывается важной составляющей в раскрытии смысла сообщения. Такая информация в публикациях рассматриваемого периода встречается не очень часто, но ее анализ важен для нашего исследования. Чтобы в полной мере понять ее смысл, проанализируем несколько мини-текстов (фрагментов) из журналистских публикаций.

Первым примером, когда спортивное событие представлено в публикации как второстепенное, но имеющее ключевое значение, можно считать объявления. В частности сообщение об отмене спектакля в Петровском театре в связи с полетом Кашинского на воздушном шаре

¹ Комиссаров В.Н. Смысловая стратификация текста как переводческая проблема // Текст и перевод. М., 1988. С. 12.

² Безнаева О.А. Когнитивно-прагматические особенности представления информации в деловом дискурсе: на материале англоязычной деловой корреспонденции. Архангельск, 2009. С. 120.

в Москве 30 сентября 1805 г.: *«По причине воздушного путешествия 4-на Кашинского, предпринимаемого им уже в другой раз, спектакль в воскресенье отменяется, а представление будет в среду, октября 4 дня, комедия в 2-х действиях “Русский солдат”»*¹. В этом случае главным сообщением является отмена спектакля, а эксплицитной информацией (в нашем варианте – причина отмены) – воздушный полет И. Кашинского. Еще пример – извещения о благотворительности. Например, в журнале «Сын Отечества» было напечатано следующее сообщение: *«От Г. Трегубова из Одессы получено собранных за **бостон** восемь рублей (8 р.) в пользу бедных. Сии деньги отданы жене отставного чиновника 14 класса П. уехавшего в Каргополь и не подающего о себе ни какого известия. У ней пятеро малолетних детей, из коих один в корпусе. Она живет 4 Адм. Ч. 3 кв. под № 208»*². Подобные объявления о перечислении выигрышных денег от разных игр в пользу нуждающихся были характерны для начала XIX в. Они печатались как в столичной, так и провинциальной прессе. Тем не менее для нас интерес представляет то, что источником благородного поступка стали выигрыши в карточной игре.

Другим образцом раскрытия эксплицитной информации о спорте является прямая критика. Это могла быть рецензия на определенное периодическое издание с указанием, о чем лучше писать: *«Вместо того, чтоб говорить о поэзии, живописи и музыке, для чего нужно познание дела, не лучше ли б было “Северной пчеле” ограничиться известиями о балансерах, скакунах, скороходах, ученых собаках, и пр.?»*³. И, как видно из текста, предлагаемой тематикой для газеты «Северная пчела» (СПб.), издаваемой Ф.В. Булгариным, становится именно информация о «спортивных» представителях. Примечательно то, что это замечание принадлежит известному литературному критику В.Г. Белинскому, который с большой осторожностью относился к творчеству Булгарина. Однако благодаря своей проницательности

¹ Объявления // Московские ведомости. 1805. № 78. 30 сент.

² Благотворения // Сын Отечества. 1814. Ч. XX, № 14. С. 40.

³ Московский вестник. 1828. № 8. С. 404. Цит. по: В.Г. Белинский Полное собрание сочинений. 1845–1846. С. 626.

(а слова написаны в 1828 г.) он сумел спрогнозировать будущие интересы оппонента. В последующие годы Фаддей Венедиктович Булгарин сделал спортивную тему одной из основных в «Северной пчеле».

Ещё одним образцом раскрытия эксплицитной информации о спорте была рецензия на спектакль. В частности, в обзоре «Французский театр в Париже» критик обращает внимание на театральную шутку в двух действиях «Sport et Tourf» – «Спорт и Турф¹» (Отечественные записки. 1846. Т. 47). Эксплицитность здесь проявляется не в определенном фрагменте, а сразу во всем тексте, и притом в нескольких видах. Во-первых, она отражена в заголовке самой пьесы, где введено слово «sport»; во-вторых – в раскрытии действия, которое непосредственно раскрывает «смешные стороны мнимых спортсменов»; в-третьих – в критике, как и в самом спектакле, высмеивается отношения англичан к спорту.

Третьим примером являются более крупные эпизоды в публикациях. К примеру, это можно найти в критической статье «Еще замечания на статью о конских скачках в Лебедяни» (Московский телеграф. 1828. № 21). В данном материале представлена не только критика автора статьи в раскрытии тех или иных фактов, но и дана объемная оценка самих конских скачек, проводимых в Лебедяни.

Интересна в этом случае и полемика, развернувшаяся в «Земледельческом журнале» № 2 за 1834 г. между критиком, автором «Замечаний на статью Г. Бунина “О сорте и породе лошадей, потребных для России”» и ответом Г. Бунина. Здесь, помимо обмена мнениями по поводу публикации, в обоих медиатекстах дается оценка той или иной породы лошадей (Г. Бунин предлагает обратить внимание коннозаводчиков не на английские, а на арабские и датские породы), акцентируется внимание и на конских скачках на дальние расстояния, являющимися «как одно из вернейших средств»² выяснения главных достоинств лошади – ее силы и быстроты. Этот «продуктивный» диалог был замечен и другими литературными критиками, в частности

¹ Tourf фр. / совр. turf – дерн, трава, площадка (газон) для выездки лошадей.

² Замечания на статью Г. Бунина «О сорте и породе лошадей, потребных для России» // Земледельческий журнал. 1834. № 2.

известным литератором А.А. Краевским который, отметил, что *«пре-ния сии вообще довольно занимательны и заключают в себе с обеих сторон много справедливых мыслей»*¹. Причем это касалось не только самой полемики, но и предмета обсуждения – конских скачек.

Еще один пример характеризует гендерный подход к спортивным занятиям и оценку их значимости в жизни, также переданные через эксплицитную форму. Это прослеживается в критической статье Ю. Венелина «Украинские народные песни, изданные Михайлом Максимовичем». Автор помимо основной задачи – определения значимости песен в жизни простых людей, обращает внимание и на общее развитие мужчины и женщины и определяет социальную роль игр в детском возрасте. *«Все игры мальчика показывают в нем честолюбие. Он не может играть один, как девочка: ему нужны товарищи, ему нужно соперничать; побеждать в городки, в мечи, в бабки, в подстынках. Цель всех его игр есть или честь и слава или приобретение; а тайный их смысл есть хорошо вести свои дела»*². Здесь же был проведен анализ одной из игр: *«Провидение вставило в игру детскую, бросило мальчику в чашу его услаждений один из величайших житейских уроков, чувство товарищества, приятность общественного порядка, уважение к достоинству! Так, например, посмотрите на играющих в мяч, где противодействуют себе две партии, где участие целого товарищества зависит иногда от одного искусного брошения мячика: иногда увидите, что все дети закричат единодушно: более опытному, более опытному!»*³.

Необычной в этом плане является и вводная часть критической заметки к стихотворениям М. Хлоповой, представленная в журнале «Москвитянин». Здесь представлены досуговые интересы мужчин и женщин в 1850-е гг. и особый акцент делается на спортивных увлечениях мужчин, хотя в целом это была прелюдия к оценке женской поэзии, которая была в новинку в тот период: *«Наш век так всесторо-*

¹ Краевский А. Обозрение русских газет и журналов за первую половину 1834 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Т. 3. С. 517–518.

² Венелин Ю. Украинские народные песни, изданные Михайлом Максимовичем // Телескоп. 1834. Ч. XXII. С. 508.

³ Там же.

нен, так умен, что даже заботится о тех людях, которые сами не хотят заботиться о себе. Вы решились ничего не делать, или вам предписано разъяснение, развлечение – для вас готовы клубы, преферанс, гимнастика, разного рода спорт, если вы мужчина; – шляпки, ленты, польки, редовы, готовые вязанья и вышиванья, если вы женщина. Что же бы, кажется, еще? И все это нынче так дешево, так удобно, так приспособлено ко всякому вкусу, ко всякому карману. Так нет же вот. Есть люди вечно недовольные всем, есть дамы, например, которые не удовлетворяются танцами и «работами»: им этого мало. И давай от нечего делать, писать стихи»¹.

В эксплицитную информацию в различных медиатекстах могут входить и курьезные сведения. В частности, в экономическом обзоре «О последнем необыкновенном переломе в английской торговле и промышленности», упоминается факт о распоряжении господина Гускиссона (голландского торговца) наполнить магазин в Рио-де-Жанейро коньками. Российский журналист с сарказмом отмечает, что торговец явно забыл, «что Бразилия находится под экватором: бразильцы с трудом могли растолковать, на что пригодна эта непонятная для них машина»². Далее автор пишет: «Если нужно что-нибудь знать негоциантам, то конечно всего нужнее им знание многочисленных произведений разных стран света и того, куда именно идут какие товары. Когда корабли отправляют люди, подобные негоцианту, который хотел заставить бразильцев кататься на коньках, должно удивляться, не тому, что сии люди иногда ошибаются, но тому, почему не всегда ошибаются они»³.

Такой вид информации можно обнаружить при раскрытии в прессе обыденных сведений, в частности в небольшой заметке в «Северной пчеле» о праздновании в Санкт-Петербурге Английским собранием пятьдесят шестого года своего существования. Помимо исторических фактов и рассказа о самом торжестве в тексте было упомянуто о те-

¹ Poesies de Marie Xloroff. Moscou. 1850 (Стихотворения Марии Хлоповой. Москва. 1850) // Москвитянин. 1850. Т. 3. С. 140–141.

² О последнем необыкновенном переломе в английской торговле и промышленности // Московский телеграф. 1827. Т. 18. С. 99.

³ Там же.

кущих делах данного общества, среди которых выделялся досуг его членов: «*Коммерческие игры, бильярд, летом кегли в небольшом теннисном саду, чтение множества газет и журналов, приятная, непринужденная беседа за хорошим столом – доставляют в этом собрании многим почтенным особам необходимое отдохновение и развлечение после занятий по должности*»¹.

Подобное проявление спортивной информации как эксплицитной можно найти и в распоряжении об открытии кафе-ресторанов в Санкт-Петербурге, вышедшем в апреле 1841 г., в котором было упомянуто о том, что в таких заведениях позволено играть в некоторые настольные игры: «*Кроме того дозволено в С.-Петербурге открыть всем тем, которые изъявят желание, заведение под названием кафе-ресторант, на следующем основании: Торговлю в кафе-ресторант производить следующими предметами: 1) всякого рода прохладительное, а также чай, кофе, шоколад, глинтвейн, сабаион и т.п.; 2) конфекты и разное пирожное; 3) бульон, бифштекс и другие припасы, потребные для легких закусок; 4) разные ликеры, наливки, вина Российские и иностранные лучших доброт, портер иностранный и пиво Русское, лучших доброт табак и сигары; 5) дозволяется иметь в заведении: а) все выходящие в свет как Русские, так и иностранные газеты, правительством дозволенные, и б) **бильярд, кегли, домино и шахматы***» (Распоряжение от 11 апреля 1841 г.)². И, соответственно, в этот же месяц выходит объявление об «*устройстве нового учреждения в Петербурге – кафе-ресторан Доминика Рица Апорта*»³. *Работает до 11 вечера. **Имеются бильярд, кегли, домино, шахматы***»⁴.

Тем не менее при всей значимости самого распоряжения об открытии «нового» вида трактирных заведений в данном случае через текст выделен еще один смысл – переход ряда настольных игр с «домашнего», закрытого, клубного уровня к открытому, позволяющему многим

¹ Внутренние известия // Северная пчела. 1825. № 30. 10 марта.

² Свод постановлений о трактирных заведениях. 1857. Т. 12, ч. 2. С. 157.

³ Само заведение существовало и ранее, но было переоборудовано под кафе-ресторан.

⁴ Цит. по: Забозлаева Т.Б. Шампанское в русской культуре XVIII–XX вв. СПб., 2007. С. 365.

представителям общества провести свой досуг «с пользой и в забавах», на что обратили внимание часть периодических изданий, таких как «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела», «Отечественные записки» и др.

В 1830-е гг. информацию о спортивных видах некоторые авторы стали использовать уже как иносказательную (когда спортивная терминология применяется как метафора). И этот подвид также относится к эксплицитной информации. В нем та или иная жизненная ситуация сопоставляется с игровой (спортивной). К примеру, в публикации «Прогулка за Балканом» жестокая битва между казаками и турками автором сравнивается с легкой, веселой игрой в бар¹ (барры): *«Это живописная игра в бар, увеселяющая, воспламеняющая мальчика. Тут взрослые люди веселятся, играют, резвятся, пятнают друг друга пулей, острием сабли, тяжкими ранами, пленом или смертью. Удачный удар, ловкая увертка получают одобрение с обеих сторон; эта игра (не говоря о необходимых трагических случаях) радует и зрителей и участников, кои, подобно фигляру-индийцу, мечут около себя непрерывный круг острых кинжалов»*².

Обычно такой прием использовался и в критических публикациях. Он мог быть передан через одно «спортивное» слово: *«Мы играем в словесность, как в кегли»*³. Эта фраза принадлежит известному издателю XIX в. Н.И. Гречу и была упомянута в письме Я.Н. Толстому, опубликованном в журнале «Библиотека для чтения» за 1834 г. Другим примером может быть сравнение, предложенное В.С. Межевичем в критической статье «Теория и практика словесности»: *«Мысли, чувства, здравого смысла! Но чтоб эта мысль, это чувство были выражены языком ясным, правильным, чтобы писатель не становился на ходули, не подбирал слова, не растягивал мысли для полноты периода, а говорил бы естественным образом!..»*⁴.

¹ В те годы популярная в светском обществе французская игра, похожая на русские салочки.

² Прогулка за Балканом // Современник. 1836. № 4. С. 270.

³ Письмо в Париж Я.Н. Толстому // Библиотека для чтения. 1834. № 1. С. 162.

⁴ Межевич В. Теория и практика словесности. Статья первая. Взгляд на теорию словесности // Телескоп. 1836. Ч. XXXII, № 7. С. 309.

Кроме отдельных слов, нередко та или иная жизненная ситуация рассматривалась через сравнение со спортивной игрой. «Игровое начало» стало весомым аргументом в споре двух литераторов: *«В заключение имею честь доложить вам, что вашими выходами против меня вы кладете желтый шар в лузу (см. правила бильярдной игры) и доставляете мне случай выиграть партию, за что премного остаюсь вам благодарен»*¹. Причем этот прием применил Ф. Булгарин, известный приверженец спортивных развлечений.

В этом случае журналистами не была обойдена вниманием и сама критика. Редактор журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковский в одном из номеров за 1834 г. сравнил ее с шахматной игрой: *«История или историческая критика суть, так сказать, умственные шахматы, искусная игра в факты, в которой проигрывающие, то есть читатели, за всякий сделанный им ловкой диалектикой шах и мат должны платить наличным доверием»*².

Иносказательная форма представления «спортивной» ситуации используется не только в литературных, но и других публикациях. Например, в медиатекстах, посвященных юридической тематике. В частности, в статье «Взгляд на древнее и новое французское законодательство», вышедшей в журнале «Московский телеграф» в 1828 г., проигрыш законником судебного дела рассматривался следующим образом: *«При проигрыше дела законник бывает столько же виноват, как жокей, не выигравший скакового приза: и тот и другой не могут угадать, чем закончится борьба, и не должны отвечать, если искусство и ловкость их не награждены полным успехом»*³.

Таким образом, прослеживается следующая тенденция: *эксплицитная (фоновая) информация*, раскрывая сведения о спорте, выполняет такие же функции, что и фрагментарная, являясь ее частью. Однако чаще всего автор отводит ей в тексте не основную роль, а лишь

¹ Исторические пояснения на замечания Н.А. Полевого о сочинении Ф. Булгарина: Россия // Библиотека для чтения. 1838. Т. XXVIII. Приложение.

² Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. 1834. № 1. С. 75.

³ Взгляд на древнее и новое французское законодательство // Московский телеграф. 1828. Ч. 24. С. 266.

сопутствующую, когда проявляется уход от основной темы в представленном журналистском произведении.

В целом можно сделать вывод о том, что фрагменты стали проводниками при переходе спортивной информации в специализированный минитекст. Во многом это произошло за счет свойств, которыми они обладают. Любой фрагмент (даже представленный в малой форме, на уровне выражения) выступает как часть журналистского произведения, но имеющая свой глубокий смысл, так как автор изначально включает его не случайно. В нем обычно затрагиваются те темы, которые интересны журналисту, хотя сам текст преследует совершенно иные цели.

Целостность передачи события особенно прослеживается в крупных фрагментах, в которых описываемый(-е) эпизод(-ы) события, имеет начало, основную часть и концовку. Такой эпизод выделяется из текста и дает возможность обратить внимание на затронутую тему не только автору, но и читателям. А далее, в зависимости от ее восприятия, проявленного аудиторией интереса, эта тема может получить продолжение в виде отдельных публикаций, что и произошло со спортивной тематикой на рубеже XVIII–XIX вв. Тем не менее этот способ передачи спортивной информации не отвергается окончательно темой, а дает ей расширяться за счет ввода новых подтем. Именно во фрагментах тех или иных медиатекстов (общего характера или специализированного) появляются первые сведения о новых проявлениях в спортивной деятельности. Это можно проследить и по публикациям в современной печати.

2.2. Роль малых жанровых форм в формировании спортивного информационного контента в российских изданиях

Функциональность любых текстов (включая спортивные) в журналистике во многом зависит от того, в каких жанрах они представлены. Обращая внимание на общую значимость этой категории, можно согласиться с мнением профессора В.А. Тырыгиной, которая пишет: «Жанр выступает как глобальная текстовая стратегия, управляющая всеми аспектами текстообразовательного процесса, включая аспекты

номинации, предикации и тематизации, совокупным действием которых формируется диктема – элементарная топикальная единица текста»¹. Определяя роль жанра в формировании тематики, этот же автор указывает на то, что «способ тематизации, определенным образом структурированного состава и конфигурации образующих тему континуальностей, сквозных линий, представляющих участников, действие, место, время, возможный мир и т.д., мотивируется избранным или заданным субъекту текстообразования жанром, предписывающим освещать событие под тем или иным углом зрения»².

В журналистике начала XIX в. жанровая система была развита слабо. Однако те или иные ее формы уже существовали. И в первую очередь это были так называемые малые жанровые формы:

1. Информационные сообщения без заголовков, входящие в состав различных рубрик, обычно в черед других новостей или отдельными блоками. Делятся на:

- а) «спортивную» информацию о событиях в России;
- б) сообщения в прессе об интересе к спорту за рубежом.

2. Различные объявления о показательных выступлениях, проведении соревнований, открытии школ обучения тому или иному виду спорта, индивидуальном обучении и др.

3. Игровые задания.

Каждая из выделенных форм, несмотря на краткость информации, позволила раскрыть тенденции развития спортивной деятельности в России в различных ее проявлениях.

Особая роль в этом вопросе была отведена *информационным сообщениям*, не имеющим собственного заголовка. Обычно они были представлены в различных газетах и журналах в рубриках «Смесь», «Известия», «Обзорные происшествия», «Московские записки» и др. В них говорилось о прошедшем событии, давалось его краткое или полное описание, по возможности назывались организаторы или участники. По объему они могли быть разные: состоять из коротких

¹ Тырыгина В.А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе. М., 2007. С. 9.

² Там же. С. 10.

известий (из 3–6 предложений) или быть напечатанными в виде полноценной заметки на несколько журнальных страниц. Стиль подачи информации чаще всего был повествовательный, ближе к литературному.

Кроме того, для нас является важным выделение в медиамассиве печатных изданий российских и зарубежных известий о спорте. Каждое издание выбирало свой подход в предоставлении информации: одни газеты и журналы их «смешивали» – печатали в одной колонке без разделения отечественные и иностранные новости; другие старались расположить их отдельно, причем в разных номерах: в одном номере были представлены российские сообщения; в следующем – зарубежные. Некоторые журналы могли использовать в течение года сразу все три подхода. В частности, это наблюдается в журнале «Вестник Европы» (1802–1830). Спортивные сообщения редакторы обычно не выделяли и печатали вперемешку с другими известиями.

В первые двадцать лет XIX в. в новостных сообщениях преобладала зарубежная информация о спорте¹. Обычно это была перепечатка сведений из европейских изданий, особенно из английских. Российских новостей о спортивных событиях в этот период в прессе было очень мало, не более 3–4 за год. В основном они касались информации о показательных выступлениях иностранцев в России, в первую очередь, проводимых в Москве и Санкт-Петербурге. Основу сообщений составляла информация о выступлениях зарубежных гимнастов, акробатов, воздухоплателей и т.д. Тем не менее российские журналисты, комментируя ту или иную демонстрацию технических и физических возможностей зарубежных представителей в столичных городах, не забывали про успехи в этих делах соотечественников. В малых текстах о спорте наблюдается разноплановый подход в представлении информации.

В начале XIX в. в газетах известия о спортивных увлечениях были очень кратки: *«Из Москвы, от 25 ноября. У нас начались уже зимние веселости. До обеда катания на санях, а там обед, на бал, на ужин, которые по известным дням расположены во многих и в лучших домах почти всю неделю»*².

¹ Закономерности ее раскрытия будут рассмотрены далее.

² Известия внутренние // Северная почта. 1809. № 10, от 4 дек.

Однако уже в 1820-е гг. объем некоторых сообщений значительно увеличился, переходя от новости к заметке, но по-прежнему не имевшей собственного заголовка. В частности, в газете «Северная пчела» встречаем следующий текст: *«Замечательно, что искусство скороходов, давно уже почти забытое, начинает вновь нравиться лучшей публике многих европейских городов. Газеты польские упоминают об одном прибывшем из Германии в Варшаву скороходе Гериге, который многократно показывал свое искусство, пробежал в полтора часа по 158 верст и более. При всяком его опыте, стечение публики было многочисленное: верховые провожали его по обеим сторонам дороги; пешеходцами наполнились все окрестности города, по избранному Геригом тракту. Один простолюдин, проворный краковяк, позавидовал славе – а наиболее деньгам, приобретенными появившимся в Варшаве шукарем, вызвал его через газеты в ратоборство, предложил состязаться не иначе, как порядочно пообедав с ним на месте. Последствия сего вызова неизвестны»*¹.

В журналах изначально новости были подробнее. Одним из методов увеличения объёма текста о спорте в таком виде издания был уход в исторический экскурс. В частности, в 1803 г. в журнале «Вестник Европы» было напечатано следующее сообщение: *«Недавно видела Москва Гарнерена на воздухе, и народ удивлялся чуду; но о таких чудесах давно уже имели в России понятие: в доказательство чего выписываем следующее известие из Дневных записок Желабужского: “1695 года, апреля 30 дня, закричал мужик караул, и сказал за собой государево слово, и приведен в Стрелецкий приказ, и расспрашиван; а в расспросе сказал, что сделав крылья станет летать как журавль, и по указу великих государей сделал себе крылья слюдовенные, а стали те крылья в 18 рублей из государевой казны.*

И боярин князь Иван Борисович Троекуров с товарищи и с иными прочими вышел, стал смотреть; и тот мужик, те крылья устроив, по своей обыкности перекрестился, и стал мехи надымать, и хотел лететь, да не поднялся, и сказал, что он те крылья сделал тяжелы; и боярин на него кручинился; и тот мужик бил челом, чтоб ему сделать другие крылья иршенные (кожженные); и на тех полетел; а другие крылья ста-

¹ Смесь // Северная пчела. 1825. № 131. 31 окт.

ли в пять рублей. И за то ему учинено наказание: бить батоги; и те деньги велено доправить на нем, и продать животы его и статки”»¹.

В представлении сведений о спортивно-игровых зрелищах часто использовался и литературный подход: авторы нередко увлекались «красочным» рассказом о событии. Например, в первом из нескольких сообщений «Московских записок» повествование о проведении конской карусели (каруселя²) было следующее: *«В последней половине минувшего июня в Москве, у Калужской заставы, посреди нарочно устроенного обширного амфитеатра, два раза дано было прекрасное и великолепнейшее зрелище каруселя. По Высочайшему дозволению... составилось здесь благородное карусельное собрание под главным распоряжением его высокопревосходительства Степана Степановича Апраксина, который наименован главным учредителем всего каруселя. Стечение зрителей было чрезвычайное: в первый раз июня 20-го, для входа в ложи и амфитеатр розданы были зрителям билеты; а 25-го числа, для дня рождения Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Павловича, дан был подобно первому карусель в пользу бедных.*

Благородные рыцари показывали искусство свое в верховой езде, меткость рук и умение управлять оружием. Богатый убор церемониймейстеров и кавалеров, устройство кадрилией, порядок шествия, самые игры, восхитительные звуки четырех хоров военной музыки – все это выше всякого описания, все достойно обширности, многолюдства и пышности древней Столицы величайшей в свете Империи»³.

Чтобы придать красочность событию, автор публикации сделал акцент на эпитетах *великолепнейшее зрелище, благородные рыцари, восхитительные звуки* и т.д. Тем самым была выражена экспрессивно-эмоциональная восторженность по поводу увиденного состязания. Такой прием был традиционен для медиатекстов того времени.

В последующие годы художественность в раскрытии спортивной информации уходит на второй план. Стиль сообщений становится более сухим, отрывистым. В частности, в «Вестнике Европы» от

¹ Смесь // Вестник Европы. 1803. № 20. С. 290.

² В начале XIX в. это слово употреблялось в мужском роде.

³ Московские записки // Вестник Европы. 1811. № 13. С. 62–63.

1824 г. в рубрике «Краткие выписки, известия и замечания» была напечатана следующая заметка: *«В Санкт-Петербурге недавно, в одно почти время вышли в свет две учебные книги, на русском языке и французском: это наука играть в шахматы. Сия умная и глубоко-мысленная игра изобретена была в Индии, оттуда распространилась по всем землям, восточным и западным. Китайцы называют ее слонном. Утверждают, будто бы греческий полководец Паламед, во время продолжительной Троянской осады, от скуки играл в шахматы с мудрым Улиссом»*¹. В небольшом сообщении автор умело соединил «современность» (выход двух книг о шахматах), исторический факт (об изобретении шахмат в Индии) и исторический анекдот.

В 1820-е гг. число отечественных спортивных известий в прессе увеличилось. Это произошло благодаря активизации спортивной деятельности в России, в особенности постоянному проведению конских скачек в том или ином городе. Чтобы удовлетворить интересы читателей и привлечь их к прочтению материала, каждое издание находило свой вариант описания этих событий. Но были среди них и неудачные. К примеру, в сообщении санкт-петербургской газеты «Северная пчела» попытка показать одно из соревнований через описание героя-победителя была не совсем успешной: *«Последняя скачка на Волковом поле составляет ныне предмет разговоров в обществах. Многие утверждают, что искусство и необыкновенная ловкость жокея в красной ливрее, есть одна из главнейших причин в одержанной им двукратно победе. Мы того же мнения: искусство сего жокея превышает искусство его соперников в такой степени, что можно утвердительно сказать: если б он скакал и на других лошадях, бывших на скачке, то вероятно одержал бы верх. Недаром древние награждали венком на Олимпийских играх ездоков, а не коней? Лучшая лошадь теряет свое достоинство у неискусного ездока. И так вся слава скачки принадлежит жокею в красной ливрее!»*².

В этом случае автор, используя в тексте субъективно-модальные конструкции, сосредоточивает внимание не на самом действии, а только на

¹ Краткие выписки, известия и замечания // Вестник Европы. 1824. № 6. С. 161–162.

² Смесь // Северная пчела. 1825. № 74. 20 июня.

выступлении одного спортсмена – наездника в красной ливрее. Однако при всем восхищении жокеем журналист упускает другие важные детали: ранг самой скачки, количество участников и самое главное – имя героя.

Такой подход в подаче информации вполне объясним: первые отечественные соревнования (особенно конские скачки) воспринимались на эмоциях от увиденного, и поэтому на факты, помогающие выстроить событие от начала до конца, авторы порой не обращали внимания.

Таким образом, можно сказать о том, что российские «спортивные» новости, по сравнению с зарубежными, были написаны более просто, отдельный эпизод мог быть вырван из контекста, цельная картина события не была представлена. В таких текстах нередко отсутствовали и временные рамки. В некоторых публикациях даже не указывалось, когда (в какой день и час) произошло то или иное спортивное действие. Авторы ограничивались фразами «недавно», «на днях», «последние дни месяца» и пр. Хотя конкретное место проведения состязания, зрелища почти всегда называлось. Кроме того, журналисты «забывали» указывать результаты, имена победителей, а также участников соревнования (состязания). Впрочем, такое состояние дел в изучаемый период было вполне объяснимо: в начале XIX в. не было еще определенных канонов написания информационных текстов о спорте, не было традиции выстраивать их композиционно так, чтобы они привлекли аудиторию. Обычно такие погрешности встречались в небольших сообщениях.

В крупных публикациях начала XIX в., относящихся к информационным жанрам (заметки, отчеты), журналисты уже научились выделять главных участников того или иного события. Идентификация спортсменов в материале была представлена через указание фамилии и имени, при необходимости – через упоминание статусного положения в обществе. Нередко в материалах упоминались и клички животных-победителей (особенно это касалось лошадей, выигравших скачки). В частности, в той же газете «Северная пчела» (1826. № 66. 3 июня) в рубрике «Внутренние известия», был опубликован подробный отчет о проведенной 28 апреля скачке в Новочеркасске, в которой были названы скакуны-победители и их владельцы.

При всей значимости российских известий на спортивную тему представляют интерес и зарубежные «спортивные» новости. Это внимание

обусловлено, прежде всего, тем, что такие сообщения печатались в отечественных изданиях гораздо чаще, чем российские. Кроме того, они более разнообразны по тематике, содержанию, а также жанровой реализации. Большинство новостей было перепечатано из европейской прессы. В основном это были тексты из английских изданий, реже – информация из газет и журналов Франции и Италии. Они представляли собой известия о технических, игровых, досуговых видах спорта. Чаще всего эти виды журналисты описывали как очередное увеселение (зрелище), истории заключения пари (закладов), экстраординарные случаи. Основанием для таких сообщений могли быть не только реальные факты, но и слухи, а также анекдотичные ситуации.

Характерными примерами кратких сообщений на тему спорта в столичной прессе первой половины XIX в. были следующие: *«Знаменитые конные балансеры, братья Франкони, перенесли со всем своим заведением в Реймс на время коронации. Представляемая ими на лошадах сцена под названием “Военный привал” (La halte militaire), сочинена г. Сент Гилером (St. Hilaire). Французский журналист замечает, что автор может возвратиться в Париж на одном из действующих лиц своей драмы»*¹.

*«Некто играл в бильярд с прекрасной дамой. “Как я несчастна!” – воскликнула дама. “Я не в состоянии попасть ни в одни шарик?” “Не удивительно” – отвечал мужчина: “шары не сердца”»*².

*«Один парижский журналист рассказывает со всем простосердечием, что во время народных увеселений, бывших по случаю празднества коронации, воздушный шар, спущенный у заставы трона (la barrière du Trône), встретился в воздухе с другим шаром, спущенным на Елисейских полях; из чего должно заключить, что ветер дул тогда вместе и с востока, и с запада. Добрый издатель добавляет, что оба сии воздушные тела, казалось, питали друг к другу братское влечение и были как бы символом чувствований, одушевлявших зрителей в обоих помянутых местах»*³.

¹ Смесь // Северная пчела. 1825. № 69. 9 июня.

² Там же. № 75. 23 июня.

³ Там же. № 82. 9 июля.

Помимо различных случаев в качестве основы спортивных сообщений могла быть историческая и «полезная» информация. К примеру, историческая справка и инструкция управления воздушными шарами были одновременно представлены в следующем медиатексте, опубликованном в журнале «Вестник Европы»: *«Англичанин Райт, в книге своей о нынешнем состоянии воздухоплавательного искусства, разделяет историю шаров аэростатических на два периода. Первый начинается от опыта, сделанного португальским монахом Гусманом, который тому уже около ста лет пустил на воздух бумажный шар, поднявшийся вверх на 200 футов; другой эпохой полагает учреждение в Медоне аэростатического училища, которое между прочим сделало шар, употребленный потом для наблюдений движения и расположения соединенной армии во время сражения при Флерю. Стараниям упомянутого училища мы одолжены составом непроницаемого лака, которым покрывается шар, наполняемый водородным газом. Но главнейшее усовершенствование всей машины, а именно возможность управлять ею, до сих пор остается неизвестным. Воздухоплаватель, гонимый ветром, сидя в своей лодочке, каждую минуту должен опасаться удара о деревья, дома и другие здания. Итак, нечему удивляться, что весьма немногие испытатели натуры имеют охоту предпринимать воздушные путешествия»*¹.

Новостью из-за рубежа могла выступить информация о применении технических новинок в том или ином виде спорта. В частности, заметка о создании искусственного льда и его использовании для катания на коньках в специальном зале: *«В Лондоне все высшее общество пользуется теперь редким удовольствием бегать на коньках по искусственному льду. Известно, что один спекулянт² устроил залу для этого зимнего упражнения. Декорация изображает зиму. Искусственный холод проведен в залу, а мнимый лед под ногами есть хими-*

¹ Смесь // Вестник Европы. 1805. № 24. С. 287.

² Согласно словарю В. Даля слово «спекулянт» или «спекулятор» обозначает следующее: «предприимчивый, оборотливый человек, в торговых, промышленных делах» (см.: Спекуляция // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 1882. Т. 4. С. 296). В этом случае слово использовано в прямом смысле.

ческая амальгама, чрезвычайно похожая на это вещество. Сотни посетителей постоянно приезжают туда кататься на коньках»¹.

Кроме того, в отдельных известиях различных российских изданий обращалось внимание и на выступления зарубежных спортсменов (воздухоплователей, пешеходов, скороходов, боксеров (бойцов кулачного боя), канатоходцев, наездников, гимнастов и др.):

«Неутомимый путешественник, англичанин Спиллард, теперь в Париже. Ему 70 лет от роду. Он исходил пешком более 200 тысяч верст в жизнь свою, был во всех европейских землях, в Аравии, в Египте, во внутренности Африки – в самых диких местах Америки, там, где не бывал еще никто из путешественников, и доходил до самой Новой Иберии»².

«Лорд Кинзингтон бился об заклад в 1000 гиней, что 8-го июня н. ст. он выедет верхом при восхождении солнца из Лондона, и, не переменяя лошади своей, приедет в Оксфорд еще до заката солнечного»³.

«Известный в Италии танцор на канате Казельто-Сирмино недавно распростился с публикою во Флоренции самым учтивым и оригинальным образом. Танцуя на канате, бросал он в зрительниц цветами и конфетами, и вдруг, приближаясь к окну балагана, прямо с каната прыгнул в почтовую коляску и уехал»⁴.

«Скороход Гериг. В числе скomoroxов, приезжающих в Россию собирать деньги с нашего любопытства, был и Гериг, славный скороход, но кажется ему здесь не посчастливилось, ибо после 5 или 6 представлений, он оставил столицу Севера и отправился, Бог знает куда, искать более счастья, т. е. более денег. Впрочем, поистине искусство его удивительно: мы сами были свидетели, как он пробежал 24 раза внутри манежа Инженерного замка (что составит 11 верст) в 41 минуту! Лет за 60, он мог бы сделать здесь себе fortuna, мог бы быть принят в придворные скороходы, кои всегда бегали пред каретою императрицы Елизаветы Петровны, даже до Царского Села, Петерго-

¹ Журнальная мозаика // Северная пчела. 1844. № 167. 25 июля.

² Смесь // Вестник Европы. 1802. № 17. С. 36.

³ Смесь // Северная пчела. 1825. № 61. 21 мая.

⁴ Там же. № 64. 28 мая.

фа и далее. Плата за вход была по 5 рублей с персоны. Встречая людей, употребивших всю свою жизнь на снискание пропитания и богатства средствами подобно Геригу, я невольно вспоминаю награду, полученную от Фридриха Великого искусником, попадавшим без промаха горошиною в скважину, в которую едва она проходила: Король прислал сему артисту, ожидавшему больших от него милостей – четверик гороху!»¹.

Именно опубликование иностранных спортивных сообщений в столичной прессе позволило создать предпосылки для появления рубрики о спорте. Первой попыткой можно считать размещение в 1815 г. в журнале «Сын Отечества» в рубрике «Смесь» подряд двух сообщений о спорте. Первое известие было о закладе английского ходока (в те времена «пешехода») Бакера, что он своим путешествием побьет рекорд предыдущего ходока Вильвона, прошедшего за 20 дней 1400 верст. В публикации говорилось, что до побития рекорда ему осталось три дня. Здесь же была приведена хроника его продвижения в течение одного дня и обращено внимание на помощь сопровождающей пешехода команды из числа «любопытных зрителей»: *«Один из них заказывает в пользу Бакера удобные башмаки, другой подкрепляет его силы мадерою, третий приказывает непрерывно чистить дорогу, и когда идет снег², посыпать ее золою и т.д.»³*. В другом сообщении говорилось о кулачном бое в «просвещенной Британии» между двумя бойцами Джонсоном и Ланкастером. В публикации четко называлась дата проведения боя – 3 ноября; было обозначено время поединка (он проходил час с четвертью); также было указано, что бойцы выходили 41 раз и *«перебились в кровь, и наконец, оставили поприще с распухшими головами, а секунданты свели их до карет и отправили в госпиталь»⁴*. Примечательны и эпитеты кулачного боя, которые были даны составителем раздела «Смесь». Если в начале текста он отмечает, что это *«кровопролитное зрелище»*, что вполне оправдывает дальнейшее представление события, то в конце вдруг

¹ Санкт-Петербургские современные летописи // Отечественные записки. 1826. № 73. С. 299.

² Действие происходит 4 ноября 1815 г.

³ Смесь // Сын Отечества. 1815. Ч. 26. С. 158.

⁴ Там же.

неожиданно возникают слова: «*Какое нежное занятие!*». Понятно, что они сказаны с сарказмом, однако эта необычная фраза как бы выпадает из контекста описания действительности.

В 1845 г. в санкт-петербургском издании «Иллюстрация» появляется первая официальная спортивная рубрика «Игры» (1845–1849), в которой была представлена подборка сообщений, касающихся настольных игр (шахматы, бильярд, карточные игры и др.), а также шахматные задачи. Но она просуществовала недолго, всего четыре года.

При всех положительных попытках объединения «спортивных» новостей в единое целое такие попытки в российских газетах и журналах больше не повторялись вплоть до 1870-х гг.

В провинциальной прессе в первой половине изучаемого столетия известия на спортивную тематику были единичны. Это объяснялось несколькими причинами: во-первых, малое количество или вообще отсутствие самих спортивных событий в российских городах (особенно в первые два десятилетия XIX в.); во-вторых, минимальное количество изданий, выпускаемых в регионах (их массовый выпуск начался в 1838 г., о чем упоминалось выше). Тем не менее, несмотря на эти неблагоприятные факторы, сообщения о спортивных мероприятиях появлялись на страницах различных изданий. В 1800–1810-х гг. местные журналисты в первую очередь обращали внимание на зрелищные представления, связанные с выступлением отдельных акробатических трупп; запуск в городах воздушных шаров и т.д. К примеру, в 1811 г. в «Казанских известиях» вышла заметка о неудачном полете г. Тушеля: *«Июля 6 дня г. Тушель на Арском поле близ моста, называемым Швейцария, пред здешней публикой показывал опыт воздухоплавания. Аэростат состоял из продолговатого шара в вышину 30, а в окружность 72 аршин. По полудни в 9 часов и 10 минут г. Тушель вошел в гондолу и при игрании музыки салютуя флагом, стал подниматься; но шар в расстоянии земли не более, как на аршин, двукратно опять с ним спускался. После чего воздушный плаватель, будучи осыпaeмый искрами из поставленной в отверстии шара, пылающей жаровни, поднялся в высоту не более 30 сажен, и отлетев сто сажен к восточной стороне, опустился на землю, и из гондолы без вреда выскочил. Тогда шар один уже под-*

нявшись до 150 сажень, плавал по воздуху с полчаса и упал от моста где стоял, в 400 саженьях»¹.

В конце 1820 – начале 1830-х гг. в региональных изданиях отмечается упоминание в новостях спортивных соревнований, в большинстве случаев это была информация о состоявшихся конских скачках.

Кроме того, здесь встречаются сообщения о технических новинках, применяемых за рубежом, непосредственно связанных со спортивной деятельностью. В частности, в «Прибавлениях к Вологодским губернским ведомостям» за 1838 г. было напечатано следующее известие: *«Ларижский механик Лариз, изобрел автомат, деревянную лошадь, которая теперь обращает на себя всеобщее внимание. Лариз, будучи основательным знатоком механики, сверх того отличный ездок и дает уроки верховой езды. Изобретенная им лошадь совершенно как живая подобно Вокансону, который изобрел знаменитую утку, не только евиую, но варивию в желудке пицу. Лариз успел изобрести эту лошадь, которая совершает все движения хорошего бегуна, и искусник обучает на ней своих учеников. Английские денди толпами стекаются смотреть это чудесное произведение искусства. Деревянная лошадь может становиться на дыбы, поворачиваться и делать что угодно»*².

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что информационные сообщения начала XIX в. внесли значительный вклад в популяризацию «спортивной» темы в отечественной печати. Именно с помощью их можно проследить, как развивались спортивные виды в первой трети XIX в., как формировалась спортивная тема в контексте информационной политики российской прессы.

Второй вид спортивных публикаций первой трети XIX в. – это текстовые **рекламные объявления**³. Спортивная реклама в отечественной печати тогда только зарождалась. Однако прежде чем рассматривать ее, обратим внимание на то, что в анализируемый период в прессе реклама была непременным элементом информационного массива. По содер-

¹ Из Казани // Казанские известия. 1811. № 13. 12 июля.

² Смесь // Прибавление к Вологодским губернским ведомостям. 1838. № 2. 8 янв. С. 15.

³ Графические объявления (рисунки) появились только в 1840-е гг.

жанию она представляла собой: сообщения разных ведомств; извещения о продаже (реже о покупке) недвижимости (домов, имений, земли); объявления о выезжающих, въезжающих; тексты о найме работников; информацию о культурной жизни (предстоящем показе спектаклей, проведении увеселительных представлений, о выходе новых книг, печатных изданий и т.д.); различные частные объявления (от утери документов до пропажи собаки) и т.д.

В рамках данного исследования в первую очередь нас интересуют три вида объявлений:

- сообщения о культурных мероприятиях, выпуске различных литературных и печатных изданий;
- анонсы намечающихся зрелищ (театральных или цирковых представлений; демонстрации различных технических новинок; выступлений отдельных личностей с показом тех или иных умений);
- извещения и частные сообщения об услугах.

Это были основные формы передачи информации посредством рекламы, раскрывающие суть гимнастической (спортивной) деятельности¹ в XIX в.

Ведущей информационной площадкой для публикации рекламных сообщений о спорте стали газеты (в журналах они были очень редки). Характерно, что объявления об услугах и извещения размещались в ряду других сообщений, без особых графических выделений (за исключением пробела между сообщениями или введения нумерации каждого объявления, как это наблюдается в «Московских ведомостях»). Информация о спортивных зрелищах размещалась отдельно и выделялась рамками или иными графическими элементами. Такое выделение объяснялось во многом тем, что она печаталась оперативно, обычно накануне или в день выступления отдельных спортсменов.

Главными источниками оповещения в начале XIX в. были афиши, которые располагались на специальных щитах (витринах). В частности, об этом упоминается в «Северной пчеле» в сообщении о выступлении немецкого скорохода (бегуна) Герига в Санкт-Петербурге в 1825 г.: *«Зрителей было немного, потому что Гериг, не зная обыкно-*

¹ В российской печати спортивная реклама появилась в конце XVIII в.

вений здешней столицы, не известил о своем намерении особыми афишами»¹.

По объему текста определяются две разновидности объявлений:

- краткое сообщение, в котором говорится, когда и где произойдет спортивное событие;

- объявление в виде заметки с подробным описанием подготовки к предстоящему спортивному явлению.

По содержанию объявлений условно можно выделить несколько тематических групп:

- объявления об отдельных спортивных видах (раскрываемых как показ зрелища);

- рекламные сообщения об обучении тому или иному виду спорта (индивидуальные уроки, занятия в специальных школах);

- извещения для членов спортивных сообществ;

- объявления о проведении спортивных состязаний;

- различные объявления о купле-продаже.

Первая тематическая группа – объявления, связанные с рекламой отдельных спортивных видов как зрелища, являлась весьма популярным типом рекламных сообщений, особенно в первой половине исследуемого периода (1800–1850). Такие объявления постоянно печатались в столичных газетах, особенно в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Московских ведомостях», позднее – в «Северной пчеле». Их основу составляла информация о: предстоящей демонстрации полетов на воздушном шаре; показе необычайных гимнастических трюков; постановочных фехтовальных турнирах; проведении конных ристалищ и др. Несмотря на общее предназначение – сообщить сведения о предстоящем событии – каждый такой текст имел свое функциональное значение. Обычно он выстраивался исходя из тех целей и задач, которые преследовал рекламодатель.

В качестве первого примера можно привести объявление в «Известиях к Санкт-Петербургским ведомостям» воздухоплателя Александра о предстоящем полете на воздушном шаре и проведении опы-

¹ Смесь // Северная пчела. 1825. № 134. 7 ноября.

та с парашютом в Санкт-Петербурге в сентябре 1804 г.: *«Александр, ученик г-на Гарнерена, честь имеет известить почтенную публику, что намерен между 15 и 20 числами сего сентября сделать опыт с парашютом на мызе генерала Бутурлина, что близ ворот Сарского села, если погода будет тиха и ветер не будет дуть к Ладожскому озеру»*¹. Оно очень краткое, но содержащее почти всю информацию о событии: кто будет совершать воздушный опыт и где он состоится. Отрицательным моментом здесь было отсутствие точной даты и времени, когда будет запущен шар и состоится прыжок. Во многом это объясняется тем, что воздухоплаватель ориентировался на погоду (а в сентябре в Санкт-Петербурге она обычно неустойчивая), что четко прослеживается в самой публикации.

Другое рекламное сообщение в «Московских ведомостях» за 16 сентября 1805 г. было напечатано почти в то же время, но факты в нем представлены более обстоятельно. В нем говорится о том, что военный врач, штабс-доктор Лефортовского госпиталя И.Г. Кашинский совершит полёт на аэростате над Москвой и проведет опыт с парашютом: *«Штаб-лекарь Кашинский, ободренный изъявлениями удовольствия почтеннейшей московской публики и удовлетворяя желанию многих знатных особ здешней столицы, имеет честь известить, что он предпринимает на своем гродетуровом великолепном аэростате воздушное путешествие в будущее воскресенье, сего сентября 24-го, в Нескучном саду, близ Калужской заставы. Поднявшись в 5 часов пополудни на весьма великую высоту на воздух, если только будет благоприятствовать погода, сделает опыт с парашютом и по отделении одного от шара поднимется еще гораздо выше для испытания атмосферы. Первый сей опыт русского воздухоплавателя многих стоит трудов и издержек, а потому льстит себя надеждою, что знатные и просвещенные патриоты, покровительствующие иностранцам в сем искусстве, благоволят предпочесть соотчича и ободрить его своим присутствием для поощрения к дальнейшим полезным предприятиям.*

¹ Объявления // Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1804. № 74. С. 2231.

Билеты можно получать на Сретенке в магазине грека Михаила Псалиды, на Никольской улице в кондитерской лавке у грека Ивана Фомика; в Кузовниковом доме у Ивана Васильева Вериги, и в Лафертове, в госпитале у самого г-на Кашинского. Цена билету в первые места или ложи по 5 р.; во вторые 2 рубля серебром, а в третьи, вне круга, по 1 рублю серебром с персоны. Для особ, желающих иметь особые покойные места, оставленные нарочно в загородке, где последует самое действие, цена полагается для целой фамилии с уступкою противу лож, о которых благоволят дать знать в Нескучный сад или к г-ну Кашинскому в Лафертов заблаговременно. В случае дурной погоды опыт будет отложен до следующего воскресенья, о чем почтенная публика извещена будет еще поутру контрафизшами.

Оный шар желающим особам будет показываться с 17-го числа сего сентября в большой зале Петровского театра ежедневно с 10 часов утра до 10 ч. вечера за 50 коп. серебр.; кто же возьмет билет для смотру в Нескучном, тот может видеть здесь безденежно»¹.

Первая часть текста больше напоминает заметку, чем объявление. При анализе этого объявления, следует отметить, что такая «избыточность» информации не отталкивает читателя, а наоборот – привлекает его внимание обстоятельностью изложения. В тексте просматривается и авторская оценка будущего события через явно выраженную журналистом патриотическую восторженность по поводу предстоящего полета соотечественника.

Такие объявления, особенно в столичных газетах, в начале XIX в. были нередки. Однако они лишь предвосхищали то или иное спортивное событие, но не гарантировали, что оно состоится. Особенно это касалось воздушных полетов, которые во многом зависели от погодных условий, реже – от интереса публики к событию. Так, в августе 1804 г. петербуржцы не заинтересовались полетом известного в то время французского воздухоплателя Андре Жака Гарнерена и билеты пришлось вернуть, о чем говорилось в объявлениях «Санкт-Петербургских ведомостей» (см. № 62–64).

¹ Московские ведомости. 1805. № 74. 16 сент. С. 2049.

Стоит отметить, что в прессе рекламировались выступления не только воздухоплатателей, но и других представителей «гимнастических упражнений». И нередко объявления были чрезвычайно актуальными, так как событие происходило в день опубликования. К примеру, в ноябре 1825 г. в газете «Северная пчела» было напечатано следующее сообщение: *«Славный пешеход (бегун) Гериг из Даршитадта прибыл сюда, в Санкт-Петербург, и намерен сего дня (в четверг 5-го ноября, в 12 часов утра) представить нашей публике опыт своего проворства в манеже Инженерного или Михайловского замка. Окружность сего манежа составляет 206 сажень; он намерен пробежать сие пространство 24 раза (около десяти верст) в 49 минут. За вход платить по 5 руб.»*¹. Или: *«Сего дня, декабря 6-го, начнутся, в цирке у Семеновского моста, представления акробата, пантомима и берейтора Батиста Фура»*².

Еще одним фактором, раскрывающим особенности этой тематической группы, является размещение в прессе рекламных объявлений о выступлениях женщин (в большинстве случаев зарубежных представительниц спорта). *«В воскресенье, 17 марта, в 4 ½ часа пополудни, девица Ланге будет бегать в Михайловском манеже. Она в 4-е минуты пробежит 10 верст. Цена мест 5 рублей, 3 рубля и один рубль»*³. По сравнению с «мужскими», сообщения о выступлениях спортсменок были единичны.

Вторая тематическая группа рекламных объявлений – сообщения об обучении определенному виду спорта. Это могли быть индивидуальные (частные) и коллективные уроки. Еще в конце XVIII в. в столичной прессе появляются объявления об обучении иностранными специалистами россиян различным фехтовальным и гимнастическим искусствам. К примеру, сообщение в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 1777 г.: *«Иосиф Дешамб, фламандский уроженец, бывший прежде сего в Парижской Королевской Академии форфехтером, а ныне находящийся в службе как при Шляхетном Инженерном кадетском корпусе,*

¹ Смесь // Северная Пчела. 1825. № 133. 5 нояб.

² Там же. 1828. № 146. 6 дек.

³ Зрелища // Северная пчела. 1829. № 33. 16 марта.

так и при новозаведенной при оном греческой гимназии по просьбе молодых благородных особ, состоящих из 25 чел., и с дозволения главной полиции завел здесь фехтовальное училище, в коем показаны будут основательные правила сей науки; желающее пользоваться учением оной благородное юношество приезжать имеет три раза в неделю, во вторник, четверг и субботу с 8 утра до обеда, а прочим молодым людям училище сие открыто также три раза в неделю»¹.

В последующие годы эта тенденция продолжалась. Этому способствовало открытие уже в 1810–1820 гг. гимнастических залов, фехтовальных школ, школ плавания, танцевальных классов², о чем делались извещения в изданиях. Например: *«С дозволения правительства открыт и учрежден танцевальный практический класс, Москов. части 4-го квартала в доме коллеж. секретаря Мачканина под № 482; о чем почтеннейшая публика сим извещается»³.*

В книге И.И. Пушкирева «Описание Санкт-Петербурга...» упоминается фехтовальная школа, учрежденная в 1818 г. Она «находилась в одном из павильонов Инженерного Замка; в этой Школе позволено было и частным лицам брать уроки в фехтовальном искусстве, под надзором фехтовального учителя майора Вальвиля (с марта 1839 г. Школа эта была закрыта)»⁴.

Для привлечения публики в таких школах не только проводились занятия, но и устраивались различные праздники. Типичным объявлением тех лет было: *«В понедельник 22 и во вторник 23 мая Рудольф Меке с компанией будет иметь честь представлять во вновь устроенном на Крестовском острове для гимнастических упражнений зданиИ Иосифа Габита разные штуки верховой езды, скачки, танцы по веревкам и прекрасный фейерверк. Начало будет в половине 7-го часа»⁵.*

В это же время некоторые мастера гимнастического искусства проводили открытые уроки, о чем также было извещено через газеты:

¹ Объявления // Санкт-Петербургские ведомости. 1777. № 84. 16 окт.

² Первая школа плавания открылась в Санкт-Петербурге в 1827 г., вторая – в 1834 г.

³ Второе прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1812. № 6. 19 янв.

⁴ Пушкирев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. 1839. Ч. 2. С. 138–139.

⁵ Объявления // Санкт-Петербургские ведомости. 1822. 17 мая.

«В воскресенье, 17 октября, фехтмейстер Гризье намерен дать первый ассо (фр. assault), к которому приглашает любителей фехтования. Мы читали во многих французских и других иностранных газетах единогласные похвалы его искусству. Месяца за два пред сим (как писали в «Северной Пчеле»), он заслужил одобрение жителей московских. Надеемся, что и здешняя публика будет им равно довольна. – Ассо начинается в 12 часов и будет продолжаться до 3-х полудни. Вход в залу открыт любителям безденежно. Г. Гризье живет в доме Козулина (бывшего графа Заводского) в Большой Морской. Сие ассо будут повторяемы в каждое воскресенье, в означенные часы»¹.

Анализируя это объявление, следует отметить и то, что данный текст не отвечает стандарту того и даже настоящего времени. В нем помимо обычных элементов (указания действующего лица (г. Гризье) времени и места проведения ассо) дана редакционная оценка действующего исполнителя. По всем правилам такой прием недопустим при опубликовании простого рекламного сообщения, но Ф. Булгарин пренебрегает этим и представляет свое мнение о фехтовальщике Гризье, тем самым переводя текст в жанр заметки.

Третья тематическая группа рекламных сообщений – извещения для членов спортивных сообществ. В те годы, особенно в начале века, таких обществ было мало. Например, в «Санкт-Петербургских ведомостях» для членов «Стрелецкого общества» («Общество любителей стрельбы»), открытого в 1806 г., печатались следующие сообщения: *«В будущую субботу, 10 октября, в собрании любителей стрельбы дан будет генеральный фехтовальный бал или так называемое assault general, единственно для членов оного собрания. Те из любителей, кои намерены вписаться в оное, должны заплатить годовой взнос, состоящий из 50 рублей»². «Г.г. члены извещаются, что стрельание в цель из пистолетов начинается сего мая месяца 2 числа в нарочно изготовленном на то зале. Желаящие сим приятным упражнением заняться, благоволят между тем рассмотреть начертанные для сего правила»³.*

¹ Зрелища // Северная пчела. 1826. № 124. 16 окт.

² Объявления // Санкт-Петербургские ведомости. 1808. 2 окт.

³ Там же. 1811. 30 апр.

В четвертую группу вошли рекламные сообщения о проведении состязаний. В российской прессе активно публиковаться такие объявления начали в 1820-х гг. в первую очередь благодаря проведению конских скачек. Подобные объявления обычно публиковались в газетах, реже в журналах. В частности, в «Северной пчеле» от 1825 г. можно найти следующие сообщения:

«13 июня, в субботу, здесь, в Санкт-Петербурге, будет конская скачка на Волковом поле. Начало ровно в 5 часов пополудни»¹.

«Во вторник, 4-го августа, имеет быть здесь, в С. Петербурге, конская скачка, достойная внимания публики. На оной будет происходить состязание между скакунами английскими и донскими. Поприщем скачки назначается путь в Гатчину и обратно от Московской заставы, что составит 84 версты. Она начнется в 5 часов пополудни. Многие любители и охотники бьются об заклад. Зрители у Московской заставы извещаемы будут об успехах той или другой стороны на всем пространстве пути, посредством телеграфических знаков.

Некоторые утверждают, что всадники совершат сей путь в 3 часа 20 минут; другие полагают, что они воротятся позже. Донским коням производятся частые испытания, и некоторые из них подали удивительные доказательства силы и быстроты. Об английских скакунах ничего не известно. Узнаем!»².

Характерными особенностями этих объявлений являются обязательное указание даты (включая число и день недели), времени проведения состязания, места и вида соревнования.

В пятую группу вошли объявления о продаже-покупке гимнастических принадлежностей (инвентаря, например, бильярда, специального седла для верховой езды, ружья и т.д.), «спортивных» животных (собак, лошадей, бойцовых петухов) и пр. Они позволяют проследить заинтересованность частных лиц спортивными забавами. К примеру, в газете «Московские ведомости» за 1808 г. были опубликованы следующие сообщения: *«Продаются по комиссии молодые жеребята английские лучшей породы для дам и анжировки по дамски и кавалерски также;*

¹ Смесь // Северная пчела. 1825. № 69. 9 июня.

² Там же. № 92. 1 авг.

отдаются на прокат для верхней езды как дамам, так и кавалерам, из коих один жеребец отличных статей, которой способен и для заводу; равно принимаются лошади на корм по месячно и для выездки. Желющие могут сыскать Хамовнической Ч. 3 кварт. под № 224 у англичанина Романа Персона, в доме купца Свешикова»¹.

«На Пречистенке, в приходе Троицы в Зубове в доме его Превосходительства, Никиты Петровича Хитрово продается верховая лошадь, хорошо выезженная и знающая всю школу. Видеть ее и о цене узнать в оном же доме у берейтора Семена Синицина»².

Помимо отечественных сообщений в 1840-е гг. в российской печати появляются объявления, предназначенные для представителей зарубежного сообщества: «6 октября назначается земледельческий праздник в Мюнхене, на котором будут раздаваться премии за лучших животных. После раздачи премий будет скачка; с 7 по 13 октября – разные увеселения: охота за птицами, оленями, стрельба в цель, вторая скачка и т.д.»³. Правда, это сообщение размещалось в обычной публикации «О VIII-м съезде германских сельских хозяев и лесоводов в Мюнхене», но интересен сам факт его опубликования.

На основании анализа рекламных сообщений в столичных изданиях можно сделать следующее заключение: фактически уже с начала XIX в. рекламные сообщения о гимнастической деятельности, а также об инвентаре и услугах публикуются в отечественной прессе. Преимущество остается за газетами. Первоначально их присутствие едва прослеживается (сообщения буквально теряются среди другой рекламной информации). Хотя примеры каждого избранного нами тематического вида в информационном массиве тех лет присутствуют. Однако их насчитываются единицы. К 1820-м гг. положение улучшается, рекламная информация (в первую очередь объявления о спортивных зрелищах) публикуется отдельно. Она располагается в издании в определенном месте (обычно на последней странице, в «подвале»). Ее текст может быть обрамлен графич-

¹ Продажа // Известия к № 37 Московских ведомостей на 1808. 6 мая.

² Продажа // Известия к № 43 Московских ведомостей на 1808. 27 мая.

³ О VIII съезде германских сельских хозяев и лесоводов в Мюнхене // Труды Императорского вольного экономического общества. 1844. Третью вторая. С. 587.

ческой рамкой или выделен специальным шрифтом (увеличенным кеглем или набранным в другом стиле).

В провинциальных газетах и журналах «спортивные» объявления появляются на десятилетие позднее, чем в столичных. Одной из первых газет, где встречается подобная реклама, стали «Казанские известия». Уже в первый год ее выхода (1811) здесь можно встретить следующее сообщение: *«Г. Тушель во исполнении своего обещания намерен предпринять воздушное путешествие на азростате, ежели будет благоприятствовать погода будущего июля 2-го дня по полудни в 7 часов, о чем сим извещает почтеннейшую публику»*¹.

Помимо рекламных сообщений о зрелищах в прессе появляются извещения о благотворительности (сообщения о том, что деньги, выигранные в коммерческие игры (карты, бильярд), идут в пользу нуждающихся). В частности, в «Приложении к Казанским известиям» была напечатана информация о «благотворениях» (благотворительности), в которой говорилось о пожертвовании казанским губернским прокурором Василием Николаевичем Овцыным тридцати рублей (собранных при бостонской и рокамбольской игре²) в С.П.б. (санкт-петербургских) инвалидов³.

В начале 1820-х гг. в различных региональных изданиях начали печататься объявления о спортивных соревнованиях. К примеру, в одесской газете «*Messenger de la Russie Meridionale, ou Feuille commerciale*» было опубликовано сообщение о проведении скачек: *«Одесские конские скачки будут проведены 16 сентября. Господа, желающие привести лошадей для участия в скачках, должны до 7 сентября адресоваться в контору газеты “Мессаже”, чтобы узнать об условиях, на которых состязание лошадям будет определено»* (август, 1821)⁴. Или: *«Компания вольтижеров и берейторов под дирекциею г. Б. Фуру и Комп. честь имеет возвестить публику, что в будущее воскресенье, 15-го июля, в Ботаническом саду она даст блистательный загородный праздник под*

¹ Объявления // Казанские известия. 1811. № 11. 28 июня.

² Карточные игры.

³ Приложение к Казанским известиям. 1814. № 8. 22 февр.

⁴ Объявления // *Messenger de la Russie Meridionale, ou Feuille commerciale*. 1821. № 41.

названием “Гуляние в Тиволи”. Сие гуляние, устроенное по образцу Парижского, будет состоять из ристалища на лошадях, фейерверков, военных сцен и проч., подробности будут изображены в афишках»¹.

В то же время можно констатировать, что появление и в дальнейшем активное распространение рекламной информации о спортивной («гимнастической») деятельности в периодических изданиях во многом определяло ее место в российском обществе.

Третий вид спортивных медиатекстов малых форм первой половины XIX в. – это *игровые задания*. Данный вид информации изначально направлен на проявление умственных, а не физических способностей человека. В большей степени это касалось интеллектуальных (настольных) игр, таких как шахматы, шашки, лото, карточные игры и др.

Впервые в печати подобные игровые задания появились в подразделе «Шахматы» в санкт-петербургском еженедельном издании «Иллюстрация» (1845–1849). Подраздел включался в раздел «Игры», в котором помимо шахматных задач² публиковались логические задачи, загадки (ребусы), шарады. Автор и ведущий подраздела был известный в те времена шахматист А.Д. Петров.

Различные шахматные этюды способствовали появлению нового вида подачи игровой информации – небольшой графической задачи-рисунка с подписью в виде короткого предложения-задания, например: «Белые ходят и дают мат в семь шахов³» или «Белые ходят, и в пять ходов дают мат». Одновременное сочетание простоты и сложности в решении шахматной головоломки привлекало многих читателей, способствуя изменению взгляда на игру в целом. Еще одним привлекательным приемом для аудитории было то, что ответ на решение той или иной задачки печатался только в следующем номере, вышедшем через неделю. Чтобы сделать шахматные задачи более интересными, журналисты использовали не только рисунки, но и текстовую информацию в виде небольшого рассказа. В начале рассказы-

¹ Одесский вестник. Одесса. 1834. № 55. 11 июля.

² В современной терминологии шахматные задачи называются шахматными этюдами.

³ Здесь могла быть допущена ошибка: употребление слова «шахов» вместо «ходов».

валась житейская история, а затем предлагалась шахматная композиция на ее тему (например, см. историю о приключениях сира Жоржа Бея в «Обмане в шахматной игре». Иллюстрация. № 20 от 25 августа 1845 г.). Не оставались в стороне и читатели. На одну из задач был прислан оригинальный ответ в стихотворной форме (Иллюстрация. № 10 от 9 июня 1845 г.). Реже в подразделе проводился анализ шахматных партий (Иллюстрация. № 2 от 7 апреля 1845 г.), а также давалась другая шахматная информация (например, правила игры, принятые в российских клубах (Иллюстрация. № 14 от 7 июля 1845 г.)). Рубрика просуществовала вплоть до закрытия издания в январе 1849 г.

И только почти через десять лет, в 1859 г., шахматные игровые задания вновь стали печататься, но уже в приложении к журналу «Русское слово» – «Шахматный листок». Чтобы привлечь читателей к шахматной науке, в том числе к задачам, в первом номере были представлены подробная «алгебраическая нотация» с описанием обозначения шахматных клеток и представлением диаграммы, а также схематичное изображение шахмат и несколько знаков (формул), обозначающих взятия и действия фигур. В этом журнале задачи имели такую же версию, как в «Иллюстрации». Однако рисунки фигур немного различались. В каждом номере печаталось по две шахматные ситуации. Каждая из них представляла собой рисунок с определенным заданием и короткой записью. В частности «Белые начинают и дают мат в 3 хода»¹, «Белые начинают и заставляют черных сделать мат в 8 ходов»². Иногда давалась подсказка – какой фигурой необходимо было сделать мат. «Белые начинают и дают мат слоном в 4 хода»³. Помимо того, в последующих номерах обязательно печатался подробный ответ, в ряде случаев с несколькими вариантами решения задач. Также делались перепечатки диаграмм, где проявлялись «технические ошибки»: то белый король был напечатан темного цвета, то происходило «случайное» смещение фигуры на соседнюю клетку

¹ Задача № 5 // Шахматный листок. 1859. № 3. С. 77.

² Задача № 10 // Шахматный листок. 1859. № 5. С. 125.

³ Задача № 1 // Шахматный листок. 1859. № 1. С. 23.

и т.д. В этом случае печатались обязательные извинения редакции перед читателями.

Среди авторов, предоставляющих шахматные головоломки, были как профессионалы, так и любители из России и зарубежных стран. Интересный факт: первые две занимательные задачи, которые были опубликованы, принадлежали не столичным любителям шахмат, а сибирскому шахматисту Н. Николаеву из Каинска Томской губернии¹.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий **вывод**: влияние малых жанровых форм на трансформацию спортивной тематики в периодических изданиях XIX в. неопределимо. По своей структуре информационные сообщения, реклама, игровые задания представляют, на первый взгляд, краткий, простой для восприятия медиатекст, в котором присутствует отражение происходящего (в нашем случае развитие спорта как сферы деятельности в исследуемый период). Тем не менее каждая такая информация балансирует на грани объективного и субъективного. Объективность выражается в достоверности предоставляемого факта. Субъективность выражена в оценке со стороны автора журналистского текста состоявшегося события (известия), продвижения будущего действия (реклама) или совершающегося деяния (игровые задания).

2.3. Спортивный медиатекст: прагматический потенциал развития в столичной и провинциальной печати

Крупные медиатексты, так же как и малые, обладают определенными характеристиками. В специализированных текстах, особенно объемных, существенную роль в формировании и развитии (продвижении) играет прагматический потенциал. По мнению профессора В.Н. Комиссарова, он «является результатом выбора Источником содержания сообщения и способа его языкового выражения. В соответствии со своим коммуникативным намерением источник отбирает для

¹ Ныне город Куйбышев Новосибирской области.

передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым значением, как предметно-логическим, так и коннотативным, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи»¹. В нашем случае смысловым значением является спортивный дискурс.

Определяя место спортивной темы в системе медиапубликаций XIX в., необходимо учитывать характерную им двойственную природу. В тот период журналистские жанры находились на стыке документальности (журналистики) и художественности (литературы). Практически любой крупный текст, опубликованный в том или ином печатном издании, обладал характерными признаками. Особенно выделялись документальные тексты (крупные заметки, очерки, письма, рассказы, статьи и т.д.), в которых раскрывались перипетии, происходящие в столицах и провинции России, а также за рубежом, несмотря на то что эти публикации были непосредственно связаны с раскрытием «живого» фактажа. Хотя приведенные в них сведения далеко не всегда отличались точностью. В ряде случаев события приукрашивались автором текста. Это во многом объяснялось тем, что в те годы наблюдалось огромное влияние литературы на принципы выстраивания журналистского текста. Однако публикации о спорте стали одними из первых, где все же преобладал рассказ о действительности.

Изучение автором монографии содержательного комплекса периодических изданий первой половины XIX в. показало, что динамика опубликования материалов о спорте в московских и санкт-петербургских газетах и журналах в те годы была нестабильной, особенно в первые три десятилетия (рис. 1).

В 1800-е гг. в столичной прессе появились первые немногочисленные публикации, разнообразные по тематике, от об общих размышлений о полезности физических упражнений, о технических видах спорта (в первую очередь о воздухоплавании) до представления игр (подвижных и настольных), а также информации о спортивных закладах. В частности, в журнале «Патриот» (1804) были напечатаны крупные статьи зарубежных авторов: Сосерот «О физическом воспитании де-

¹ Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990. С. 209.

тей» (Т. 1); Эджеворт «О детских играх» (Т. 1); Жанлис «Гимнастика» (Т. 4).

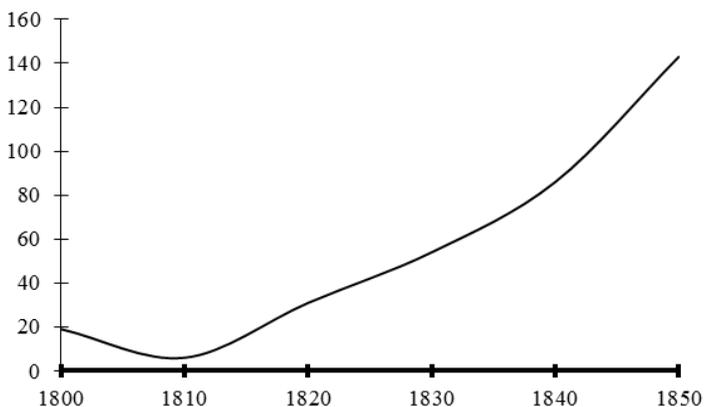

Рис. 1. Динамика роста числа спортивных публикаций в столичных периодических изданиях (Москва, Санкт-Петербург) в 1800–1850 гг.

В 1810-е гг. тексты о спортивной деятельности стали и вовсе единичными. Сведения о спорте вновь стали передаваться фрагментарным способом, который описан выше. Одной из причин ослабления интереса журналистов к гимнастическим забавам стала Отечественная война 1812 г. Содержание изданий было наполнено информацией о военных действиях и сообщениях о судьбе Наполеона Бонапарта, об экономической ситуации. И только в 1819 г. спортивная тематика вновь возвращается на страницы газет и журналов. В 1820-е гг. в отечественной прессе происходит резкое увеличение количества медиатекстов о спорте благодаря не только распространению разных его видов, но и выпуску специализированных изданий (Еженедельник для охотников до лошадей (М., 1823); Записки для охотников до лошадей (М., 1826); Журнал Лебединского Скакового Общества (М., 1828)), а также благодаря выходу в свет ряда изданий, которые, несмотря на свою иную профильную ориентированность, постоянно печатали материалы о спортивной деятельности. В Москве таким стал «Дамский журнал» (вышедший в 1823 г.), в Санкт-Петербурге – общественно-политическая газета «Северная пчела» (появившаяся в 1825 г.).

В 1830–1840-е гг. продолжается рост числа спортивных публикаций. Во многом этому способствует повсеместное внимание в российских крупных городах к «гимнастическим упражнениям». Особый интерес общества, включая представителей прессы, проявляется к скачкам и бегам, проводимым не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и во многих провинциальных городах и селениях (Воронеж, Козлов, Лебедянь, Одесса, Симферополь, Екатеринославль, Пенза, Тамбов, Тифлис, Тула, Херсон, Царское Село, Шемаха, Уральск, Оренбург, Иркутск и др.).

Структурными признаками подобных медиатекстов были короткие заголовки, через которые нередко можно было понять, о каком виде спорта идет речь в самом материале: «Катание на коньках»; «Скачки»; «Фехтование» и т.д. Большинство спортивных текстов того времени содержали многочисленные литературно-художественные элементы (подробная детализация, передача чувств и эмоций автора, наличие эпитетов и т.д.), которые приукрашивают ход события. Это превращает самое произведение в повествовательный рассказ с различными рассуждениями, нередко с переходом в исторический экскурс. Но в то же время в содержании сохраняется документальность описываемого события за счет ввода временной и пространственной информации (время и место проведения, результаты и др.).

По жанровой реализации – это крупные заметки с собственными заголовками, обзоры, очерки, дневниковые записи, реже репортажи, критические замечания, письма и др. Однако жанровое определение в этом случае происходит условно, так как в те годы типологизация (система) журналистских жанров только зарождалась и в ряде случаев трудно определить, к какому типу относится то или иное произведение.

Основная тематика публикаций – «гимнастика» («спорт») во всех ее проявлениях. Анализ содержания спортивных медиатекстов первой половины XIX в. дает возможность выделить два ярко выраженных тематических направления.

Основу первого направления составляет раскрытие информации о самой спортивной деятельности. К ней относятся: общая информация об определенном спортивном виде (включая исторический экскурс); представление пользы и методик обучения выбранному виду спорта;

сведения о проведенных соревнованиях по тому или иному виду спорта; рассказы о демонстрационных выступлениях отдельных представителей.

Ведущим элементом второго направления является географический (территориальный) фактор, раскрывающий в публикациях места проведения спортивного состязания (зрелища) (город, страна). Кроме того, благодаря этому можно проследить, как шло освещение развития спорта в России и за рубежом.

Медиатексты столичной прессы, согласно географическому фактору, можно поделить на три группы:

1) публикации о спортивных видах, распространенных в Москве и Санкт-Петербурге;

2) журналистские произведения о спортивных забавах, играх, существовавших в провинции;

3) медиатексты о спортивной деятельности за рубежом.

Рассмотрим их подробнее.

Анализ периодических изданий показал, что первая группа является самой многочисленной по количеству печатных материалов. Во многом это объясняется тем, что уже с начала XIX в. в Москве и Санкт-Петербурге общество проявляло интерес к спорту, что отразилось в информационном пространстве прессы. Этот процесс был постепенным. В первые два десятилетия публикационная активность на тему спорта была невелика, и это несмотря на то, что в обеих столицах выходило более 200 изданий¹. Основным информатором о «спортивных» событиях в обозначенный период стал московский журнал «Вестник Европы» (1802–1830). В это время напечатаны следующие тексты: «Воздушные шары» (Вестник Европы. 1802. № 10); «Воздушное путешествие» (Вестник Европы. 1802. № 10); «Новая шашечная игра» (Вестник Европы. 1803. № 1); «Московские записки» (о конских каруселях. Вестник Европы. 1811. № 13); «О каруселях²» (Вестник Европы. 1811. № 16) и др.

¹ О чем было упомянуто в начале главы.

² Здесь и далее под «каруселью» подразумевается конные турниры.

В других изданиях, вышедших в этот отрезок времени, «спортивные» публикации единичны: «Зимние забавы в Петербурге» (Политический журнал. 1802. Ч. 2); «Карусель в Москве, марта 16» (Северный вестник. 1804. № 5); «Гимнастика» (Патриот. 1804. Т. 4); «О физическом воспитании детей» (Патриот. 1804. Т. 1); «Указ Московскому Губернатору о воспрещении азартной карточной игры» (Санкт-Петербургский журнал. 1806. № 7); «Сколь пагубны азартные игры, как для частных людей, так и для целого Государства» (Журнал для детей, или Приятное и полезное чтение для образования ума и сердца. 1815. Кн. 1) и пр. В выборку попали не только событийные медиатексты, раскрывающие гимнастические мероприятия, проходившие в столицах, но и те, в которых спортивная деятельность представлена с общих позиций. В последнем случае их присутствие в данной группе аргументируется тем, что через них представлялось общественное мнение по поводу того или иного вида спорта или отношение к гимнастическим забавам в целом, правда, порой через субъективный взгляд автора. Например, женский взгляд на гимнастику, представленный в дневниковых записках госпожи Жанлис, напечатанных в журнале «Патриот»: *«Предмет Гимнастики, в отношении к воспитанию, есть тот, чтобы укрепить сложение, утвердить здоровье, приучить к трудам, принести гибкость, проворство, силу и ту надежность, которая составляет храбрость; наконец вооружить человека против всех превратностей жизни, и способствовать успехам телесного возраста до последней степени»*¹.

Кроме того, анализ этих журналистских произведений показал что, главными спортивными темами были: воздухоплавание и конские ристания. Это хорошо прослеживается по заголовкам медиатекстов. Остальные виды спорта в публикациях почти не упоминаются, хотя их существование в XIX в. доказано, о чем свидетельствуют различные документы, в том числе фрагменты из журналистских произведений, которые были представлены в данной работе в п. 2.1.

В 1820-е гг. произошла резкая перемена в отношении общества к гимнастической (спортивной) деятельности. Многие представители

¹ Гимнастика // Патриот. 1804. Т. 4. С. 247.

высшего света, включая журналистов, осознали пользу гимнастических забав, что непременно отразилось в содержании газет и журналов. Многие из редакторов считали своим долгом публиковать журналистские материалы на эту тему. Причем это не зависело от типа изданий. Гимнастическая тема была интересна почти всем видам газет и журналов – от общественно-политических до специализированных (литературных, коммерческих, педагогических, сельскохозяйственных, лесных, дамских и др.). В этот момент выходят следующие публикации: «Фехтование» (Отечественные записки. 1820. № 2); «Скачки» (Отечественные записки. 1822. № 25); «О счастии игроков» (Вестник Европы. 1823. № 13–14); «О верховой езде. Введение» (Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. № 8); «Воздушный шар Архипа Фаддеевича, или утешение в горестях» (Северная пчела. 1825. № 79); «Скачка» (Северная пчела. 1825. № 94, 96); «Катание на коньках» (Дамский журнал. 1826. № 2); «История игры в шахматы» (Вестник Европы. 1826. № 10); «О фехтовальном ассо госпожи Баголини» (Северная пчела. 1827. № 73. 1 июня); «Акробатический спектакль компании Киарини» (Северная пчела. 1827. № 116); «Катание на коньках» (Дамский журнал. 1828. № 5); «Воздушное путешествие госпожи Ильинской» (Дамский журнал. 1828. № 18); «Акробатическое общество г-д Киарини» (Дамский журнал. 1828. № 21); «Лебедянские конские скачки» (Московский телеграф. 1828. № 17); «О Геркулесе Раппо» (Северная пчела. 1829. № 131); «Второй Геркулес»¹ (Дамский журнал. 1829. № 51); «Неосторожный охотник» (Московские ведомости. 1829. № 4. 12 января) и т.д. Кроме того, в эти годы сама спортивная тематика намного расширилась. Объектом внимания журналистов становятся как летние, так и зимние виды гимнастической деятельности, что уже просматривается по заголовкам медиатекстов.

Таким образом, по сравнению с первым периодом (1800–1810 гг.), редакции печатной прессы через опубликование журналистских произведений на спортивную тематику значительно повысили интерес общества к этой сфере деятельности. При этом значительно расши-

¹ О выступлении австрийского силача Карла Раппо в Москве.

рился и объем публикаций. В это время наблюдается переход от малых текстов (новостей, заметок, корреспонденций) к более солидным жанровым формам (статья, эссе, очерк и др.).

В качестве классического примера рассмотрим публикацию неизвестного автора «Фехтование» (Отечественные записки. 1820. № 2). В ней писалось о том, что французский фехтовальщик г-н Гризье в конце мая в Санкт-Петербурге демонстрировал свое умение в бывшей филармонической зале. Француз провел несколько показательных боев, сразился с нашими соотечественниками, включая г. Севербрика, которому проиграл поединок. Сумел выиграть «свой» бой с французом и другой россиянин г. Прево.

В данном материале прослеживаются все элементы репортажа, хотя этот жанр в русской журналистике появится немного позднее. Подробно указывается, когда происходило событие, сколько было участников, как проходили бои, кто выиграл, кто проиграл, оценены стратегия и тактика ведения боя противниками, выделены решающие эпизоды схваток. Интересна в этом случае и концовка данного материала, где автор одновременно делает похвалу именитому гостю столицы и российским мастерам, победившим его: *«Отдавая справедливость искусству г. Гризье, его живописным позициям, прилежно изученным, его огню в нападениях, его уверенности – часто излишней – в отклонении ударов, заметим, что посвятив себя совершенно этой профессии и имея случай испытать силы свои со всеми известными фехтовальными мастерами в Европе, он должен был иметь явное преимущество перед нашими любителями, которые учились этому искусству в кадетском корпусе и не имеют не только случая сражаться с разными мастерами, но и самой необходимой практики, а потому тем славнее было для этих последних победить первого фехтмейстера столицы, славящейся этим искусством!»*¹.

Если в начале 1820-х гг. подобных журналистских произведений было немного, то к концу десятилетия их насчитывается уже десятки. И почти половина из них посвящена развитию спорта в Москве и Санкт-Петербурге.

¹ Фехтование // Отечественные записки. 1820. № 2. С. 328–329.

В 30-е гг. XIX в. популяризация спортивной темы в столичной прессе продолжилась. Ею заинтересовались многие издания: «Царицынский праздник»¹ (Дамский журнал. 1833. № 34); «О пользе конских скачек» (Земледельческий журнал. 1834. № 1); «Воздушное путешествие» (Библиотека для чтения. 1834. № 5); «О гимнастике» (Сын Отечества. 1834. Ч. CLXVI); «О скачках в Москве» (Молва. 1834. № 30); «Школа стрельбы в Москве» (Молва. 1834. № 3); «Скачки в Москве на 1834 г.» (Молва. 1834. № 17); «Русское зимнее катание» (Литературное прибавление к Русскому инвалиду. 1834. № 90–92); «Конские скачки» (Библиотека для чтения. 1835. № 12); «Наставление охотникам удить рыбу» (Журнал общеполитических сведений или Библиотека земледелия, промышленности, сельского хозяйства, наук, искусств, ремесел и всякого рода полезных знаний. 1835. № 20); «Шахматная игра по Санкт-Петербургской почте» (Литературные прибавления к Русскому инвалиду. 1837. № 18, 20, 22 и т.д.); «Военная гимнастика, или фехтование на штыках и на саблях верхом» (Библиотека для чтения. 1838. Т. XXX); «Новейшее начертание о шахматной игре» (Отечественные записки. 1839. № 11) и т.д. В этот период прослеживается некоторое уменьшение информации о спортивной жизни столиц. Причина – рост в московских и санкт-петербургских изданиях числа журналистских произведений о развитии спорта в провинции и за рубежом.

В 1840-е гг. в прессе происходят некоторые изменения в тематических интересах раскрытия спортивной информации. В столичных изданиях вновь главной темой становится конноспортивная деятельность (скачки и бег). В это время выходят следующие публикации: «Зимний бег в Москве» (Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 2); П. Мяснов «О коннозаводстве и скачках» (Отечественные записки. 1840. Т. VIII, X); П. Мяснов «О выдержке скаковых лошадей» (Отечественные записки. 1840. Т. 12); «Олимпийский цирк г-на Готье» (Северная пчела. 1841. № 11 от 15 янв.); П. Жихарев «Московские скачки 1841 года» (Северная пчела. 1841. № 153–154 от 12 и

¹ Рыбная ловля на Цареборисовском пруде в присутствии великих князей и великих княгинь.

14 июля); «Карусель в Москве» (Москвитянин. 1841. № 5); «Несколько слов о московском обществе охотников конского бега» (Журнал коннозаводства и охоты. 1842. № 9); «О конкурсе в Царском Селе» (Журнал коннозаводства и охоты. 1843. Кн. 7); «Место скачек близ Царского Села» (Иллюстрация. 1847. № 41 от 1 нояб.); «О беге тройками на Императорский приз в Москве, 2 июля 1847» (Московские ведомости. 1847); «О Московских зимних рысистых бегах» (Московские ведомости. 1847); «О Московских летних рысистых бегах» (Московские ведомости. 1847); «О Московских зимних рысистых бегах на приз Общества, 1848 г.» (Московские ведомости. 1848) «О Московских летних рысистых бегах 1848 г.» (Московские ведомости. 1848) и др.

О других видах спорта, распространенных в столицах в этот период, на страницах печати говорилось в меньшей степени: «Усовершенствования в искусстве воздухоплавания» (Отечественные записки. 1840. Т. VIII); «Стрельба в цель» (Северная пчела. 1841. № 102. 12 мая); «О гимнастических упражнениях в воспитании» (Журнал Министерства народного просвещения. 1842. Т. XXXIV, № 6); И. Боричевский «Кулачный бой» (Маяк современного просвещения и образованности. 1844. Т. 15); А. Петров «Сцены из жизни шахматных игроков» (Отечественные Записки. 1844. Т. XXXVI, отд. VIII); «Военная игра» (Иллюстрация. 1845. № 33. 24 ноября) и т.д.

Подводя итоги анализа публикаций, входящих в первую группу, можно отметить следующее. В первые два десятилетия XIX в. в прессе в обеих столицах журналистских текстов о спортивной жизни насчитываются единицы. В основном они освещали московские события. В 1820-е гг. происходит смена интересов общества, спорт (точнее, гимнастические упражнения и забавы) своей необычностью, разносторонностью привлекает многих членов высшего света. Соответственно, данный фактор напрямую отражается в Санкт-Петербургской и Московской периодической печати: в этот период происходит активизация размещения материалов о спорте в различных журналах и газетах. В 1830-е и 1840-е гг. данная тенденция сохраняется, хотя объем информации о спортивной жизни в столичных городах уменьшается из-за увеличения количества публикаций о спортивных увлечениях в провинции и за рубежом.

Во вторую группу вошли журналистские произведения о распространенных в провинции «гимнастических забавах», опубликованные в московской и санкт-петербургской прессе. В периодических изданиях выделяются две ведущие спортивные темы: скачки и простонародные игры и их разновидности. Примерами раскрытия конских состязаний являются следующие публикации: В. Мамышев «Пристрастие сибиряков к конским скачкам» (Вестник Европы. 1809. № 7); «О конских ристаниях у башкиров и казаков уральских» (Еженедельник для охотников лошадей. 1823. Ч. 3, № 27–29); «Рыцарская жизнь казаков» (Русская старина. 1824); «Лебедянские конские скачки» (Московский телеграф. 1827. № 17); «Симферопольская скачка» (Московский телеграф. 1829. № 30); «Конская скачка в Симферополе» (Телескоп. 1831. Ч. 6, № 23); В. Даль «Скачка в Уральске» (Северная пчела. 1834. № 255–256); В. Даль «Скачки в Уральске и Оренбурге» (Северная пчела. 1835. № 15); «Скаковые призы в Королевском Селе» (Журнал Министерства внутренних дел. 1840. № 2); «Конская ярмарка в Харькове» (Журнал коннозаводства и охоты. 1842. № 3); «Скачки и масленица в Иркутске» (Северная пчела. 1842. № 115. 25 мая); А. Бородин «О коннозаводстве в Пермской губернии» (Журнал коннозаводства и охоты. 1843. № 11); «Скачки в Лебедяни» (Журнал коннозаводства и охоты. 1843. Кн. 7); М. Ермолов «Рыцарские забавы киргиз-кайсаков» (Сын Отечества. 1843. № 5); А. Бородин «О коннозаводстве в Архангельской губернии» (Журнал коннозаводства и охоты. 1844. № 4); «Об испытании лошадей в Лебедяни» (Журнал коннозаводства и охоты. 1849. № 12) и т.д.

Другая тема раскрывает информацию о проводимых в городах и селениях народных подвижных играх, а также праздничных состязаниях и прочих забавах. В этот период опубликованы следующие медиатексты: «О зимнем рыболовстве уральцев» (Вестник Европы. 1809. № 10); «Воинские упражнения и игры черкесов» (Благонамеренный. 1822. Ч. 19); А. Милюков «Историческая детская игра в Шлиссельбурге» (игра «орешек») (Северная пчела. 1842. № 140); «Провинциальные забавы» (Северная пчела. 1845. № 110 от 17 мая); «Русские простонародные игры» (Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1848. Т. LXXIII, № 289–292) и др.

Материалов о других видах спорта, распространенных в провинции, в московских и Санкт-Петербургских изданиях печаталось меньше. Как видно из перечня, в данной группе содержится на 2/3 меньше публикаций, чем в первой. Это во многом объясняется тем, что в те времена в провинциальных городах развитие спортивных видов деятельности шло очень медленно. Одной из основных причин было то, что общественная жизнь в больших (губернских) и средних городах Российской империи представляла собой сложную систему. Существовавшая в обществе иерархия делила городских жителей на различные социальные слои. У каждого из них был свой круг развлечений. Тем не менее столичные и местные¹ журналисты проявляли интерес к забавам каждого слоя, но в разной степени. Основное внимание было уделено спортивным увлечениям высшего света. Простонародные игры и забавы освещались в меньшей степени, однако именно их самобытность и в какой-то степени неординарность были интересны этнографам и просветителям первой половины XIX в. Часть из них посвящали этим играм не только фрагменты в своих письмах и путевых очерках, но и отдельные публикации.

Кроме того, тексты именно этой группы дают возможность понять, как шло развитие гимнастической деятельности на территории Российской Империи. Из расчета из исследуемого объема публикаций в столичной прессе (выявлено 53 произведения за 1800–1850 гг.) можно отметить, что большинство материалов освещало увлечение спортом в европейской части России: это приблизительно 2/4 части от всего информационного массива; 1/4 часть посвящена спортивным интересам на Урале и Сибири и 1/4 – «спортивным играм» Кавказа и Средней Азии.

Третья группа включает публикации о развитии спорта за рубежом из московских и Санкт-Петербургских изданий. По количеству вошедших в эту группу медиатекстов она может сравниться с первой группой, представляющей столичную спортивную информацию. Большинство из них – переводные статьи из европейских журналов, в

¹ В ряде случаев публикации о спортивной деятельности в провинции в столичных газетах и журналах были перепечаткой из местных изданий.

которых не всегда качественно переводились (объяснялись) вводимые спортивные термины. Встречаются и оригинальные тексты российских журналистов. Первые публикации на исследуемую тему появились уже в начале XIX в.: «Удивительный пешеход в Англии» (Вестник Европы. 1803. № 3); «Чудные заклады» (Вестник Европы. 1804. № 1); «О бое быков в Испании» (Вестник Европы. 1804. № 2); «Исторические известия о воздухоплавании. Альберс» (Вестник Европы. 1806. № 12); «Об изобретении карт» (Вестник Европы. 1812. № 7); «Воздухоплаватели» (Вестник Европы. 1819. № 16). Они были более разнообразны по спортивной тематике по сравнению с отечественными публикациями, выходившими в это время. Как мы видим, это касается и видов спорта (воздухоплавание, бой быков, бег, карты), и стран (Англия, Франция, Испания), в которых они развиваются. Примечательно, что активным участником развития зарубежной спортивной тематики стал московский журнал «Вестник Европы». Остальные столичные издания в большей степени ориентировались на представление читателям сведений о спортивной деятельности в России. И эта информация стала в последующее десятилетие ведущей в отечественной прессе.

В 1820-е гг. зарубежные публикации о спорте почти исчезли со страниц московских и Санкт-петербургских изданий, за исключением коротких известий в рубрике «Смесь», хотя материалы на другие темы (политика, экономика, моды, география и др.) в газетах и журналах Москвы и Санкт-Петербурга печатались постоянно. Из крупных журналистских произведений на тему спорта за это время вышли: «Английские заклады» (Сын Отечества. 1821. № 71); «Английские нравы. Охоты» (Северная пчела. 1828. № 48, 50, 52). Обе публикации посвящены развитию спортивных увлечений в Англии.

Несмотря на малое количество статей, именно одна из них сыграла важную роль в определении значения темы спорта в российской журналистике. Это переводная статья «Английские нравы. Охоты», взятая из французского журнала «Le Globe»¹. В ней впервые было ис-

¹ Статья была опубликована в газете Ф. Булгарина «Северная пчела» за 1828 г. (№ 48, 50, 52).

пользовано слово «sport» и дано его определение. В русском варианте объяснение понятия «спорт» было следующим: *«Охота есть такой предмет, об котором англичане больше всего более бьются об заклад. Под именем охоты (the sport, слово, которое трудно в точности перевести, и которого значение даже на английском языке не имеет определенного смысла), разумеются травля, ловля, стрельба в птиц и зверей, скачка, бег, борьба, кулачный бой и т.п., словом, все упражнения, приводящие в движение силу, ловкость или быстроту людей или животных. Сие упражнения сами по себе уже имеют особенную прелесть для англичан, и даже иногда превращаются для них в истинную страсть»*¹.

Помимо определения слова «спорт» в этой публикации были подробно рассмотрены несколько его видов, таких как рыбная ловля удочкой, охота на разных животных и птиц, скачка на колокольню². Также в данной статье впервые употребляется слово «спортсмен»³. Оно используется на русском языке, без английского аналога.

В 1830-е гг. журналистские материалы об иностранном спорте вновь появляются в столичной прессе. На эту тематику писали сразу несколько изданий: «Воздушное путешествие доктора Фостера» (Телескоп. 1831. Ч. 5); «Игра шахматы (Царь Шихрам. – Автомат Кемпелена. – Обезьяна и гасконец)» (Литературная газета. 1831. 1 апр.); «История английских скачек» (Телескоп. 1833. Ч. 15, № 9); «О скаковых лошадях в Англии: их воспитании, ценности и спекуляциях, которых они бывают предметом» (Телескоп. 1834. Ч. 22); «Кулачные бои в Англии» (Библиотека для чтения. 1834. № 5); «Бедуинские турниры» (Библиотека для чтения. 1835. № 10); «Конские скачки» (Библиотека для чтения. 1835. № 12); «Английские жокеи в Париже» (Библиотека для чтения. 1836. № 15); «Воздушное путешествие Робертсона в Индии» (Сын Отечества. 1837. № 83); «Звериная охота в Индии» (Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведе-

¹ Английские нравы. Охоты // Северная пчела. 1828. № 48. 21 апр.

² В примечании к публикации было сказано, что ожидается продолжение статьи, в которой будет говориться о конских скачках, кулачных боях, травле зверей и т.п. Однако в дальнейшем в «Северной пчеле» эта тема не была представлена.

³ Подробнее оно будет рассмотрено в следующей главе.

ний. 1837. Т. 6, № 21); «Тайна знаменитого автомата, обыгравшего всех в шахматы» (Отечественные записки. 1839. Т. XI); «Английские туристы» (Отечественные записки. 1839. Т. IV, № 9) и т.д.

Среди представленного многообразия спортивных текстов, можно особо выделить две публикации: статью «Игра шахматы (Царь Шихрам. – Автомат Кемпелена. – Обезьяна и гасконец)» (Литературная газета. 1831. 1 апр.) и историческое повествование «Тайна знаменитого автомата, обыгравшего всех в шахматы» (Отечественные записки. 1839. Т. XI). Их выбор обусловлен тем, что это были одни из первых медиатекстов в отечественной прессе, в которых разоблачались махинации в спорте. В каждой из них раскрывалась история существования и разоблачение секрета шахматного автомата в виде турка, сконструированного венгерским изобретателем Вольфгангом фон Кемпеленом в 1769 г.

В 1840-е гг. сохранилась тенденция увеличения в столичной прессе количества журналистских произведений о спортивных развлечениях и видах спорта за рубежом. В этот период вышли следующие материалы: «Бой атлетов» (Северная пчела. 1840. 8 янв.); «Идеал шахматных игроков» (Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Т. II); «Парижские праздничные кавалькады» (Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Т. XII); «Плата изобретателю шахматной игры» (Отечественные записки. 1840. Т. X); «Характеристика странствующих англичан» (Маяк современного просвещения и образованности. 1840. Т. XII); «Охота в Гиане» (Библиотека для чтения. 1840. Т. 42); «Охота за тюрпанами» (Библиотека для чтения. 1841. Т. 44); «История английской лошади» (Эконом. Хозяйственная общепользная библиотека. 1842. Кн. 42–43); «Воздушные путешествия» (Журнал Министерства народного просвещения. 1842, Т. XXXIV, № 6); «Турниры в Стольгольме в 1800 и в Пизе в 1805» (Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Т. LI); «Английские охотники» (Москвитянин. 1843. № 2); «Поединок на паровозах» (Москвитянин. 1843. № 4); «Великодушие игрока» (Москвитянин. 1843. № 6); «Индийские жонглеры» (Северная пчела. 1843. № 201); «Необыкновенное воздушное путешествие» (Сын Отечества. 1843. № 1); «Результат скачек в Англии в 1843 году» (Журнал Конно-

заводства и охоты. 1843. № 11); «Бой быков в Испании» (Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Т. LVII); «Обозрение германских скачек 1844 года» (Журнал Коннозаводства и охоты. 1844. № 11); «Охота в Карпатских горах» (Северная пчела. 1844. № 30–32); «Охота на острове Целебес» (Москвитянин. 1845. № 2); «Десятый бой быков (la decimal corrida de toros) в Мадриде в 1845» (Отечественные записки. 1846. Т. XLVI); «Воздухоплаватель Грин» (Иллюстрация. 1846. № 29. 26 авг.); «Воздухоплавание и воздухоплаватели» (Иллюстрация. 1846. № 41. 2 нояб.); «Укротитель коней» (Современник. 1847. Т. 2) и др.

Список представленных публикаций, позволяет отметить тот факт, что в 1840-е гг. в медиапроизведениях расширилось и географическое пространство. Журналисты стали обращать внимание на развитие спортивной деятельности в различных странах, а не только во Франции и Англии. Особую роль в продвижении спортивной зарубежной тематики в столичной прессе сыграл и вышедший в 1842 г. «Журнал Коннозаводства и охоты», в котором постоянно печатались отчеты о конских скачках, проходивших в различных европейских государствах.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что под влиянием внешних (приезд и показательные выступления зарубежных «спортсменов» – бегунов (скороходов), воздухоплавателей, акробатов, фехтовальщиков и т.д.) и внутренних (массовое развитие отдельных видов спорта, но пока как досуговых занятий) факторов в московских и Санкт-Петербургских изданиях с первых годов XIX в. прослеживается повышенный интерес к спортивной тематике. На протяжении пяти десятилетий журналисты и редакторы столичных газет и журналов стараются раскрыть весь спектр развития спорта (гимнастики) не только в Российской империи, но и за рубежом. Объектами их пристального внимания становятся: технические виды спорта (воздухоплавание), подвижные виды (бег, кулачные бои, фехтование, катание на коньках и т.д.); спортивные виды с участием животных (бой быков, бой петухов, охота и особенно конские скачки); настольные игры (бильярд, шашки, шахматы, нарды, карты), а также народные виды и игры (борьба, городки, буй, лапта, городки, катание на санях, качание на качелях и пр.). Положительным фактором этой

деятельности становится то, что, раскрывая в публикации особенности определенного вида спорта, авторы способствуют проявлению к нему интереса не только любителей гимнастических забав, но и людей, далеких от спорта.

Свою лепту в этот процесс вносит и региональная периодическая печать. В ее основные задачи входит раскрытие актуальные проблем и вопросов общественной жизни в губерниях и областях Российской империи, предоставление официальной информации из Москвы и Санкт-Петербурга. В ряде изданий присутствовали иностранные известия. Однако, несмотря на то, что вплоть до 1838 г. провинциальных газет и журналов насчитывались единицы, в них публиковались материалы на спортивную (гимнастическую) тему. Мониторинг региональных изданий показал, что активность выхода медиатекстов на тему спорта в исследуемый период была почти такой же, как и в столичной прессе (рис. 2).

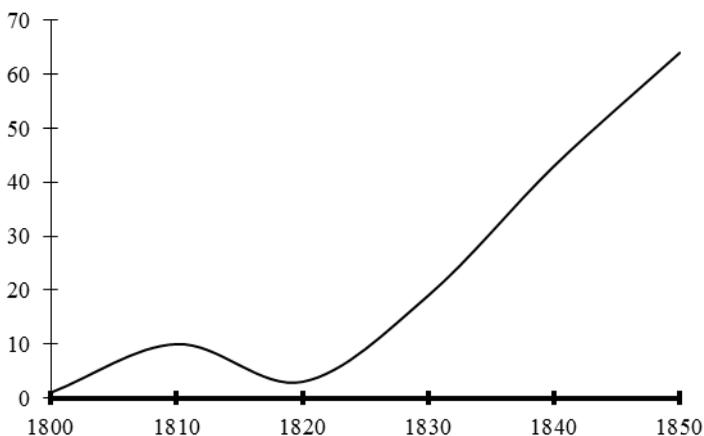

Рис. 2. Динамика роста числа спортивных публикаций в провинциальных периодических изданиях в 1800–1850 гг.

График, представленный на рис. 2, показывает, что объем публикаций о спорте в регионах почти в два раза меньше, чем в столичной прессе. Это объясняется тем, что вхождение спортивной темы в информационное пространство провинциальной печати шло очень мед-

ленно. Хотя верен тот факт, что в начале XIX в. в ряде крупных и средних российских городов жители проявляют интерес к спорту. Причем это были представители не только высшего общества (дворянство), но и других слоев населения. Однако по каким-то причинам данные события не привлекали внимания местных журналистов. Тем не менее в путевых очерках различных путешественников находятся подтверждения тому, что в провинциальной России часть населения увлекалась физическими упражнениями (занятиями).

В частности, это наблюдается в одном из очерков в сборнике писателя, доктора словесности А.Г. Глагольева «Записки русского путешественника. С 1823 по 1827 год». Т. 1. Разделы, входящие в очерк «Тула» так и называются: «Гимнастические забавы: плавание, беганье на коньках, кулачный бой», «Травля звериная, травля гусей и голубиная охота». При описании нрава и быта жителей города автор обращает внимание не на дворянские увлечения, а на проявление интереса к некоторым видам спорта тульских оружейников. *«Оружейные мастера трудолюбивы, ловки, проворны; и в особенности отличаются удальством в гимнастических забавах, как то в плавании, в беганьи на коньках и в кулачном бою. Большую часть времени они проводят на заводе, в мастерских или в кузницах перед горнами; а в жаркие летние дни часы отдыха посвящают купанью. Нельзя не удивляться их отважности, когда они бросаются головою в реку с сваи, с моста и с шлюз четырех– или пятисажженной высоты. На воде они довольно легки и употребляют почти все доселе известные способы плавания; хотя не учатся им по правилам и даже не подозревают, что есть для них правила и школы. Как же скоро Уна покроется льдом, то начинается беганье на коньках; и некоторые из бегунов с отличною ловкостью выводят на льду буквы, слова и разные узоры»*¹. Данный рассказ датируется 10 марта 1823 г.

Помимо плавания и катания на коньках А.Г. Глагольев упоминает и о проводимых в этом городе кулачных боях, включая представление их участников: *«Что касается до кулачных боёв, они продолжаются*

¹ Глагольев А.Г. Записки русского путешественника. С 1823 по 1827 год. СПб., 1837. Т. 1. С. 23.

всю зиму по воскресеньям и оканчиваются в понедельник первой недели Великого поста. Во всё это время Тула разделяется на две стены, на Московскую и Градскую; каждая имеет своих богатырей и своего атамана. Не могу умолчать об одном из них, которому за необыкновенную его силу дано прозвание Родимого. Не ожидайте от него ни ловкости Римских бойцов, ни искусства Английских боксеров; это просто огромная движущаяся машина: но, говоря Русскою иперболою, – голова у него с пивной котёл, между бровями пядень, между плечами кося сажень»¹.

Тем самым автор доказывает, что гимнастические забавы не чужды были и простолюдинам.

Кроме того, в этом же очерке дается общая оценка того, что представлял спорт (точнее, «гимнастические забавы»²) в те годы: «Мимоходом заметим, что коньки и ходули известны были во многих местах России исстари и, кажется, должны быть отнесены к народным Русским забавам; может быть, потому-то они до сих пор и были пренебрегаемые нашим высшим сословием. Но чем не шутит своенравная мода? Она захотела – и тотчас в Москве и Петербурге всю прыткую молодежь подковала коньками или подняла на огромные ходули. Отчего же произошла эта перемена в приличиях вкуса? Оттого, что Англичане и Французы назвали сии забавы громким именем гимнастики; а перенимать у иностранцев и подражать им, в чём бы то ни было, не почитается ли у нас обязанностью каждого благовоспитанного человека?..»³.

Что касается времени выхода спортивных публикаций в провинциальной печати, то они появились только в начале второго десятилетия XIX в. В этот момент выходят: «О изобретении аэростатов и парашютов» (Казанские известия. 1811. № 22 от 13 сент.); Л.В. Измайлов «Нечто о шахматной игре весьма употребляемой меж-

¹ Глагольев А.Г. Записки русского путешественника. С 1823 по 1827 год. СПб., 1837. Т. 1. С. 23.

² Именно под таким названием спорт представлен в оглавлении книги А.Г. Глагольева: «Гимнастические забавы: плавание, беганье на коньках, кулачный бой».

³ Глагольев А.Г. Записки русского путешественника. С 1823 по 1827 год. СПб., 1837. Т. 1. С. 23–24.

ду азиатцами» (Восточные известия. Астрахань, 1817. № 7); «Препровождение времени игры у китайцев» (Казанские ведомости. 1819. № 32) и др.

Далее в 1820-е гг. происходит исчезновение крупных медиатекстов на эту тему, хотя небольшие сообщения без заголовков продолжают печататься. Особенно это заметно в конце десятилетия, когда конные скачки становятся популярными в центральных и южных городах Российской империи в 1826–1829 гг.

В 1830-е гг. спортивная тематика в расширенном виде возвращается на страницы провинциальной прессы. Если анализировать их содержание, то можно сказать, что в них сохраняется такая же тематика, как и в столичной прессе. Во-первых, это официальные документы, непосредственно связанные с созданием спортивных обществ. Это могли быть свод документов о местном обществе или перепечатка указов и различных распоряжений о создании спортивного сообщества из столичной прессы.

Во-вторых, сохраняя традиции раскрытия информации из прошлого, в провинциальных изданиях нередко печатались исторические тексты. Зачастую они были посвящены спортивной (гимнастической) тематике. Например, в газете «Тифлиссские ведомости» был опубликован материал «Древние грузинские игры» (1830. № 27), где подробно говорилось о травле зверей, конском ристалище, игре в мяч.

В-третьих, в это же время выходят публикации, в которых речь идёт о «современных» спортивных событиях, включая обзор проводимых соревнований (в основном скачек), показательных выступлений отдельных мастеров и т.д. Например, крупная заметка «Симферопольская скачка», опубликованная в «Таврических губернских ведомостях» за 21 окт. 1839 г.: *«Скачка проходила 14 октября в присутствии господина Новороссийскаго и Бессарабскаго генерал-губернатора графа М.С. Воронцова при многочисленном стечении посетителей, на приготовленном месте, в 2 часа пополудни. К ней было допущено 15 лошадей российских конных заводов.*

В первый заезд первой пришла лошадь помещика Симферопольскаго уезда Мемет бея Балатукова – гнедой жеребец 4-х лет. Второй пришла кобыла «Грация», 9 лет, генерал-майора Льва Александровича

Нарышкина. Шестиверстный забег они преодолели за 8,5 минут. После 30-минутной передышки состоялся второй забег.

Первым к финишной черте прискакал гнедой жеребец 5 лет того же Балатукова, а вторым – бурый жеребец 5 лет помещика Ильяса Мурзы Вейратского, которые проскакали дистанцию за 9 минут. Должна была состояться перескачка между лошадьми Нарышкина и Вейратского, но седок Нарышкина на нее не явился, почему первый приз был присужден Балатукову, второй Вейратскому»¹.

Кроме того, в местной прессе возобновляется и «техническая» тема в области спорта, посвященная различным техническим новинкам. Помимо привычных материалов о воздухоплавании, в некоторых публикациях речь идет о первых механических конструкциях, которые использовались как тренажеры в разнообразных тренировках, в частности в верховой езде. К примеру, об этом можно прочесть в медиатексте «Железная лошадь», опубликованном в «Прибавлении к Вологодским губернским ведомостям» (1838. № 33 от 13 авг.). В нем говорится об изобретении американцем Риттером железной лошади, которая могла пробежать 20 миль в час.

В 1840-е гг. в провинциальной прессе наблюдается резкое увеличение числа спортивных публикаций. Чаще всего это наблюдается в газетах, выпускаемых в европейской части Российской империи. В эти годы в разных изданиях выходят следующие журналистские материалы: «Новые усовершенствованные ружья» (Вологодские губернские ведомости. 1840. № 4); «Охота за белкою и другими пушными зверями в Устьсысольском, Яренском и Сольвычегодском уездах» (Вологодские губернские ведомости. 1840. № 14–15); «Земледельческий пикник» (Одесский вестник. 1842. № 13); «Суждения о физическом воспитании» (Прибавление к «Виленским губернским ведомостям». 1842. № 14 (перепечатка с газеты «Друг здравия»)); Н.А. Скандовский «О физическом воспитании детей» (Прибавление к «Виленским губернским ведомостям». 1842. № 26–27 (перепечатка с

¹ Смесь // Таврические губернские ведомости. 21 окт. 1839. Цит. по: О. Широков. Столичный ипподром // Крымское эхо от 28 июля 2012. URL: <http://www.kr-echo.info/index.php?name=News&op=printpage&sid=8550>

«Журнала Министерства народного просвещения»)); «Суждения о гимнастике в отношении к здоровью детей» (Прибавление к «Виленским губернским ведомостям». 1842. № 37); «Буй, известная игра в Ярославле» (Ярославские губернские ведомости. 1843. № 50 (неофиц. часть)); «Общественные увеселения на масленице в г. Туле» (Тульские губернские ведомости. 1843. № 10); «Как содействовать правильному росту, стройному образованию всех частей тела и укреплению телесных сил» (Прибавление к «Виленским губернским ведомостям». 1844. № 2); «Правила избирания лошадей, представляемых на Царскосельский конкурс» (Виленские губернские ведомости. 1844. № 17 от 22 апр.); «“Горобеичко” – гимназическая игра в малороссийских селениях Саратовской губернии» (Саратовские Губернские Ведомости. 1846. № 18); «Кулачный бой в Тифлисе» (Кавказ. 1846. № 1); В. Зефиров «Соколиная охота в Башкирии» (Оренбургские губернские ведомости. 1847. № 27) и т.д.

Как видно из представленного перечня журналистских произведений, по сравнению с предыдущим десятилетием редакторы ряда местных изданий заинтересовались общими представлениями о гимнастике. Правда они нередко довольствовались перепечаткой из столичных газет и журналов, но и такой подход – это положительный опыт в продвижении темы спорта (гимнастики) в провинции.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в первой половине XIX в. в провинциальной прессе, как и в столичной, теме спорта удалось занять определенное место в информационном пространстве. Однако объем публикаций был в два раза меньше, чем в московских и санкт-петербургских газетах и журналах. Если рассматривать ситуацию в целом, то следует отметить, что активность в размещении подобных материалов наблюдается лишь в 1840-е гг. Причём этому способствуют только отдельные газеты и журналы, в частности «Виленские губернские ведомости», «Вологодские губернские ведомости», «Таврические губернские ведомости» и ряд других. Остальные издания слабо или практически не проявляют интереса к спортивной тематике.

Это объясняется несколькими причинами. Первая – слабая «раскрученность» спортивной тематики в региональном информационном

пространстве. Несмотря на то, что в первой половине XIX в. спортивные (гимнастические) забавы, особенно подвижные и настольные игры, в той или иной степени были одним из основных видов досуга жителей многих провинциальных городов, но по каким-то причинам их описание для большинства местных изданий не представляло интереса. Поэтому публикаций, посвященных этой теме, было мало. В основном эта информация подавалась в виде коротких сообщений, без заголовков или в виде фрагментов в текстах другой тематики, о чем упоминалось в предыдущих разделах работы.

Другой причиной является соблюдение в те годы определенного шаблона в структуризации содержательного комплекса провинциальных изданий. В местных газетах в официальной части печатались указы и приказы, а в неофициальной части (которая порой выходила нерегулярно) размещались различные исторические очерки, практические советы, частные объявления, статистические сведения, реже – перепечатки из столичных изданий. Информация делилась на сведения из столицы, провинции и из-за рубежа. И практически везде отсутствовали тематические рубрики. Исключение составляли политика, сельское хозяйство, литература.

В провинциальных журналах существовала другая проблема с наполнением содержания выпусков спортивными публикациями. Авторами в провинциальных изданиях обычно выступали или редактор, или представители научной и творческой интеллигенции. Поэтому в большинстве случаев в них печатались литературные произведения или информация о различных научных изысканиях. Материалы, раскрывающие аспекты местной общественной жизни, выпускались очень редко, за исключением крупных событий (открытие гимназий, приезд царской семьи и т.д.). О спорте почти не писалось, как, впрочем, и о других узких сферах деятельности.

Еще один подтип спортивных публикаций первой половины XIX в., в котором был ярко выражен прагматический потенциал, – это критические рецензии в журналах на первые книги о спорте. В 1810–1840-е гг. наблюдается активизация выпуска книжных изданий о различных видах спорта. В большинстве случаев они были переводные, но встречались и книги российских авторов. Условно их можно раз-

делить на три группы. К первой группе относятся сочинения о настольных видах спорта: шахматах, шашках, бильярде. Например: И.А. Бутримов «О шахматной игре» (СПб., 1821); Б. Бендикс «Сборник шахматных партий и окончаний с объяснительными примечаниями, раскрывающими секреты игры и искусство современной игры» (СПб., 1824) (B. Bendix «Recueil de parties d'échec, tant entières que finales, avec des observations instructives, par lesquelles l'on démontre des secrets de ce jeu et l'art de le jouer en perfection». Vol. 1–2 (St.-Petersbourg, 1824)); А.Д. Петров «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игр Филидора и примечание на оные» (СПб., 1824); А.Д. Петров «Руководство к основательному познанию шашечной игры или искусство обыгрывать всех в простые шашки» (СПб., 1827); К. Крупский «Шахматная стратегия или практический способ совершенствования в игре в шахматы» (Варшава, 1835); «Таблицы игр в простые шашки, служащие введением в общую правильную игру в шашки» (М., 1836); К.А. Яниш «Открытие в игре шахматного коня» (СПб., 1837); Л. Лабурдонне «Новейшее начертание о шахматной игре» (М., 1839); «Новейшие правила игры на бильярде» (М., 1840); «Игра лото, с описанием и приложением к ней» (М., 1843); «Правила шахматной игры» (М., 1843); К.А. Яниш «Новый анализ начал шахматной игры» (Дрезден; Санкт-Петербург, 1842–1843); «Игры для всех возрастов» (СПб., 1844); «Описание вернейших правил к изучению шашечной игры, составленное по лучшим источникам» (М., 1850) и т.д.

Ко второй группе относятся книги, посвященные активным видам спорта: плаванию, фехтованию, гимнастике, верховой езде, конным скачкам, охоте, танцам¹ и т.д. В частности: «Искусство плавать» (М., 1807–1808); П. Цорн «Коновал (новый российский опытный), совершенный кавалерист, знаток, ездок, охотчик и заводчик» (М., 1809); В. Левшин «Книга для охотников до звериной птичьей и рыбной ловли, также до ружейной стрельбы» (М., 1810); В.Л. Пушкин «О кару-

¹ Согласно первым классификациям, изданным в конце XIX в., последние два вида – охота и танцы, относились к спорту, поэтому и были включены в перечень. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1900. Т. XXXI. С. 298.

селях» (М., 1811); А. Вальвиль «Рассуждения об искусстве владеть шпагою», (СПб., 1817); «О усовершенствовании конских заводов в России» (СПб., 1818); «Кавалерийская школа: Содержащая правила искусства верховой езды и совершенной выездки лошадей» (Сочинение господина де-ла-Гиериньера; Перевод с французского Ермолая фон Миллера». СПб., 1820); «Книжка карманная для егерей и птицеводов, содержащая описание диких зверей, обитающих в России» (М., 1822); П. Мамонтов «О конских ристаниях и скаковых лошадях» (М., 1824); «О конском ристании или скачке, как существенном вспомогательном средстве к усовершенствованию конских пород» (СПб., 1827); Бертин «Игры детства или гимнастика обоих полов с нравственными историями» (М., 1827); Лунин «О приготовлении лошадей к скачке или выдержке скакунов» (М., 1828); А. Петров «Новейший и опытный рыболов, или Собрание редких и любопытных секретов в пользу и удовольствие охотников до рыбной ловли» (М., 1829); «Правила для конских скачек в Новороссийских губерниях» (Одесса, 1829); И. Гурьянов «Ручная книга для егерей и охотников» (СПб., 1830); «Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова, и обратно в Москву» (М., 1830); П.Н. Мяснов «О воспитании скаковых лошадей в России и приготовлении их к скачке, в отношении возможности общего улучшения всех видов коннозаводства в государстве» (М., 1833); «Ручная книжка для охотников до голубей» (М., 1834); И.Ф. Бобинский «Краткая иппология и курс верховой езды» (СПб., 1836); «Рыболов опытнейший, содержащий в себе “Карманная книга для егерей и охотников, или Бесценный подарок любителям звериной ловли и птичьей стрельбы”» (М., 1836); «Книга заводская, кровных и скакавших лошадей в России» (СПб., 1836); «Скаковой календарь высочайше утвержденного Лебедянского скакового общества с 1825 по 1837 год» (СПб., 1837); «Егерь, псовый охотник и стрелок» (М., 1838); «Каким образом всякий может сделаться необыкновенным силачом в самое короткое время» (М., 1838); Г.Г. Паули «Руководство к плаванию, с показанием пользы этого искусства в войне» (СПб., 1838); Г.Г. Паули «Зимние забавы и искусство бега на коньках, с фигурами» (СПб., 1838); А. Максин «Изучение бальных танцев» (М., 1839); «Карманная книжка русского барина-охотника, или Собрание

наставлений, относящихся к рыбной, птичьей и звериной ловле и к стрельянию птиц и зверей» (М., 1840); Н.В. Соколов «Начертание правил фехтовального искусства» (СПб., 1843); Л. Берггофер «О коннозаводстве вообще и преимущественно в России» (М., 1845); Н.М. Рутт «Псовая охота» (СПб., 1846); «Заводская книга выигравших и бежавших лошадей на рысистых бегах в России» (СПб., 1847); А.М. Венцеславский «Терминология псовой охоты» (СПб., 1847–1849); В.И. Коптев «О породе лошадей вообще и в особенности скаковой и рысистой» (М., 1849) и др.

К третьей группе относятся книги об общем физическом (телесном) воспитании, о подвижных играх. Среди них выделялись издания: П.Н. Енгальчев «О физическом и нравственном воспитании с присокуплением словаря добродетелей и пороков» (СПб., 1824); «Игры детства, или Гимнастика для обоих полов, с нравственными историчками» (М., 1927); П.Н. Енгальчев «Словарь физического и нравственного воспитания» (СПб., 1827); «Безмездный врач: Соч. полез. для всякого возраста и состояния, основанное на правилах гигиены и врачей. Гимнастики» (М., 1830); «Гимнастика для юношества или Основные правила различных упражнений, служащих к укреплению тела» (СПб., 1834); Г.Г. Паули «Краткий обзор некоторых частей гимнастики и калистинии для девиц» (СПб., 1834); Ф. Дрейер «Нечто о гимнастике» (М., 1841); К.И. Грум «Руководство к воспитанию, образованию и сохранению здоровья детей» (СПб., 1843. Т. 1–3); Ф.З. Герман «Педагогическая гимнастика, с включением плавательного искусства» (СПб., 1847) и др. В таких книгах обычно прописывались польза того или иного вида спорта, правила предлагаемой спортивной игры, а также давались рекомендации по обучению. В частности, в «Словаре физического и нравственного воспитания» П.Н. Енгальчева говорится: *«Беганье, столь пренебрегаемое в наши времена и предоставляемое единственно молодым людям, чувствующим в оном надобность, было у греков подчинено правилам гимнастики. Оно производит сильнейшее потрясение органов живота и груди; открывает скважины кожи, умножает теплоту, делает тело проворным, гибким и крепким.»*

Воланы могут занимать в полной мере прекрасный пол, и сие телодвижение довольно сильно и полезно. Такова же и игра в горелки.

Фехтование, так же как танцы, придает телу вид и осанку превосходную, походку непринужденную. Делает молодого человека ловким, способствует к развитию и поворотливости мускулов и в то же время есть самое лучшее движение для здоровья. От сего телодвижения делается твердость в ногах, походка приятная и воинственная и приобретается проворство и мужественность. Игра в шары или в кегли способствует обращению крови, производит испарину и много пособляет здоровью»¹.

В качестве дополнительной информации во многих спортивных книжных изданиях обычно прилагались рисунки. Кроме того, могли присутствовать игровые задания или занимательные задачи.

При общих положительных тенденциях в российском обществе первой половины XIX в. «спортивные» издания воспринимались неоднозначно, хотя благодаря им предоставлялась возможность узнать, как с пользой провести свой досуг (спорт в это время воспринимался именно так). Фактически выход каждой книги о спортивных увлечениях оказывался в поле зрения журналистов одного или сразу нескольких изданий.

Рецензии на книги размещались в литературных и библиографических разделах и выходили в трех видах: краткие сообщения, критические заметки и статьи. Каждый автор по-своему раскрывал будущим читателям книги информацию о ней. Чаще всего она была представлена в виде отзыва. В нем содержалась краткая характеристика издания, в которой критик давал общие сведения о том, что вышла такая-то книга, в таком-то издании, такого-то автора, и далее следовало «предлагаем познакомиться с ней» или простой отзыв – «книга неплоха». Однако существовал второй вариант, согласно которому журналист не только представлял новинку, раскрывая подробно содержание книги, но и пытался разобраться в сути вида спорта, о котором в этой книге шла речь.

¹ Енгальчев П.Н. Словарь физического и нравственного воспитания. СПб., 1827. Т. 2. Цит. по: Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000027/st056.shtml>.

В частности, в 1820-е гг. критик Александр Бестужев в журнале «Сын Отечества» представил на суд читателей конструктивный отзыв о книге «Кавалерийская школа: Содержащая правила искусства верховой езды и совершенной выездки лошадей» (Сочинение господина де-ла-Гиериньера.; Перевод с французского Ермолая фон Миллера. СПб., 1820). В тексте с самого начала чувствуется, что Бестужев знает, о чем идет речь с профессиональной точки зрения. Прежде всего, это выражается в том, что в начале критической статьи автор обращает внимание на историю вопроса искусства верховой езды. Далее критик дает двоякую оценку самого издания. С одной стороны, восхищается тем, что такая книга вышла в свет, она необходима для российского общества. С другой стороны, резко осуждает огрехи переводчика, который позволил себе не только сократить текст оригинала, но и допустить неточности в переводе ряда общепринятых в то время терминов, предлагая взамен искусственные выражения. В доказательство А. Бестужев приводит следующие высказывания: «*Вид (air). Кому придет в голову, что сей вид есть ход лошади? Что air ha, значит низкий вид (!), вместо обыкновенного хода (каковы: рысь, шаг и пр.), что air relevés, высокие виды, вместо прыжков каковы суть: кабриоль, курбец, балошада и другие; но здесь сих загадок такое множество, что трудно одной отдать преимущество*»¹.

Однако нередко многие литературные критики очень скептически относились к такого рода сочинениям. Причем жесткая оценка давалась не только «спортивным» книгам, но и видам спорта, которые в них были описаны. В качестве примера можно привести отрывок из рецензии на книгу «Правила бильярдной игры, содержащие показание всех французских партий и партии кеглей с казино, по употреблению Миланскому и Болонскому, также точное и ясное наставление об исполнении этой игры. С фигурами» (Перевод с французского. М., 1826. in 16. 125 стр.). В нем говорится: «*Сочинитель предлагает систематическое изложение оснований и правил бильярдной игры. Забавно, что он говорит о бильярде, как о важной науке. Впрочем, один из артистов бильярдной науки уверял нас в достоинстве этой*

¹ На перевод кавалерийской школы // Сын Отечества. 1820. Т. XXVI. С. 311.

книги и потому рекомендуем ее – охотникам играть в бильярд. При конце приложены рисунки. Недавно извещали мы читателей о появлении Теории танцевания; Теория карточных игр издана уже давно; Теория шахматной игры изъяснена в особой книге; теперь явилась и теория бильярдной игры. Альманахи у нас выходят десятками, водевили дюжинами; стишков девать некуда: советуем кому-нибудь перевести теорию завязывания галстуков, и переводить еще издаваемые для дам курсы истории, политической экономии, философии; также побольше красивых писем к Софии, к Эмили, к Пальмире, о мифологии, физике, астрономии – и после того, пусть какой-нибудь педант жалуется на бедность нашей литературы!..»¹ Здесь основной задачей является рецензирование новой книги о бильярде. Тем не менее в рецензии критик с сарказмом обращает внимание не только на новую теорию бильярда, но иронически отзывается о теории еще трех видов спорта: танцев, шахмат и карт (согласно первым классификациям спорта все эти виды относились к данному роду деятельности). В те годы это было вполне объяснимо. Однако не все члены светского общества, включая литературных критиков, воспринимали их как должное, потому что попытка прописания первых теорий, правил, связанных со спортивными играми воспринималась как непонятная диковинка.

Другим образцом служит рецензия в журнале «Библиотека для чтения» на одну из первых книг об игре в шашки «Таблицы игр в простые шашки, служащие введением в общую правильную игру в шашки, сочиненные любителем цифр» изданную в Москве в 1836 г.² В книге было представлено 30 задач и 2 этюда по русским шашкам с решениями. Такой подход в то время считался новаторским. Но первый опыт создания подобных сборников не был высоко оценен соотечественниками. Критик журнала очень язвительно отнесся к предложенным вариантам игры в шашки, в то же время признавая, что сам не любитель этой игры: «Кто из вас любитель играть в дамы? То есть, не то, чтобы с дамами, которые играют нами как шашками,

¹ Библиография // Московский телеграф. 1826. № 4. С. 393.

² Литературная летопись // Библиотека для чтения. 1836. Т. 17, ч. 2. С. 50.

но в дамы аих dames, в шашки, играя шашками, вместо дам, а не дамами, вместо шашек? Признаемся мы не любители этой игры»¹.

Тем не менее при всем скептицизме критиков по поводу таких книг, начиная с 1830-х гг. в столичных журналах стали появляться и положительные рецензии. В частности, в журнале «Отечественные записки» за 1839 г. представлен благожелательный отзыв на книгу Л.Ш. де ла Бурдоне «Новейшее начертание о шахматной игре» (Перевод с французского. М. : Тип. Ивана Смирнова, 1839). В нем, прежде всего, расхваливается сама книга: *«Вам, двигателям шахматных армий, свершителям битв без грома пушек и ружей, без пролития крови, вам приносит в подарок довольно хорошо переведенную им книгу г. Н. К.»²*. Кроме того, здесь идет одобрение не только самой шахматной игры, но и ее игроков: *«Что ж?! Шахматная игра самая лучшая из всех игр. Те, которые садятся за шахматную доску, садятся не с апатическим желанием предаться вполне нравственному и вполонину физическому усыплению; шахматная игра требует самого неусыпного внимания, самых тонченных соображений, всей игры рассудка. Это самая благородная игра: даже строгая математика, не любящая вообще никаких игр, иногда любит ссылаться и указывать на нее. Многие великие полководцы страстно любили эту игру, – и наоборот, великие игроки в шахматы являются совершенными полководцами»³*.

В целом можно сделать вывод о том, что рецензии на «спортивные» книги, представленные в журналах, четко отражали отношение общества к внедряемым видам спорта. Исходя из анализа рецензий на сочинения о «спорте» в прессе первой половины XIX в., можно сделать заключение о том, что в начале века дается отрицание подобных изданий, как и всего «нового и неизвестного» и, следовательно «непонятого». Затем в 1820-е гг., появляется нейтральная оценка, представляемая не «за» и не «против». А далее, уже в конце 1830-х гг., даются положительные отклики на «спортивные» книги.

¹ Современная библиографическая хроника. Русская литература // Отечественные записки. 1839. Т. 10. С. 171.

² Там же.

³ Там же.

Выводы

Процесс формирования спортивного текста в российской прессе первой половины XIX в. как нового явления был достаточно сложен. Во многом это объяснялось тем, что зарождение информации о спорте в этот период шло не постепенно, от одной формы к другой, а одномоментно. Согласно проведенному исследованию с первых лет изучаемого столетия спортивная информация фактически сразу появилась в трех видах: фрагменты, малые тексты и крупные тексты. У каждого из этих видов в ходе анализа были выявлены свои положительные и отрицательные стороны.

Структурные характеристики фрагмента изначально позволяли сосредоточить внимание журналистов на конкретном спортивном событии (явлении), превращая отдельный эпизод в короткий рассказ, порой занимающий большую часть основного текста. Однако само журналистское произведение по содержанию могло быть далеким от спортивной тематики и не привлекало внимание необходимой аудитории.

Переход спортивной информации из фрагмента (эпизода) в цельную текстовую форму предоставил новые возможности для развития медиатекстов. Свою роль в этом процессе сыграли и жанры как устойчивые виды текстов. Они смогли не только выявить особые формы раскрытия информации на основании структурно-композиционного конструирования текста, но и расширить взгляды, выработать определенные отношения журналистов, просветителей к спорту как новой сфере деятельности, активно внедряющейся в российское общество.

Малые жанровые формы (объявления, новостные сообщения), с одной стороны, позволили спортивному тексту приобрести «самостоятельность», выраженную через целостность сообщения; организованность и построение изложения спортивных фактов; содержание определенных смыслов, включая ввод специализированных терминов; системность (в плане «нарастающего» постоянства выхода); в ряде случаев эксплицитность актуальности событий. С другой стороны, здесь присутствуют и отрицательные моменты. К ним можно отнести: нередкое использование автором сообщения повествовательного стиля, позволявшего превращать текст в субъективную оценку события; в содер-

жании – ввод в короткие сообщения излишних эпитетов, сравнений, метафор, отступлений; присутствие в сообщениях непроверенных фактов; описание анекдотических, на грани вымысла ситуаций; в первые десятилетия – отсутствие в сообщениях временных координат спортивного события (фиксация времени события была представлена через выражения «недавно состоялась», «на днях», «намедни» и т.д.) и др. Во многом это объясняется тем, что в этот период шло формирование информационного комплекса спортивной тематики и правила представления новостных и рекламных сообщений еще не были выработаны.

Крупные медиатексты о спорте первой половины XIX в., благодаря своим свойствам, изначально предполагали глубину раскрытия спортивной информации. Их первоочередными задачами были актуализация спортивной тематики для современников; выражение авторской оценки к спорту как внедряющегося феномена. Это происходило благодаря представлению как объективной, так и субъективной картины происходящего спортивного события; продуманному построению комбинаций смысловых уровней, благодаря чему текст понятен для читателей; введению в текст ряда смысловых доминант (понятийной, фоносемантической, в каком-то случае эмоциональной (для создания яркой картинки спортивного явления)); динамичности повествования. Но при всех положительных характеристиках присутствуют и недостатки. Такой текст нередко балансировал на грани документальности и художественности, так как часть моментов приукрашивалась журналистом, тем самым он мог терять достоверные детали описываемого спортивного явления.

Подводя итог, можно резюмировать следующее. На основании проведенного исследования автором монографии было выявлено, что спортивный медиатекст как полноценный тип публикации был сформирован уже в первую треть XIX в., а в последующие годы происходит только его модификация, что определяет новизну в изучении вопроса истории спортивной журналистики. Это подтверждается не только самими публикациями, но и многообразием жанровых форм, в которых они были представлены.

3. ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА СПОРТА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ СПОРТИВНЫХ ИЗДАНИЙ

В 20-е гг. XIX в. в непростых социально-политических условиях развития общества в России журналистика – уже устойчивая сфера деятельности, которая может позволить себе повлиять на развитие других систем путем активного информирования о различных течениях, направлениях, зарождающихся и происходящих в социуме. Ее помощь в формировании и продвижении спорта неопределима. Именно она первой, исходя из частично собственных, частично аудиторных интересов, вводит понятие «спорт» в публицистический текст и, соответственно, в состав русского языка. Журналисты способствовали тому, что «спорт» стал устойчивым термином. Хотя определение этого понятия на протяжении XIX в. постоянно эволюционировало, наполняясь новым содержанием. Происходящий процесс семантической деривации позволил образовывать новые значения, неразрывно связанные со спортивной деятельностью. И это были не только простые термины, но и терминологические словосочетания, позволяющие раскрыть частные моменты, происходящие в спорте; дать характеристики «человеку спорта»; трактовать специфику отдельных видов и т.д.

Возникшая терминологическая система способствовала зарождению специализированной спортивной прессы. Эти издания характеризовались едиными типовыми признаками – предоставлением различных взглядов (научных, авторских) на проблематику формирования самого спорта, освещением развития определенных видов спорта, жанровым разнообразием (исходя из контекста культурно-просветительской эпохи XIX в.), включая не только журналистские, но и литературные произведения. Основная функция таких изданий состояла в удовлетворении информационных потребностей предста-

вителей общества, интересующихся спортом не только как досуговой забавой, игрой, но и как зарождающимся видом профессиональной деятельности.

3.1. Когнитивно-информационная природа термина «спорт» и его функционирование в российских медиатекстах

Каждая из существующих предметных областей, включая спортивную журналистику, обладает своей терминологической системой, которая структурируется наличием взаимосвязанных единиц, в качестве которых выступают специальные понятия – термины. Согласно исследованиям профессора О.С. Ахмановой, термин характеризуется как «слово или словосочетание специального (научного, технического, военного и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов»¹.

Каждый вводимый в медиатекст термин имеет свою специфику, обладает полифункциональностью и может рассматриваться с различных позиций, начиная от научного и профессионального объяснения чего-либо (предмета, явления) и заканчивая бытовой формой его использования. Существенным фактором при исследовании функционирования тех или иных терминов в журналистских публикациях являются обнаружение и раскрытие продуктивных терминообразовательных элементов, обоснование их позиций в текстообразовании, анализ возникающих системных отношений.

Для нас первостепенными понятиями являются «спорт» и «гимнастика», которые стали основополагающими для раскрытия формирования спортивной деятельности в России и ее представления в периодической печати XIX в. Они входят в систему спортивной терминологии, которая по своей сути имеет особый статус. Определяя ее значение, исследователь Е.И. Гуреева пишет: «Спортивная терминология

¹ Термин // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 474.

является составной частью языка спортивной коммуникации. Она характеризуется рядом специфических черт: открытостью, широким кругом пользователей, динамизмом, слабой отграниченностью от общелитературной лексики, оценочным характером наименований, наличием значительного числа синонимов, близостью к технической терминологии»¹. Кроме того, она указывает на то, что «язык спортивной коммуникации включает в себя профессиональные единицы, различные по форме, содержанию и функционированию. Терминология выступает ядром данной системы единиц, она представлена общенаучными и межотраслевыми терминами, отраслевыми и узкоотраслевыми единицами, а также узкоспециальными наименованиями. Наиболее многочисленную группу в спортивной терминологии составляют узкоотраслевые термины. Вокруг терминологии в языке спортивной коммуникации группируются профессионализмы, профессиональные жаргонизмы и номенклатурные обозначения. Границы между отдельными стратами языка спортивной коммуникации достаточно подвижны: возможен переход профессионализмов и жаргонизмов в разряд терминов»².

Для полноценного анализа любой возникающей терминосистемы, лингвист Л.А. Морозова предлагает три метода ее изучения:

- деривационный, обусловленный компонентным составом структуры терминов и закрепленностью отдельных терминоэлементов за определенными категориями понятий;
- функционально-полевой, обнажающий семантику терминов конкретных областей знания с помощью фиксированных средств профессиональной речи и через соотнесенность их в общем полевого пространстве;
- лексический, основанный на межсистемных, межотраслевых и межнаучных связях и отношениях³.

¹ Гуреева Е.И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте. Челябинск, 2007. С. 5.

² Там же. С. 148.

³ Морозова Л.А. Терминознание: Основы и методы. М., 2004. С. 78–79.

В нашем случае при изучении формирования и развития понятийного аппарата спортивной медиакоммуникации, не все методы в полном объеме подходят для анализа. Поэтому мы сужаем их до необходимого минимума.

В этом случае для нас становится важным:

- определение появления и первоначальных интерпретаций понятий «гимнастика» и «спорт»;
- исследование содержательной структуры выделяемых терминов;
- рассмотрение их когнитивной обусловленности в рамках вхождения в медиатексты.

Прежде чем рассмотреть путь появления термина «спорт» в российской периодической печати, обратим внимание на его историко-лингвистическую составляющую.

«Sport» как слово известно в Европе с XVII в. Одним из первых источников стал королевский указ. В 1617 г. король Шотландии и Англии Яков I (James I) (1566–1625) издал известную декларацию «Book of Sports», в которой говорилось, что в графстве Ланкашире (Lancashire) для разрешения конфликта по вопросу о воскресных рекреациях между пуританами и католиками в воскресенье были возможны танцы, стрельба из лука, прыгание, майские игры и т.д. в удобное время, даже ради пренебрежения богослужения. Но в то же время были запрещены игры с медведем, травля быков и боулинг. В 1618 г. эти правила касались всей Англии¹. В 1633 г. Декларация выходит в виде отдельной книги «The Kings Maiesties Declaration to His Subiects. Concerning lawfull Sports to bee vsed» (London: Robert Barker and John Bill).

Согласно этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, понятие происходит «из англ. sport – сокращения первонач. disport “развлечение, забава”, disport “развлекать, забавляться; резвиться”»,

¹ Об этой декларации было впервые упомянуто в России в статье «Общество для распространения религиозного чтения» (Православное обозрение. 1862. Т. 8. С. 112).

ср.-англ. *disporten* – то же из ст.-франц. *desporter*, буквально “относить, отвлекать (от работы)”¹.

Сегодня существует и иная точка зрения, предложенная лингвистами. Согласно ей «существительное *sport* “спорт” происходит от глагола *to sport* “развлекаться”, существующего в английском до сих пор и восходящего через посредство старофранцузского языка к глаголу латинского языка *disportō, disportāvī, disportātūm, disportārē* “нести в разные стороны; разносить”. Глагол *disportārē* состоит из приставки *dis-*, обозначающей движение в разные стороны (≈ приставка *раз-/рас-* русского языка), и глагола *portārē* “нести; везти”. В классической латыни приставочного глагола *disportārē* не было. Данные романских языков говорят о том, что глагол *disportārē* должен был появиться в народной латыни, возможно, с опорой на распространенный глагол с другой – похожей – приставкой *dē-*, обозначающей отделение: глагол *dēportārē* буквально означает “отнесение, унесение; вывоз”, ср. депортация»². Несмотря на небольшие разночтения в его происхождении (французское или латинское), само слово «спорт» по своим лексическим характеристикам все же относится к англицизмам.

Англичане активно стали употреблять понятие «спорт» только в конце XVIII в. – начале XIX в. Во многом этому поспособствовало и вышедшее в Великобритании в октябре 1792 г. первое издание, посвященное спорту – «*Sporting magazine*» («Спортивный журнал») (1792–1871). Затем категория перешла во Францию и получила распространение сначала по европейскому континенту и далее по всему миру.

В этот период в России все телесные упражнения (включая борьбу, бег, конские скачки и др.), а также различные подвижные игры были объединены термином «гимнастика». Впервые ее официальная трактовка этого слова встречается в «Новом Словотолкователе» (1803), о

¹ Спорт / Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2004. Т. 3. URL: <http://www.zipsites.ru/slovari/etim/>

² Английский язык // Энциклопедия «Вокруг света». URL: <http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php>

чем было упомянуто в предыдущей главе. Ряд теоретиков спорта и спортивной журналистики в своих исследованиях фактически не придают гимнастике должного значения, путая ее с видом физических (разминочных) упражнений, которые в те годы имели собственное название «телоупражнения, или телесные упражнения». Однако это вполне объяснимо, так как гимнастика в те годы имела двойное значение: как объединяющие название ряда видов спорта, культивирувавшихся в начале – середине XIX в., и как самостоятельный предмет.

Поэтому в нашем исследовании каждое упоминание термина «гимнастика» рассматривается по-разному. Основной анализ идет от контекста, в котором этот термин был представлен.

«Гимнастика» как обобщающий термин, отображающий физическую деятельность, в целом использовалась вплоть до 1880-х гг., хотя понятие «спорт» было введено в русский язык в 1816 г. Однако приоритет «гимнастики» в лексиконе повседневной жизни россиян, особенно представителей светского общества, был настолько высок, что понятию «спорту» пришлось ждать определенное время для полноценного вхождения в лексикон русского языка. Этот факт подтверждается через различные источники информации, относящиеся к XIX в.

Прежде всего, это прослеживается через содержание энциклопедий и словарей, выпускаемых в то время. В «Энциклопедическом лексиконе» «гимнастика» определялась как искусство и как научное направление, имеющее свои роды, уходящие корнями в Древнюю Грецию: «Гимнастика – искусство доставлять телу, посредством упражнений, ловкость, проворство, крепость и здоровье, словом, наука телосложения. В Греции гимнастика разделялась на *военную*, которая учила нападению и защите; *врачебную*, которой целью было сохранение здоровья, и *атлетскую*»¹. Далее были даны объяснения, что входило в каждый род: «Первая [гимнастика. – Е.В.] состояла в скором беге на ногах, ловкой езде верхом и в колесницах, прыгании, борьбе, метании дротиков и стрельбании из лука. Вторая, кроме некоторых из этих упражнений, заключала в себе пляски, игру мячом. Третий род гимнастики назывался иначе *аионистикой*, потому что он был

¹ Гимнастика // Энциклопедический лексикон. СПб., 1838. Т. XIV. С. 232.

главным предметом народных игр (aion)»¹. Затем Плюшар представлял «современный» взгляд на данный вид деятельности, который доказывает: «В настоящее время гимнастикою и гимнастическими опытами называют все вообще упражнения, придуманные для сообщения телу ловкости, крепости, красоты, и для развития в нем мышечной силы, и отчасти исчисленные в статье “Гимназия”»². Для них бываюи иногда учреждаемы особые заведения, Гимнастические институты, где собраны все снаряды, пособия и приборы, принадлежащие к искусству»³.

В составленном Н. Кириловым «Карманном словаре иностранных слов...» термин «гимнастика» трактуется своеобразным способом: «Телесные упражнения, как-то: прыгание через рвы, влезание на мачты, фехтование, верховая езда и проч.»⁴. При всей краткости объяснения в нем проявляется необычность, которая заключается в том, что первые два перечисленные вида – «прыгание через рвы» и «влезание на мачты» – никогда не выделялись исследователями как отдельные не до, не после выхода словаря. Дефиниция «спорт», также как в «Энциклопедическом лексиконе», здесь не присутствует из-за приостановки словаря на слове «ордер».

Тем не менее и в первом полностью оконченном энциклопедическом издании – «Словаре церковно-славянского и русского языка» была рассмотрена лишь «гимнастика», причем только как вид деятельности: «искусство укреплять тело, делать его гибким и ловким посредством упражнения в разных телодвижениях»⁵.

В последующем «Справочном энциклопедическом словаре» лингвистом А.В. Старчевским дается определение «гимнастики» как целой науки: «Искусство выправлять тело через разные упражнения и

¹ Гимнастика // Энциклопедический лексикон. СПб., 1838. Т. XIV. С. 232.

² В тот период составители ряда энциклопедий и словарей определение «гимнастика» редко выделяли как самостоятельную статью. Обычно ее толкование можно было найти в рамках статьи «Гимназия».

³ Гимнастика // Энциклопедический лексикон. СПб., 1838. Т. XIV. С. 232.

⁴ Гимнастика // Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1845. С. 41.

⁵ Гимнастика // Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 1. С. 261.

доставлять ему крепость, ловкость, здоровье. Наука эта получила начало в Греции, где она разделялась на военную, врачебную, атлетическую. Первая состояла в бегание взапуски, езде верхом и на колесницах, борьбе, метании дротиков и стрел. Вторая – в плясках и играх мячом; атлетическая или аионистика, собственно “гимнастика” изучалась особым классом народа – атлетами. В Петербурге гимнастическая школа плавания заведена известным гимнастом Паули, который довел свое тело до удивительной степени ловкости и силы, подымая с земли до 14 пудов веса»¹.

Примечательным в данном словаре становится и то, что в нем впервые делается попытка дать определения людям, занимающимся спортивными видами. В одном случае А.В. Стречевский их называет «атлеты», в другом использует слово «гимнаст».

В 1860-е гг. теоретик русской словесности В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» предпринял попытку замены греческих дефиниций «гимнастика» и «гимнастик»² на русские слова «ловкосилие» и «ловкосил». Он писал: «Гимнастика ж. *ловкосилие* искусство укреплять тело человеческое и делать его сильным, ловким и гибким, упражняя его в телодвижениях; бег, прыжки, скачка, ломка, лазанье, плавание, борьба и пр.; иногда так называют и самое устройство для упражнений этих или гимнастическое заведение. Гимнастик м. *ловкосил*, знающий все приемы телесного упражнения»³. Хотя английские слова «спорт» и «спортсмен» уже существовали, но их еще мало использовали в обиходе россиян. Это стало одной из причин, почему автор «Толкового словаря живого великорусского языка» не обратил на них внимание. Другой причиной вполне могла стать «приверженность» к русской словесности. Необходимо отметить еще один момент: в этом источнике информация о гимнастике не была выделена в отдельную статью, а была представлена в тексте о «Гимназии».

¹ Гимнастика // Старчевский А.В. Справочный энциклопедический словарь. СПб., 1854. Т. 3. С. 425–426.

² Согласно современным понятиям это гимнаст.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 331.

Еще одним источником информации, в котором гимнастика раскрывается как предмет занятий, можно считать ряд официальных документов. Например, в «Уставе учебных заведений, подведомых Университетам». Согласно п. 8 раздела «Общие распоряжения»: «в гимназиях было разрешено содержать учителей танцевания, музыки и телесных упражнений (гимнастика), если то позволяют доходы оной»¹. В п. 20, где определяется недельная предметная нагрузка учащихся, говорится о том, что «ежели в какой Гимназии введены будут гимнастические искусства, то оным обучать пополудни, по окончании учения»². Тем не менее в каждом учебном заведении России был свой подход к толкованию этого предмета.

Так, в постановлении об образовании Императорского Царскосельского лицея (август 1810 г.) гимнастика была представлена сразу в двух обозначенных видах. В состав предметов начального курса обучения, помимо грамматических учений языков, наук нравственных, математических, исторических, искусства, входили гимнастические упражнения, включавшие танцевание, фехтование, верховую езду, плавание и гимнастику³. Однако на деле гимнастика как предмет была введена в Лицее только в 1830-е гг., о чем было упомянуто в другом источнике – в книге А.А. Дельвига и М.Я. Селезнева «Исторический очерк бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие – с 1811 по 1861 год». В ней указывается, что в 1832 г. главный начальник корпусов, «признавая полезным ввести в употребление при военно-учебных заведениях гимнастику не в виде простой забавы, но в виде науки, долженствующей развивать и укреплять телесные силы воспитанников, утвердил учителем гимнастики по всем подведомственным заведениям шведского уроженца Паули»⁴.

¹ Устав учебных заведений, подведомых Университетам // Полное собрание законов Российской империи с 1649. СПб., 1830. Т. XXVIII. С. 627.

² Там же.

³ См. Образование Императорского Царскосельского лицея // Свод военных постановлений. СПб., 1838. Т. 3. С. 267.

⁴ Дельвиг А.А., Селезнев М.Я. Исторический очерк бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1861. С. 375.

Здесь же упоминается другое распоряжение, в котором раскрываются набор снарядов («машин» по терминологии того времени), упражнений, а также правил состязаний, непосредственно представляющих гимнастику как предмет обучения: «Гимнастика. По принятому правилу в военно-учебных заведениях, в 1827 г. предписывается воспитанников Лицея занимать, в свободное от ученья время, гимнастическими упражнениями по определенным к тому правилам, для чего дается и руководство-книжка на немецком языке. Высочайше повелевается ввести следующие упражнения: 1) бар и ров для прыганья; 2) бревна для хождения с постепенным возвышением; 3) деревянные и веревочные лестницы; 4) вертикально укрепления веревки для лазанья; 5) веревки, горизонтально протянутые для прыганья с постепенным возвышением; 6) вольтижирование через деревянную кобылку; 7) качели; 8) игры в бар; мячик и волан; 9) плавание.

Для возбуждения соревнования в воспитанниках при сих упражнениях, особенно при тех, которые требуют большей ловкости и расторопности, поставляется в обязанность гувернерам следить за занятиями и назначать наиболее отличившимся призы. К машинам для лазанья повелено приделывать для безопасности сетки¹.

Свою роль в раскрытии гимнастики как сферы деятельности в России сыграл и выход в конце XVIII в. – середине XIX в. ряда книг о ее различных видах (подробнее см. гл. 2). Краткое описание изданий о гимнастике было представлено в разнообразных каталогах и указателях. Одним из первых каталогов, в котором был выделен раздел «Гимнастические или телесные упражнения» стала «Роспись российским книгам для чтения» (составитель А. Смирдин) (СПб., 1828). Сюда вошли издания о подвижных играх, плавании, танцах, верховой езде, конских ристаниях, охоте. Стоит отметить, что в этом указателе также были упомянуты и книги о настольных играх (шахматы, карты, шашки, бильярд). Однако автор каталога определил их в раздел «Увеселения».

¹ Дельвиг А.А., Селезнев М.Я. Исторический очерк бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 по 1861 год. СПб. : Тип. В. Безобразова, 1861. С. 374–375.

В 1840–1860-е гг., когда категория «спорт» уже использовалась в русском языке, авторы подобных сборников все равно употребляли термин «гимнастика». Например, в «Систематическом реестре русских книг с 1831 по 1846 г.» М.Д. Ольхина (СПб., 1846) выделяется раздел «Гимнастика», в который входят два подраздела – «Гимнастика вообще» и «Гимнастика в особенности: танцование, фехтование, верховая езда и т.п.». Издания о настольных играх также не вошли сюда и были отнесены Ольхиным в раздел «Увеселения» в подраздел «Игры».

Даже в конце 1860-х гг. составители каталогов не отказывались от использования термина «гимнастика». К примеру, это можно наблюдать в «Систематическом каталоге русских книг, продающихся в книжном магазине Александра Федоровича Базунова» В.И. Межова (СПб., 1869) Книги по «гимнастике» вошли в раздел «Искусства», но известный в те времена библиограф определяет их так: «Гимнастика. Верховая езда. Охота. Танцы. Плавание. Ужение¹». Следом идет подраздел: «Искусства: бильярдной, карточной, шахматной и др. игр» (куда вошли настольные и салонные игры). Уникальность этого каталога состоит в том, что в нем возле описания отдельных книг есть ссылка на критические статьи, представленные в столичных периодических изданиях. Кроме того, стоит обратить внимание на то, что библиограф В.И. Межов вводит новшество: он первым относит к гимнастической теме книги о рыболовстве.

Упоминание гимнастики наблюдается и в других книжных изданиях. В частности, при описании занятий татар в «Обзрении российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях»: «Удовольствия народа носят на себе отпечаток его характера: скачки на лошадях; охота и другие *гимнастические упражнения*, весьма полезные для укрепления тела, составляют любимое занятие»².

В 1845 г. доктор медицины К.И. Грум-Гржимайло выпускает книгу «Руководство к воспитанию, образованию и сохранению здоровья детей», в которой гимнастике посвящается целая глава. К.И. Грум-

¹ Ужение – это ловля рыбы удочкой.

² Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. С. 91.

Гржимайло подробно рассматривает ее с разных сторон, предлагая следующую классификацию: «*Гимнастические упражнения разделяются на слабые, сильные, страдательные, действительные, простые и сложные, в виде игр и гимнастических искусств*»¹. Многие рекомендуемые доктором упражнения для детей являются традиционными и сейчас: марширование; подпрыгивание; перепрыгивание; бег (в книге «бегание»); бег на коньках; стрельба из лука; фехтование; кегли; игра в шары; верховая езда; борьба; плавание и т.д. Тем не менее в главе встречаются и оригинальные виды: учение барабанному бою (бить барабанными палочками по твердой поверхности); игра на музыкальных инструментах; верховая езда на деревянных лошадках; «взлазывание» по лестницам; токарное искусство; копка (копание) земли, вбивание в землю колышков. Каждый вид гимнастических упражнений кратко проанализирован с позиции пользы развития отдельных частей тела (упражнения для рук, ног или тела). Но если «копку земли» можно было отнести к садоводству, которое вплоть до начала XX в. относилось к гимнастическим (спортивным) видам, то токарное дело было впервые отнесено к гимнастике.

В 1848 г. выходит IV том книги А.В. Терещенко «Быт русского народа», посвященный забавам. В нем рассматривались игры детские, девичьи, мужские и игры обоего пола. Часть из них автор напрямую рассматривал не только как увеселения, обычное времяпрепровождение, но и как гимнастические упражнения, причем свойственные не только богатым, но и бедным слоям общества. К таким играм относились: шнур², обруч, «летучий мяч» (волан), «пытка» (игра на две команды, заключающая в искусстве забить палкой мяч в лунки соперника, пропустивший мяч лунку подвергается «пытке», ему надо, не видя, угадать, в какую из нескольких лунок закатили мяч), буй, «селезень» («хороводная» игра, внутри круга парень, «селезень», пытается изловить девушку, «утку»). Хотя и многие другие игры, представленные в книге, также по многим признакам (в основном основанным на

¹ Грум-Гржимайло К.И. Руководство к воспитанию, образованию и сохранению здоровья детей. СПб., 1845.

² Скакалка.

ловкости, быстроте, подвижности) вполне можно было причислить к гимнастическим.

Особое внимание было уделено борьбе, кулачному бою. Однако при описании борьбы было указано то, что *«эта игра была любимую у древних греков. В ней особенно отличались на олимпийских играх: победителей украшали лавровыми венками»*¹. А в статье о кулачном бое упоминались не только исторические сведения и правила кулачных боев, но и сравнение кулачного боя с английским боксом и рассказ о поединках в Москве кулачных бойцов с боксерами. Терещенко также отмечает, что победа с первого удара русских бойцов отбила охоту англичан с ними «мериться силами». Кроме того, здесь же упоминаются имена знаменитых кулачных бойцов: *«Из наших бойцов славились казанские, калужские и тульские оружейники: Алеша родимой, Тереша Кункин, Зубовы, Никита Долгов и братья Походкины. – Тульские бойцы и ныне славятся, но каждое место имело своих удалцов»*².

Помимо литературных источников, раскрывающих суть гимнастики как таковой, для нас особый интерес представляет пресса. На протяжении полувека (с 1801 по 1850 г.) многие издания (особенно столичные), так или иначе, представляли свою позицию по отношению к этому явлению³. В газете «Северная пчела» в заметке «О Геркулесе Раппо» (1829. № 131), автор, помимо восхищения силой и ловкостью господина Раппо, обращает внимание на пользу гимнастики в воспитании молодых людей: *«Если в каком пансионе позволяют детям играть в мячики, то это уже почитается гимнастикой! От того в наш век мы видим толпы тщедушных, женоподобных юношей, которые чуть не валятся на землю от дуновения ветра и которых убивает легкая простуда. Первым делом при воспитании должна быть гимнастика: борьба, беганье, постепенное поднимание тяжестей, искусство владеть всяким оружием и навык к переменам атмосферы. Это не только укрепляет тело, но при развитии благородных идей придает твердость душе»*.

¹ Терещенко А.В. Быт русского народа. 1847. Ч. IV. С. 81.

² Там же. С. 83.

³ Частично об этом написано в гл. 2.

В журнале «Сын Отечества и Северный Архив» (1834) в разделе «Педагогия» печатается статья «О гимнастике». В ней журналист, скрывающийся под псевдонимом «франц. А.Н.», предлагает создать учебное заведение, где бы «практиковалась гимнастика». В тексте он обращает внимание на то, что здесь бы преподавались следующие предметы (искусства): *«Итак, по примеру существующих Академий и Факультетов, где разные Профессоры преподают, каждый особенную часть Науки или Словесности, и я желал бы также основать для Гимнастики заведение особенное, в котором преподавались бы отдельно следующие искусства: 1. Плавание. 2. Верховая езда. 3. Фехтование. 4. Стреляние. 5. Действия для защиты и нападения. 6. Танцевание»*¹. Тем самым А.Н. подтверждает, что «гимнастика» была объединяющим понятием для многих видов спорта, распространенных в России.

В 1836 г. «Северная пчела» в разделе «Внутренние известия» сообщает об открытии училища гимнастики. В представленной на суд читателей публикации, автор не ограничился только рассказом об училище, а вновь обратил внимание на суть «гимнастики», начиная от ее понимания с общих позиций: *«Гимнастика – искусство упражнять тело человеческое в различных необходимых движениях, для придания ему ловкости, быстроты, движимости, твердости и здоровья, составляла в древние времена существенную роль народного воспитания»*², заканчивая выяснением ее роли и значения в воспитании и возможности детей быть сильными, здоровыми: *«Дети вырастут здоровыми мужчинами, а не слабонервными полуженщинами, которые от всякой неожиданной опасности приходят в недоумение, перед всякою канавкой останавливаются, как перед безбрежной рекою, и в случаях неожиданных, например, при пожарах, теряют голову и средства к спасению себя и других»*³. Предположительно сам текст принадлежит редактору газеты Ф.В. Булгарину, которому тема спорта и все, что с ней связано, была интересна на протяжении многих лет. Он периодиче-

¹ О гимнастике // Сын Отечества и Северный Архив. 1834. № 31. С. 314–315.

² Внутренние известия // Северная пчела. 1836. № 58. 11 марта.

³ Там же.

ски старался в том или ином виде писать о ней в своей газете. В этой публикации он слегка повторил текст, написанный в 1829 г., тем не менее остался верным по отношению к гимнастике.

В середине 1840-х г. в журнале «Иллюстрация» обращается внимание на роль гимнастики в жизни человека с позиции медицины. В одной из заметок без названия говорилось: *«Гимнастика составляет часть гигиены. Древние понимали важность гимнастических упражнений и для того были устроены обширные публичные заведения. В новейшие времена на гимнастику долго смотрели как на принадлежность военной службы; пока успехи медицины не объяснили ее необходимости для каждого. Теперь гимнастика введена почти во все учебные заведения. Появились частные гимнастические залы, в которых преподаются не только уроки этой науки, но и пользуются медицинскую гимнастикою больные, по предписаниям врачей»*¹.

В 1850-е гг. журналисты начинают сами присваивать гимнастам отдельные «звания» и «титулы». Например, за успешные выступления в отдельных номерах представители этого вида спорта могли получить звание «профессор гимнастики». В частности, его имел гимнаст Левис. Журналист газеты «Русский художественный листок», видевший его номер в апреле 1852 г., писал: *«<...> Левис, названный **профессором гимнастики**, прибыв в Санкт-Петербург в конце концертного сезона, напомнил бывшего уже здесь Рислея. Левис бросает и подхватывает на лету своего ученика Тома, балансирует лестницу, на вершине которой стоит Том, или приказывает ему змейкою, между ступеньками, спуститься сверху вниз, и все это выполняется так ловко, что не знаешь, кому удивляться, ученику или учителю. Гимнастические упражнения Левиса по всей Европе удостоились заслуженной похвалы»*².

В этот же период было в прессе обращено на пользу гимнастики для армии. В статье С.Н. «О грамотности войсках» говорилось: *«Гимнастика, фехтование, стрельба в цель, вообще физическая ловкость и расто-*

¹ Гимнастика // Иллюстрация. 1845. № 28. 20 окт.

² Петербургские развлечения // Русский художественный листок. 1852. № 11. 10 апр.

ропность – вот та школа, которую должен теперь проходить солдат. Заботою о физическом развитии каждого лица заменилось старое обучение, основанное на том, чтобы сколотить солдат в одну массу, а потом уже в ней достигнуть ловкости и поворотливости движений»¹.

В 1860 г. термин «гимнастика» вводится в название периодических изданий. Первым из них стала Санкт-Петербургская еженедельная врачебная газета «Гомеопатический листок и вестник водолечения и гимнастики» (выходившая в 1860–1862 гг. по одному листу большого формата). Публикации о «гимнастике» в газете печатались постоянно. Был даже создан специальный отдел, посвященный военной гимнастике. Здесь текст сопровождался рисунками и чертежами.

В этот же период повысилось внимание журналистов к данному виду деятельности. К ней стали относиться серьезнее. В частности, подобный подход к гимнастике прослеживается в статье «Объяснение по отделу военной гимнастики»: *«Но сильно ошибся бы тот, кто стал бы думать, что гимнастика – дело такое простое и легкое, что ее может преподавать каждый, кто почувствует к тому желание. Нет: в наше время гимнастика превратилась в настоящую науку, и, притом, весьма точную, с особыми законами и правилами. Несоблюдение этих законов и правил делает все гимнастические упражнения или бесплодными, или даже вредными»².*

В конце 1850-х – начале 1870-х гг. российская пресса начала раскрывать «гимнастику» уже с более узкой стороны. В этом случае в медиатекстах продолжает раскрываться ее значение в отдельных видах общественной (педагогика), досуговой и военной деятельности.

В частности, педагогической гимнастике посвятил несколько статей профессор медицины Я.А. Чистович, который занимался еще и литературной деятельностью. Среди них были: «Значение педагогической гимнастики» (Педагогический Вестник. 1857. Кн. I), «О применении гимнастики к педагогике» (Протоколы Общества русских врачей в Петербурге. 1856–1857).

¹ О грамотности в войсках. Военный сборник. 1858. № 7. С. 4.

² Объяснение по отделу военной гимнастики // Военный сборник. 1861. Т. XVII, № 1. С. 303.

Значение гимнастики в военных целях было представлено более разнообразно. Особое внимание этому вопросу уделял журнал «Военный сборник». В публикации «Мысли по поводу статьи Г. Мушникова «Еще взгляд на обучение стрельбе в цель»» была дана оценка «гимнастики» в стрелковом деле: *«Гимнастика, развивая физически, дает крепость мускулам, вместе с тем и силу рукам, через что утверждается ружье в руках стрелка»*¹. О пользе ее в кавалерии можно было прочитать в «Заметках об учебном кавалерийском эскадроне» неизвестного автора, который писал: *«Гимнастика. Ею занимаются в кавалерии немного, что по нашему мнению, совершенно напрасно, тем более, что солдаты занимаются гимнастикой весьма охотно: она льстит природной ловкости и может преподаваться без всякого педантизма. Развитие же силы и ловкости едва ли можно упускать из виду, так как для применения их всегда найдется случай»*².

И только в 90-е гг. XIX в. гимнастика окончательно уступила свои позиции термину «спорт» и стала рассматриваться как вид, о чем свидетельствуют переосмысленные определения в различных словарях и энциклопедиях. В частности, просветитель А.Н. Чудинов в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» пишет о ней следующее: *«Гимнастика (греч. gymnastike, от gymnato, происш. от gymnos – голый). Искусство телодвижений, имеющее целью укреплять и развивать тело; в Древней Греции юноши занимались телесными упражнениями голыми, отчего и произошло слово “гимнастика”»*³.

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что вплоть до 1870-х гг. в русском языке «гимнастика» была ведущим термином, объясняющим физическую (спортивную) деятельность. Сам термин характеризуется двояко и рассматривается как обобщающая категория многих развивающих в то время видов спорта

¹ Мысли по поводу статьи Г. Мушникова «Еще взгляд на обучение стрельбы в цель» // Военный сборник. 1866. Т. 50. С. 81.

² Заметки об учебном кавалерийском эскадроне // Военный сборник. 1870. Т. 72. С. 81.

³ Гимнастика // Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. С. 241.

(особенно подвижных) и как понятие, представляющее отдельный (самостоятельный) предмет спорта.

Замена «гимнастики» термином «спорт» происходила постепенно. Вхождению его в русский язык способствовало несколько факторов. И первым из них является то, что на протяжении всего XIX в. светское общество России находилось под большим влиянием европейцев. Особое значение в этом процессе имели такие страны, как Франция и Англия. Их политика, экономика, культура, в какой-то мере быт, служили неким эталоном в представлениях россиян об «идеальном» обществе. Высшим обществом перенималось многое – литература, мода, музыка, технические новинки и т.д. Об этом упоминается и в письме кн. А. Васильчикова к министру народного просвещения графу Д.А. Толстому: *«Sport, high-life, high-church, selfgovernment, – это слова, которые приводятся постоянно для означения всего того, что относится к высшему тону образованных обществ, и многие сановники передразнивают английских лордов в своих речах и действиях, в то время как жены их молятся Богу по английским молитвенникам, а сыновья переодеваются в английских грумов и кучеров. Впрочем, это направление имеет много хорошего; оно, без сомнения, лучше, чем прежняя тенденция перенимать легкомысленных французских маркизов и учиться православию у коварных иезуитов, и если нашему высшему свету непременно надо передразнивать иноземцев, то пусть же продолжатся эти невинные и здоровые упражнения, укрепляющие тело и дух молодых людей. Только не следует воображать себе, что это гимнастика тела, называемая по-английски **спортом**, и другая гимнастика ума, именуемая классицизмом, были достаточны для того, чтобы создать твердый слой аристократического общества, по примеру английского, и в этом отношении, Граф, Вы точно также ошибаетесь, как ошибаются другие, думая найти в латинских и греческих авторах противодействие антисоциальным и демагогическим учениям»*¹.

¹ Письмо министру народного просвещения графу Д.А. Толстому от кн. А. Васильчикова. Berlin, 1875. С. 16–17.

Второй фактор – это то, что в первой половине XIX в. в периодической печати Российской Империи (особенно в столичных изданиях) прослеживается активный ввод иностранных слов, фраз. Обычно они печатались на языке оригинала с последующим переводом рядом в скобках или в сносках. Но некоторые слова, например, такие как «sport», оставались без комментариев. Одним из объяснений этого факту является и то, что в начале – середине XIX в. было еще не понятно, как их истолковывать. Это касалось и спорта.

Первое упоминание этого понятия в России представлено переводчиком Михаилом Паренаго в третьем томе «A New Dictionary English and Russian. Новом английско-русском словаре», изданного в 1816 г. Автор предлагает несколько вариантов интерпретации слова. К примеру, вариант, ставший впоследствии традиционным, «Sport (play, diversion, éame) – игра, забава, потеха, веселость и шутка, игрушка; также потеха охотничья, рыбная ловля. To make one' sport, забавлять, увеселять, заставить кого смеяться. To make sport, смеяться, шутить, забавляться»¹.

Помимо того, в словаре предлагались и такие вариации, как «Sport (тоск, contemptuous mirth), посмешище, предмет посмеяния, поругания»². «Sport (way of preceeding), уловка, увертка, хитрый поступок, образ поведения, меры, способы, средства»³.

И фактически неизвестный вариант понятия: «Sport (a basket used by mendicant friars) сумка, котомка нищенствующих монахов»⁴.

Еще одним объяснением служит то, что слово «спорт», перейдя в русский язык, практически сразу стало устойчивым термином, которому не требовался перевод. Именно англоязычный вариант «sport» впервые появился на страницах российской периодической печати в первой трети XIX в. Как уже отмечалось в предыдущей главе, это произошло в 1828 г. в публикации «Английские нравы. Охоты» в Санкт-Петербургской газете «Северная пчела». Однако она осталась

¹ A New Dictionary English and Russian. Новый английско-русский словарь. М., 1816. Т. 3. С. 227.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

фактически в тот год незамеченной ни критиками, ни журналистами, занимающимися обзорами медиатекстов.

В последующие годы при анализе и разборе понятия «спорт» первые переводы постоянно ассоциировались, прежде всего, с лексемой «охота», которая могла рассматриваться в двух вариантах:

1. Ловля или разведение зверей, птиц, рыб.
2. Желание, стремление заниматься чем-либо: занятием, досугом.

Несмотря на первоначальную несхожесть в определениях, оба варианта могли использоваться в характеристике термина «спорт». В частности, это наблюдается в статье А.С. Хомякова «Спорт. Охота», опубликованной в журнале «Москвитянин» (1845. Ч. 1, № 2. Отд. I. С. 66–87), в которой спорт классифицировался следующим образом: *«Всякого рода охоту англичане называют спорт. Охота с собаками, с ружьем, с птицею, ловля зайца, волка, льва, слона, бабочки, ловля удочкой или неводом, багром или острогою, ловля гольца или кита, все это спорт. Кулачный бой и скороходство, борьба и плавание, состязание между скакунами, рысаками, петухами, лодками, яхтами и другие – все это также предметы спорта (охоты), и каждый спорт имеет своих известных покровителей во всех сословиях, от короля до простого арендатора, своих героев, свою науку»*¹.

Здесь первая половина текста определения связана с раскрытием разновидностей охоты как промыслового вида, вторая половина – начиная от «кулачного боя» и «скороходства» – представляла спорт как досуговое занятие. Кроме того, в конце формулировки представлены одной строкой коммерческая и научная стороны спорта. Такой подход в определении изучаемого нами объекта применяется впервые.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что эта журналистская статья была первым российским медиатекстом о спорте. Благодаря своей объемности, интересной подаче материала, она вызвала интерес у критиков. Несмотря на то что здесь не было подписи автора, он был быстро определен. Первым на него указал русский поэт, славянофил

¹ Цит. по: Спорт. Охота // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. III. С. 119. URL: http://imwerden.de/pdf/khomyakov_polnoe_sobranie_tom3_1900.pdf.

Н.М. Языков, который в одном из писем Н.В. Гоголю (от 10 марта 1845 г.) писал: «Прочти в “Москвитяине” все статьи, под коими напечатано «К.»; во втором № прочти и “Спорт” – это хомяковская штучка»¹. Помимо того известен и ответ Николая Васильевича на эту просьбу, уже с оценкой самой статьи: «Хомякова тоже прочел не без удовольствия, и письмо, и “Спорт”»².

Вторым источником, раскрывающим анонимность журналиста, стал сам журнал «Москвитяин». Это было сообщено в 1846 г. в критическом обзоре, посвященному вышедшему «Московскому сборнику», в котором принял участие А.С. Хомяков. Сама информация подана в несколько ироничной форме: «*Один московский остряк, знаменитый своими эпиграммами, с которыми могут сравниться только пушкинские, прочитав во № 2 Москвитянина прошедшего года две статьи Хомякова “Мнение иностранцев о России” и “Спорт”, из коих в первой рассуждается о многих важных предметах политических, а во второй об охоте, спрашивал простодушно: зачем Хомяков отделил собак от первой статьи?*»³.

В 1847 г. взаимосвязь охоты и спорта подробно прослеживается в примечаниях к одиннадцатой главе Дж. Байрона «Дон Жуана» (книга вышла в России в 1847 г.). Необходимо обратить внимание на уникальность этого перевода – переводчик В. Любич-Романович несколько раз, характеризуя охотников, употребляет слово «спортсмен». К примеру,

*«Правдивый спортсмен, Албион,
Искатель только развлечений, –
Сторицею вознагражден,
Резевром приученной дичи,
Готовый, под рукой, добычи,
Чтоб ею потешать себя,
Охоту, как игру, любя!»*⁴

¹ Языков Н.М. – Гоголю // Переписка Н.В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 413.

² Сочинения и письма Н.В. Гоголя. СПб., 1857. Т. VI. С. 185.

³ Московский сборник // Москвитяин. 1846. Ч. 3, № 5. С. 186.

⁴ Байрон Дж. Дон Жуан. СПб., 1847. Ч. 2. С. 233.

Однако в примечаниях действия спортсменов объясняются через категорию «спорт», в английской вариации, делая ссылки на заметки Ф. Булгарина¹: *«Sport. В буквальном смысле это слово означает только забаву, веселое препровождение времени, а теперь sport в английском языке слово, означающее страсть к верховой езде, псовой охоте, стрельбе, рыбной ловле, ко всему, на что требуется смелость, ловкость, телесная сила, твердость духа и терпение. Sportsman, sportsmanship, означают не просто охотника и охоту, но страстного и искусного охотника и охоту, сопряженную с трудностями. Наши слова охотник и охота невыразительны. Охота к чему? – Звериная ловля, неполное выражение! – ни зайца, ни дикой козы нельзя назвать зверьем... Французское chasse и немецкое Jagd (гоньба) гораздо лучше»*². Также примечательным является то, что переводчик не только объясняет, что такое спорт, но наводит критику на понятие «охота», в то же время предлагая свой вариант раскрытия этой деятельности через ввод французского и немецкого вариантов. Однако это предложение осталось не замеченным критиками XIX в. Интересным является и то, что в оригинале, написанном Дж. Байроном в 1823 г., «спорт» упоминается несколько раз, но в переводе на русский язык он пропадает.

В 1850-е г. еще одна тенденция: «охота» рассматривается как самостоятельный вид занятий, без привязки к «спорту». В частности, это можно проследить в статье А. Венцеславского «Обзор охот в окрестностях Санкт-Петербурга» (Журнал Коннозаводства. 1850. Т. XXII, № 1). Здесь дается классификация практикуемых в те времена видов охоты: 1) охота свободная (охота по страсти), которая в свою очередь подразделяется на псовую и егерскую; 2) охота искусственная; 3) охота ремесленная.

Дальнейшая репрезентация категории «спорт» в журналистских публикациях в середине XIX в. (1840–1850-е гг.) была представлена различными тенденциями:

¹ На какие именно заметки Ф. Булгарина – в тексте примечаний не говорится.

² Байрон Дж. Дон Жуан. СПб., 1847. Ч. 2: Примечания. С. LVII–LVIII.

- это могло быть простое упоминание слова в критических заметках, фельетонах и литературных произведениях, причем порой без акцентирования внимания, на что оно «новое», «малоизвестное» (середина – конец 1840-х гг.);

- представление первых авторских определений, что такое «спорт» (середина 1840-х – начало 1850-х гг.);

- разнообразные объяснения данного вида деятельности в рамках частных случаев (начало 1850-х гг. и последующие годы).

Исследование каждой из тенденций позволяет проследить, как шло внедрение слова «спорт» в русский язык, а также в информационное медиапространство.

В первом варианте, датирующимся серединой – концом 1840-х гг., термин «спорт» обычно использовался «случайно». В качестве примера можно привести рецензию к французскому спектаклю «Sport et Turf» («Спорт – Турф») (шутка в двух действиях), опубликованную в журнале «Отечественные записки» (1846. Т. 47) в обзоре «Французский театр в Париже». В материале критик сосредоточивается на содержании пьесы, не обращая внимания на заголовок. Если предполагать, что она переводная, то и российский переводчик тоже не проявляет к заголовку интереса и переводит его «автоматически».

Подобное упоминание «спорта» можно наблюдать и в литературных произведениях, опубликованных в российских журналах. Так, при характеристике денди Этиенна Вокрессона в отрывке из рассказа «Певница» неизвестный автор писал: *«К своей частной жизни он применил политическое правило Дантона и о нем можно было сказать, что он жил счастьем и дерзостью. Искусный игрок, он состязался в вист с князем Талераном и, играя в шахматы, беспокоил Мэри. Закулисная эта машина был также ходячим фельетоном **спорта**. Отличный конюх, ловелас конюшен олимпийского цирка, знаток лошадей и барышник, боксер – вот его достоинства»*¹. Понятие «спорт» здесь было передано через «метафору» и выделено в самой публикации курсивом. Однако ему не было дано объяснения.

¹ Певница // Библиотека для чтения. 1847. Т. 82. Раздел «Смесь». С. 15.

Такой же подход прослеживается в описании барона Тиллера, героя романа А. Б-го «Начало наказания»: *«Но главное в том, что по городу не умолкали рассказы о чрезвычайном искусстве Тиллера во всех упражнениях спорта»*¹. И вновь слово «спорт» было отмечено «особым» способом, как и в предыдущем случае. Также он остался без авторского комментария в раскрытии значения.

Кроме того, в некоторых публикациях 1840-х гг. «sport» рассматривается как «дикое» (непонятное) слово. В частности, это наблюдается в фельетоне «Болтовня», где в разговоре двух старинных приятелей об увлечениях современной молодежи «спорт» приводится в ряду других иностранных слов: *«Потом двухчасовыми важными, живыми толками о всегда возможных подробностях последнего катания с гор и будущей скачки с препятствиями, на новом французском языке, в котором, судя по предметам, непрерывно мелькали дикие слова: jockey – groom – tweed – apple-cake – fashion – steeple-chase – excentric – railways – humor – derby – sport – comfort – puff – raise horse – turf – steamers – dandies – gentlemen riders – plaid – grog – stud-book и пр., и пр.»*². Здесь прослеживаются несколько немаловажных моментов: 1) большинство слов, приведенных во фрагменте, относятся к спорту; 2) под новым французским языком, судя по приведенным словам, подразумевался английский.

Нестандартный подход к пояснению «спорта» был представлен и в журнале «Сын Отечества». В комментарии к ряду карикатур в журнале «Ералаш», расположенных на листе XIV, было сказано следующее: «Лист XIV. 1 и 2.

Вот вам счастье – экой молодец ваш жокей! Жокей длинен и худ как шест. – “Какое мне несчастье! Как мой жокей поздоровел!” Жокей отменно мал и толст. Это разговор между двумя господами, из коих один курит трубку. Все фигуры снова не дурны.

3. Барин, едущий на санях, выговаривает кучеру: *“Что ты это братец, лошадь за хвост ухватил?”*. И получает в ответ: *“Да я, сударь, с непривычки; вы все сами править изволите”*. Изобретательно!

¹ Начало наказания. Отрывки из неопубликованного романа // Иллюстрация. 1847. № 31. С. 100.

² Болтовня // Иллюстрация. 1847. № 14. 19 апр.

4. Два всадника скачут на противоположных сторонах земного шара. Подпись объясняет, что “грум должен быть в почтительном расстоянии от джентльмена”.

5. Господа с фонарями ищут чего-то на земле. Один из них горестно восклицает: “Где это я здесь грума потерял?” Совершенно правдоподобно и сверх того необыкновенно замысловато.

Весь этот лист носит общее заглавие **спорта. Спорт, тысячу раз спорт**¹.

Здесь «спорт» также был выделен специфически, и снова остается без объяснения. Кроме того, исходя из предложенного описания, можно понять, что не все рисунки относились к спорту, тем не менее автор текста выражает свое мнение по поводу их через представленную фразу: «**Спорт, тысячу раз спорт**»².

Все приведенные выше примеры доказывают, что в конце 1840-х гг. слово «спорт» стало постепенно вводиться в журналистские и литературные произведения, но чаще всего в этот период оно употребляется вскользь и в ряде случаев не по прямому назначению. Тем не менее авторы публикаций выделяют его в тексте особым шрифтом, что позволяет читателям обратить на него внимание.

Вторая тенденция представляет собой взгляд на толкование дефиниции «спорт» в журналистских медиатекстах. Помимо упомянутой выше трактовки «спорта» А.С. Хомякова (сделанной в 1845 г.), в начале 1850-х гг. попытку дать свое определение сделал Ф.В. Булгарин. В издании «Северная пчела», в обзоре в рубрике «Пчелка» он писал: «*Этим словом, как известно, означаются все гимнастические упражнения или забавы, и сюда же принадлежат псовая охота, стрельба в цель, фехтование, верховая езда, рыболовство, охотничье мореплавание*»³. Тем самым журналист фактически подтверждал прямую взаимосвязь дефиниций «спорт» и «гимнастика», а также определял свой набор видов, характеризующих этот тип общественной деятельности. В этом же тексте было указано на то, что «**Sport**

¹ Петербургский вестник // Сын Отечества. 1849. Кн. 4. Рубрика «Смесь». С. 86.

² Там же.

³ Журнальная всякая всячина // Северная пчела. СПб., 1851. № 274. 8 дек.

дело полезное, потому что укрепляет тело, а в здоровом теле и душа действует лучше»¹.

Одним из «новшеств» в этой формулировке стало то, что Булгарин включил в перечень определение «охотническое мореплавание». Первоначально оно рассматривалось только как промысловая деятельность: охота на морских животных и крупных рыб. Предположительно, попадание в формулировку произошло из-за слова «охота». Однако в дальнейшем «охотническое мореплавание» практически не упоминается ни в одной из спортивных классификаций.

Через несколько дней после опубликования «первого» объяснения, в выпуске от 19 декабря 1851 г. редактор «Северной пчелы» немного расширяет свое представление о комплектации видов спорта и добавляет еще два вида: «плавание» и «катание на коньках»: «*Сознаюсь, что у меня крепко лежит на душе sport! Я желал бы, чтобы Русская молодежь, подобно Английской, пристрастилась ко всем гимнастическим упражнениям, к стрельбе или охоте, к верховой езде, рыбной ловле, к плаванию и наконец, к катанию на коньках*»². И снова в этом фрагменте наблюдается указание автора на взаимосвязь спорта и гимнастики. Исходя из лингвистического анализа, здесь прослеживается и такая тенденция: термин «спорт» пишется в медиатексте Ф.В. Булгарина в английской интерпретации – «*sport*», хотя прошло уже более шести лет (считая с года выхода статьи А.С. Хомякова в 1845 г.) после того, как был введен его русский вариант, тем не менее, редактор «Северной пчелы» его не использует.

В публикации «Гонки Императорского Петербургского яхт-клуба» раскрывается «обратная» сторона спорта, рассмотренная через объяснение еще нескольких разновидностей спорта (увлечений), распространенных у англичан: «*Кроме того, англичанин спортсмен в душе: тайна спорта не в удовольствии, которое доставляет ему охота или скачка: нет! тайна эта заключается в пари, хотя бы подразумеваемом, которое для него есть основа всякого состязания, задняя мысль всякого спорта. Петух ли его изувечит петуха его противни-*

¹ Журнальная всякая всячина // Северная пчела. СПб., 1851. № 274. 8 дек.

² Заметки, выписки и корреспонденция // Северная пчела. СПб., 1851. № 283. 19 дек.

ка, терьер ли загрызет большие крысы, борзая ли собака настигнет первого зайца, лошадь ли обскочит своих соперниц на турфе или яхта его возьмет приз на регате – в сущности это все равно»¹. Как видно из этого фрагмента, в те времена в систему спортивной деятельности, помимо скачек и гонок на яхте, могли входить и «звериные забавы». Изучаемая категория в русском варианте вновь представлена как «спорт».

В 1853 г. в российской прессе появляется первая новость, где прозвучало слово «спорт», в ней речь идет о закрытии спортивного сезона в Париже: *«Спорт окончил свой сезон скачками 26-го числа в Шантильи; львы и львицы, присутствующие обыкновенно на этих зрелищах, вероятно, проводят последнюю лошадь и будут держать за нее пари»*². Несмотря на всю важность сообщения, она была представлена читателям в ироничной форме.

В этот же период в текстах появляются первые фразеологизмы, непосредственно связанные с термином «спорт». Одним из первых стало словосочетание *«литература спорта»*. Впервые оно появилось в 1851 г. в журнале «Москвитянин», в критической статье об одном из изданий А.М. Венцеславского «Птичья или егерская охота, и искусственные охоты...». В тексте говорилось следующее: *«Эта литература “спорта” считает и на Русском языке несколько хороших сочинений, между которыми труды г. Венцеславского пользуются особенно известностью. Новое его сочинение включает в себе довольно подробное изложение так называемой егерской охоты. Здесь описаны и принадлежности этой охоты (собаки, ружья), и цель ее (птицы в охотничьем отношении), и самые способы производства охоты: на дичь лесную, болотную, береговую и полевою; потом представлена охота с чучелами на уток и тетерей, за утками на стойках, на фазанов, и проч. Все это изложено ясно и обстоятельно»*³. Примечательным в данном случае становится то, что автор рецензии

¹ Гонки Императорского Петербургского яхт-клуба // Современник. 1852. Т. 34. С. 131.

² Новости парижской жизни // Пансион. 1853. № 11. Раздел «Смесь». С. 40.

³ Птичья или егерская охота, и искусственные охоты, с присовокуплением охот: посредством облав, с загонщиками, и охоты с филином на хищных птиц. Сост. А. Венцеславским // Москвитянин. 1851. Т. VI, № 21. С. 184.

вводит данный термин, но при этом рассматривает всего лишь одну книгу об охоте, без ссылки на другие.

Третья тенденция уже касалась самой репрезентации термина «спорт» в медиатекстах в различных вариациях. В 1850-е гг. в периодических изданиях России (в первую очередь столичных) термин «спорт» постепенно стал употребляться по назначению. И в большинстве публикациях в первую очередь раскрывалось отношение к этому виду деятельности англичан. Например, в заметке «Скриб у Роберта Пиля» было указано на «особую любовь» к спорту англичан (когда из-за проведения очередной скачки был отменен музыкальный концерт): *«В старой Англии все уступает место спорту. Как не велика любовь англичан к музыке, но страсть их к лошадям много древнее и сильнее. Опера идет после турфа. Нет той дивной партии, которой бы не перетянул steeple-chaise на весах английского вкуса. Самый знаменитый маэстро, самый любимый певец, самая модная певица, Гавели, Лаблаш, 2-жа Зонтаг, не в состоянии выдержать соперничества с чистокровными скакунами и учеными жокеями. Поэтому театр Королевы исполнил свою обязанность и дал дорогу Эскотской скачке»*¹. (Примечательным остается то, что этот же эпизод был описан в журнале «Библиотека для чтения» (1850. Т. 102), однако о самой скачке было сказано очень коротко, буквально в пяти предложениях, и без упоминания, что это спорт.)

Экспериментальный подход прослеживается в одном из номеров журнала «Современник». В заметке «Открытие Лоншанского гипподрома»² раскрывается «парижский спорт», представленный через описание нового места для скачек – Лошанской долины. Однако переводчик интерпретирует это событие своеобразно, точнее не совсем корректно – как «спорт в Longchamps» (в данном случае географическое место, а точнее построенное здесь спортивное сооружение (ипподром), «неожиданно» рассматривается как цельное понятие – «спорт»): *«Одним из главных предметов для толков парижан служит теперь открытие нового гипподрома или Спорта в Longchamps,*

¹ Скриб у Роберта Пиля // Москвитянин. 1850. Т. 4. Раздел «Смесь». С. 33.

² Гипподром – совр. ипподром.

близь Парижа. Конские бега и скачки с препятствиями (*steeplechases*) происходили до сих пор на Марсовом поле; но теперь для них предназначено новое ристалище. Читатели “Современника”, вероятно, уже довольно ознакомились с тем множеством построек, перестроек и переделок, которыми правительство старается занять умы и взоры парижан, и вот в виде прибавки к преобразованиям, которые испытал в последнее время Булонский лес, император с целью привлечь парижских жителей искать летних удовольствий вне города, устроил – теперь этот гипподром, один из громаднейших, если не самый громадный в целом свете. Он лежит вслед за Булонским лесом, в том месте, где лес этот граничит с общиной Нельи, и занимает значительную часть пространства, известного под именем Лоншанской равнины»¹.

На протяжении всего текста автор (переводчик) не осознает своей «погрешности» в трактовании избранного понятия, и в конце она вновь проявляется: «<...> с равнин Лоншанского **спорта**, где скачки будут продолжаться, по отзывам журналов, до 1 ноября...»².

В это же время в российской печати и публицистике продолжает развиваться тема прямой взаимосвязи между спортом и охотой, начатая еще в 1828 г. и продолженная в 1845 г., в первых спортивных публикациях. В 1850-е гг. она становится особо популярной. Многие специализированные издания (спортивные, «охотничьи» и т.п.), а также непрофильные стали активно печатать материалы на эту тему. В жанровом плане тематика основательно раскрывалась в рецензиях на выходящие в тот период, книги и журналы об охоте.

Данная проблематика была затронута и в объявлении о выходе «Журнала Охоты» в 1858 г. в различных изданиях, в частности в «Журнале Министерства народного просвещения» (1857), «Русском вестнике» (1858) и др. В нем редактор и издатель Г. Мин писал: «Частная же охота и правильный промысел могут укорениться только чрез распространение понятий о **спорте**, между охотниками-любителями, и о **расчетливости** между охотниками-промышленни-

¹ Открытие Лоншанского ипподрома // Современник. 1854. Т. 48. С. 99.

² Там же.

ками, что и в том и в этом случае должно необходимо упрочить дальнейшую возможность удовлетворять целям тех и других. Чтобы распространить упомянутые понятия и вывести потребные правила охоты, нужен какой-либо орган, который служил бы, во-первых, приборником правительства к укоренению между образованными охотниками-любителями, а чрез их посредство и между охотниками-промышленниками, сознания в необходимости согласования своих действий с узаконениями как для общей, так и для своей собственной пользы; во-вторых, посредником между приверженцами охоты тех стран, где она достигла высшей степени выработки, дабы заимствовать от них все то, что может послужить нам с выгодой, и в-третьих, средоточением для сбора, ко всеобщему сведению, многочисленных наблюдений, как бы мимоходом делаемых в различных частях России, и теперь, за неимением органа, остающихся под спудом и без всяких результатов. Предполагаемый «Журнал Охоты» должен будет служить таким органом и такова цель его издания»¹.

В 1859 г. в статье «Несколько замечаний об охоте вообще», размещенной в «Русском слове», критик, скрывавшийся под псевдонимом «Ревельский барон»², также определяет четкую взаимосвязь между охотой и спортом: «Строгий порядок, система и толк в охоте показывают и порядочного человека и, вероятно, хорошего хозяина; без развитых, большие или меньшие, понятий нельзя быть настоящим спортсменом. Поэтому-то у нас в России понятия об охоте, коннозаводстве и вообще о предметах «спорта» самые отсталые, ложные и вредные для охотников. И вот почему значение «Журнала Охоты», как проводника современных знаний в охоте, как органа науки об охоте, может быть для нас весьма важно»³. Здесь же он раскрывает и суть появления спорта в России и заостряет внимание на по-

¹ Об издании «Журнала охоты» // Журнал Министерства народного просвещения 1857. Т. 96. С. 149.

² Предположительно псевдоним принадлежит охотнику, журналисту А.С. Выше-славцеву. См. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958. Т. 3. С. 28.

³ Несколько замечаний об охоте вообще // Русское слово. 1859. № 3. Раздел «Смесь». С. 29.

всеместном увлечении охотой в 1850-х гг.: *«Но появилась англомания, сначала во Франции, потом, конечно, и у нас; “спорт” вошел в моду, и те же охотники сделались другими людьми в глазах прежней публики; охота стала, наконец, не только терпима, но даже уважаема; такова наша публика!.. Это исторический факт, в справедливости которого, вероятно, поручатся все наши старые охотники. Теперь вовсе неохотники в душе заводят и собак, и ружья, и охотничьих лошадей – ради моды и от нечего делать»*¹.

Обращали внимание на спорт и российские публицисты. В частности, И.Г. Головин в книге «Десять лет в Англии» предлагает оригинальную версию происхождения этого термина: *«Слово “спорт” исландского происхождения и означает игру, забаву; оно ныне прилагается к охоте и к лошадиным бегам, хотя стрелок плохой sportsman»*².

На основании исследования репрезентации термина «спорт» можно резюмировать следующее: каждая из изученных тенденций не только позволила ввести сам термин в журналистику, но способствовала его последующему продвижению как в лингвистическом плане (давая попытки определения), так и в информационном (рассказывая о его основной сущности). Однако на начальном этапе наблюдаются явные «ошибки» в его понимании, трактовании (авторы определений чаще всего исходили из своего личного взгляда на эту сферу деятельности).

Тем не менее сам процесс вхождения слова «спорт» в журналистику начался, но на его внедрение ушло почти 17 лет (начиная с 1828 г., когда «спорт» впервые был упомянут в газете «Северная пчела» и заканчивая 1845 г., когда А.С. Хомяков написал свою знаменитую статью «Спорт. Охота» в журнале «Москвитянин»).

Однако в дальнейшем прослеживаются трудности адаптации термина в медиатекстах. Потребовалось еще 20 лет, чтобы данное понятие стало «обиходным», т.е. простым и понятным для общества в целом, а не только для отдельных его представителей.

¹ Несколько замечаний об охоте вообще // Русское слово. 1859. № 3. Раздел «Смесь». С. 29.

² Головин И.Г. Десять лет в Англии. Лейпциг, 1858. С. 85.

В 1850–1870-е гг. в медиатекстах уже наблюдаются различные интерпретации категории «спорт», благодаря которым термин стал приобретать определенные «предметные» смыслы. Зарождение их во многом зависело от контекста описания спортивного события; от предлагаемого автором взгляда на происходящее. В последнем случае журналист для повышения информационной ясности публикации нередко вводил новые фразеологизмы, дающие объяснение тому или иному явлению, эпизоду. Тем самым происходило не только переосмысление, дополнение самой категории «спорт», но и порождение ряда спортивных терминологических единиц. В последующие годы благодаря развитию таких дискурсивных практик удастся выработать устойчивую терминологическую систему, включавшую в себя основные, производные, базовые, дополнительные и общие понятия.

Процесс распространения термина «спорт» происходил сразу в нескольких направлениях. Одно из них непосредственно связано с началом использования категории в названиях российских публикаций и изданий.

Значительную роль в ведение «спорта» в заголовки медиатекстов сыграл журнал «Москвитянин». Именно здесь в течение небольшого промежутка времени было опубликовано несколько подобных материалов. Первой из них стала ранее упомянутая статья А.С. Хомякова «Спорт. Охота» (1846. Ч. I, № 2), в последующие годы здесь печатаются «Спорт иностранный и русский» (1850. Ч. II) и «Нового рода спорт» (1850. Ч. IV, № 16).

Что касается изданий, то универсальным в этом плане является «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» (редактор С. Колошин)¹, который вышел в Москве 16 декабря 1861 г. Помимо того, что редактор включил «спорт» в название издания, здесь еще существовал раздел, в котором исследуемое слово тоже было введено в заголовок – «Спорт или охота в обширном значении». Это был первый офици-

¹ Необходимо отметить, что в различных источниках тип этого издания представлен по-разному: в одних – это газета; в других – журнал. Путаница в определении происходит из-за того, что позднее вышло еще несколько изданий с подобным названием. То, что это была именно газета, подтверждают характерные признаки самого издания, а также описание, данное в журнале «Книжный вестник» (1863. № 1).

альный спортивный раздел. В конце 1860–1870-х гг. подобные разделы появляются и в других изданиях. Например, в «Петербургской газете» в 1871 г., во «Всемирной иллюстрации» в 1875 г. и т.д.

В этот же период в публикациях появляются словосочетания «журнал спорта», «газета спорта», «спортсменский журнал». Правда, поначалу они применяются по отношению к зарубежным изданиям (особенно к английским). Например, в 1862 г. в журнале «Время» при описании неудачного падения греческой королевы с лошади из-за резкой остановки (головой вперед) были приведены профессиональные комментарии одного из английских изданий: *«Один английский журнал спорта, скачек и охоты, пересказывая этот случай по другим газетам, уверяет, что упасть таким образом нет возможности, что когда приходится остановить лошадь, корпус всадника подается назад, этим же движением напрягаются поводья, что и заставляет лошадь остановиться, так что упасть вперед нет возможности, если только лошадь не остановится сама собою»*¹. А в 1870–1880-е гг. словосочетание стало применяться и к российским журналам и газетам.

Второе направление связано с представлением спорта в российских медиатекстах в различных контекстах, касающихся, прежде всего, его интерпретации. Это хорошо прослеживается на анализе географического и исторического факторов.

В первом случае речь идет о возникновении словосочетаний, когда в публикации прослеживается привязка спорта к определенному географическому объекту (это могут быть город, страна, континент, определенная местность). В частности, благодаря этому появились такие словосочетания, как: «парижский спорт», «итонский спорт», «русский спорт», «английский спорт» (наиболее распространенный вариант для того времени), «французский спорт», «арабский спорт», «европейский спорт» и т.д.

Словосочетание *«русский спорт»* впервые было использовано еще в 1846 г. в сообщении неизвестного автора, расположенном в разделе «Московская летопись» журнала «Москвитянин». Оно было упомянуто в контексте проводимого «собора» (купли-продажи) различных

¹ Последние известия // Время. 1862. № 5. Раздел «Политическое обозрение». С. 37.

орудий для охоты, а также охотничьих собак в Охотном ряду. «В общезнании называют первое воскресенье сборным. Может быть есть тут намек и на собор, но вероятнее происходит это название от того, что в этот день собираются в Охотном ряду все возможные охотники. Сюда сводят на продажу собак и легавых, и борзых, и гончих, и мордашек и меделянских; сносят всякого рода птиц, пистолеты, ружья, арапники; одним словом все, что может выставить **русский спорт**, все является на площадь Охотного ряда»¹.

Привязка спорта к определенному городу была выражена через словосочетания «парижский спорт» и «итонский спорт». Выражение «парижский спорт» было уже устойчивым в 1850-е гг. О спортивной деятельности в Париже в российских изданиях писалось постоянно. В частности, в одном из сообщений из рубрики «Заграничные современные известия» в журнале «Москвитянин» говорится: «*Ла-Мари, прекрасное поместье, принадлежавшее некогда королеве Марии Антуанетте, окружено живописными видами и по красоте местности не уступает Трианону. Парижский спорт устроил там чудесную арену для скачек, и теперь долина ла-Мари сделалась самую головоломную окрестностью Парижа. Рвы, ручьи, каналы, волчьи загоробы (le saut du loup), ни в чем нет недостатка, а в день скачек проливной дождь до того размочил землю, что, как говорится, ни пройти, ни проехать*»².

Словосочетание «итонский спорт» показывает другую сторону – использование понятия единично, только при рассказе о существовании вида спорта в каком-то городе, где побывал публицист. «*Величайший Итонский спорт (sport) – без сомнения, гребля на лодках. Темза, Кем и Изис славятся своими осмивесёлками*»^{3,4}.

Рассмотрение понятия «спорт» через страну, прежде всего, понятно, что оно связано с Англией. При всех традиционных высказываниях и объяснениях, в российской прессе встречается и нестандартный подход (раскрытие «английского спорта» через скептицизм, иронию).

¹ Московская летопись // Москвитянин. 1846. Ч. 2, № 3. С. 276.

² Заграничные современные известия // Москвитянин. 1852. № 21. С. 7.

³ Осмивесёлки – гоночная шлюпка на восемь весел.

⁴ Итон // Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Т. 130. Отдел V. С. 70.

Одно из таких ироничных объяснений представлено в статье «Московские скачки 1860 года». В публикации не только обращается внимание, что англичанам интересны скачки и бега, но и такие экзотичные виды, как «травля крыс» и «бой петухов»: *«Если скачки, также как и бега, считать испытанием лошадей, то на что нужно это испытание, когда ни первого, ни второго, ни третьего скакуна никто не купит?.. Так думает и говорит большинство нашей публики; другая, значительная, масса ее ничего не думает и считает скачки модным увеселением, англomаниею, английским шиком, как травлю крыс, бой петухов и всякий **английский спорт**, который хороши только на своей почве, а пересаженный на другую, становится карикатурою»*¹.

«Арабский спорт» впервые упомянут в очерке И. Березина «Сцены в пустыне»: *«Для нас, жителей севера, арабская лошадь составляет миф, в роде Полкана, и об условиях **арабского спорта** мы имеем весьма неопределенное понятие»*².

Выражение «европейский спорт» первым употребил В. Коптев в статье «О вызове г-на Пфейля Русскому Рысистому коннозаводству». На «вызов» иностранца он «ответил» солидной публикацией, в которой предложил провести соревнования и выяснить, чьи скакуны лучше: *«Тем не менее мы полагаем весьма интересным для наших охотников воспроизведение в печати всех этих документов, дабы показать, во-первых, взгляд иностранцев на беговое дело и то младенчество, в котором оно у них находится; во-вторых, познакомивши наших охотников с их воззрениями и приемами, так сказать, приготовить в будущем почву для состязания с ними, на которой мы могли бы с ними встретиться и тем дать случай Европе видеть поближе нашего знаменитого орловского рысака, которому, конечно, предстоит почетное место в **европейском спорте»***³.

В качестве примера описания спорта в рамках определенной местности можно привести словосочетание «Лоншанский спорт», употреб-

¹ Московские скачки 1860 года // Русский вестник. 1860. Т. 28. С. 316.

² Березин И. Сцены в пустыне // Русский вестник. 1860. Т. 26, № 4. С. 57.

³ Коптев В. О вызове г-на Пфейля Русскому Рысистому коннозаводству // Русские ведомости. 1869. № 205.

ленное в заметке «Открытие Лоншанского гипподрома» (Современник. 1854), проанализированной выше.

«Географическая» составляющая спорта, помимо прямых «выражений», могла быть передана и через отдельный отрывок в тексте. В частности, это можно увидеть в публикации «Шотландский брак и английская молодежь» (Вестник Европы. 1871), в которой в небольшом фрагменте речь идет о спорте во Франции: *«А между тем страсть к спорту, как в прежнее время страсть к охоте – распространяется на Западе необыкновенно быстро. Спорт перешел уже во Францию и составляет одно из любимейших удовольствий парижан»*¹.

Еще один аспект – это употребление термина «спорт» в исторических текстах. Он связан с невольным допуском фактической ошибки в этих текстах, так как журналисты, литераторы использовали этот термин при описании тех периодов времени, когда он еще не существовал. Например, это можно наблюдать в произведении Ж. Мишле «История Франции в XVI в. Реформа» (*Histoire de France au XVIe siècle. Réforme*. 1855), напечатанном в журнале «Библиотека для чтения». При описании увлечений Генриха VIII (1491–1547), он неожиданно употребляет слово «спорт», хотя в то время оно только зарождалось и было малоизвестно: *«Эти десять лет от восемнадцати до двадцати восьмилетнего возраста, Генрих проводил сперва в упоении спорта, на лошади, в этой молчаливой, но шумной жизни страстных английских охотников»*². Стоит обратить внимание на то, что в русском варианте это была невольная интерпретация переводчика, именно так было написано во французском тексте: *«Ces dix années d' Henri, de dix-huit a vingt-huit ans, il les avait passées d'abord dans l'etourdissement du sport, la vie a cheval, taciturne et bruyante pourtant, des violents chasseurs anglais»*³.

Та же «погрешность» отмечается в биографическом очерке В. Коптева «Василий Иванович Шишкин». Здесь журналист, при рас-

¹ Шотландский брак // Вестник Европы. 1871. С. 283.

² Мишле Ж. Реформа (Из истории Франции в XVI в.) // Приложение к журналу «Библиотека для чтения». 1861. № 9. С. 64.

³ Michelet J. Histoire de France au XVIe siècle. Réforme. 1855. P. 134.

смотрении одного из пристрастий графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского – охоты, также употребляет категорию «спорт»: «*Старожилы, знавшие Графа, говорили, что Граф А.Г. был величайший знаток во всех родах охот, то что англичане называют под общим наименованием спорт (Sport), хотя и ездил сам, но содержал ее для увеселения публики, ведя сам подробные им родословные книги (студ-бук)*»¹. Автор текста не только допускает историческую неточность (в конце XVIII в. этого слова еще не было в обиходе русского языка), но и делает «ошибочный» вывод о том, что любая охота это и есть спорт. Кроме того, Коптев использует два варианта написания слова «спорт» – русский и английский, хотя в 70-е гг. XIX в. во многих медиатекстах оно уже свободно употреблялось в русском варианте и английский аналог не требовался.

При этом стоит отметить, что подобные случаи были нередки не только в журналистике, но и в литературных произведениях, а также в ряде научно-популярных текстов, посвященных истории России.

Во второй половине XIX в. стал формироваться и «язык спорта». Прежде всего это касалось появления новых определений понятия «спорт», но уже в официальных лингвистических источниках (словарях, энциклопедиях). Кроме вышеуказанного «*A New Dictionary English and Russian. Нового англо-русского словаря*» (1816) объяснение слова встречается в «*Parallel Dictionaries of the Russian, French, German and English Languages*» («Параллельные словари русского, французского, немецкого и английского языков»). Здесь спорт рассматривался по категориям: игра, забава, увеселение, потеха || игральные || шутка, насмешка || прием, уловка, коварство || псовая охота, рыбная ловля; скачка и пр.»²

В 1861 г. в небольшом словаре А.Д. Михельсона «Объяснение 7 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык»

¹ Коптев В. Василий Иванович Шишкин // Журнал коннозаводства и охоты. 1872. № 3. Цит. по: Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства: Статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М., 1887. С. 73.

² *Parallel Dictionaries of the Russian, French, German and English Languages* (Параллельные словари русского, французского, немецкого и английского языков) СПб., 1850. С. 664.

был представлен упрощенный вариант: «Спорт, англ. Собственно значит игра, увеселение; но под этим словом, большей частью, разумеют охоту, конские скачки и т.п.»¹. В 1865 г. в последующем словаре «Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней» энциклопедист расширяет лингвистическую составляющую термина и предлагает следующий вариант: «Спорт. англ. sport, от др.-фр. desport, deport, пров. deport, ит. diporto, увеселение. Под этим словом большей частью, разумеют охоту, конские скачки и т.п.»². В этом случае пропадает слово «игра».

В последующем издании этого же автора «30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней», он также вносит небольшие изменения в трактовку внутри текста: «Спорт. англ. sport, от др.-фр. desport, deport, пров. deport, ит. diporto, увеселение. Вообще, охота, конские скачки и т.п.»³.

В 1864 г. вышел в свет «Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний» («Справочный энциклопедический лексикон») Ф.Г. Толля. В нем говорилось: «*Спорт (англ.) собств. зн. игра, увеселение, по обыкновению под этим именем разумеют охоту, конские скачки и т.п.*»⁴, как видно из формулировки, он во многом повторяет А.Д. Михельсона, даже по сравнению с более ранними «неофициальными» определениями, предложенными А.С. Хомяковым и Ф.В. Булгариным (в них, по крайней мере, выделено намного больше видов, входящих в эту сферу деятельности). Сам же «спорт» рассматривается Толлем, прежде всего, как игра, увеселение, но это осталось без объяснений и без подкрепления какими-либо примерами. Кроме того, у него отсутствует ссылка на соревновательную или хотя бы оздоровительную составляющие данной деятельности. Хотя

¹ Спорт // Михельсон А.Д. Объяснение 7 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1861. С. 322.

² Спорт // Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. С. 591–592.

³ Спорт // Михельсон А.Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1866. С. 672.

⁴ Толль Ф.Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний («Справочный энциклопедический лексикон»). СПб., 1864. Т. 3. С. 525.

в тот момент все эти направления уже были известны, по крайней мере, в столицах.

Еще одно объяснение было представлено в «Русском энциклопедическом словаре», изданном профессором Санкт-Петербургского университета И.Н. Березиным. Оно мало чем отличалось от предыдущего: *«Спорт – собственно значит игра, увеселение; но обыкновенно под этим именем разумеют охоту, конские скачки и тому подобное»*¹.

И только в 1890-е гг. появляются расширенные трактования «спорта». В 1894 г. в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (автор А.Н. Чудинов) изучаемая дефиниция была представлена следующим образом: *«Спорт – (англ. sport – забава, развлечение). Все вообще упражнения на чистом воздухе, требующие ловкости, силы и мужества, как, например, конные скачки, охота, стрельба, езда на велосипеде, гимнастика и прочие»*².

В 1899 г. на основании публикаций Владимирского «Опыт классификации всех видов спорта» (Охотник. 1887. № 18); Влад. Шл. «Спорт, его виды, историческое развитие и культурное значение» (Охотник. 1887. № 19; 1888. № 34); А. Ивашенцова «Охота и Спорт» (СПб., 1898), в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона была составлена первая полноценная статья о сущности спорта XIX в.

В основе раскрытия сути спортивной деятельности была очень специфичная для настоящего времени классификация. Ее основные параметры авторы словаря описывали следующим образом: *«Обыкновенно спорт разделяется на две группы: спорт подвижной и спорт неподвижной. Подвижной спорт, основным признаком которого служит движение, может быть разделен на элементарный и высший. Цель элементарного спорта составляют собственно телесные упражнения: гимнастика, борьба (бокс, кулачные бои), фехтование, борьба, бег и прыганье, танцы, альпийский спорт (восхождение на*

¹ Спорт // Русский энциклопедический словарь. СПб., 1877. Т. II. С. 249.

² Спорт // Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. С. 817.

горы), ходули, плавание, игры на открытом воздухе (англ. *out door games, rural sport*) – крикет, крокет, лаун-теннис, лапта, мяч, поло, городки, кегли, гигантские шаги, метание диска, пускание змеев и т.п. К высшему спорту принадлежат: охота во всех ее видах, лошадиный спорт (скачки, рысистые бега), водяной спорт (гребной, парусный), зимний спорт (бег на коньках, на лыжах, езда на бауэрах), велосипедный спорт (езда фигурная, туризм), воздухоплавание. К неподвижному спорту (в котором мускульные движения не играют существенной роли) относятся: разведение разных животных (коневодство, собаководство, птицеводство, пчеловодство и пр.), садовый спорт (устройство садов, содержание растений), составление всевозможных коллекций (монет, марок, древностей, гравюр, рукописей, автографов и т.п.), игры внутри дома (*in door games*) – бильярд, лото, домино, кости, игральные карты, шашки, шахматы и т.п. К спорту может быть причислена и любительская фотография. Все-го далее в расширении понятия спорта идут англичане, у которых существует еще так называемый дамский и детский спорт; к первому относятся дамские рукоделия, ко второму – разные забавы, которыми дети наполняют свои досуги в долгие зимние вечера (склейка домиков, рисование, раскрашивание, физические опыты и проч.)...»¹.

Как видно из этого текста, специфичность в большей степени связана с пониманием ряда видов «неподвижного» спорта, таких как разведение разных животных, садовый спорт, составление всевозможных коллекций, рукоделие и т.д., которые сегодня уже относятся к отдельным досуговым занятиям и не более. Из этого можно сделать вывод о том, что в те времена спорт в российском обществе по-прежнему воспринимается как досуг, забава, развлечение. Одной из причин такого представления становится и «неопытность» в этом вопросе журналистов, точнее, первых авторов, сделавших попытку классифицировать спорт. Судя по журналистским материалам, с одной стороны, они уже представляли, о чем писали, с другой – в мире еще не было четких ориентиров, включая правовые спортивные документы (общие зако-

¹ Спорт // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. XXXI. С. 298.

ны, указы, уставы), позволяющие понять, что надо относить к спорту, а что – нет. Поэтому каждый из авторов, создавая «свой» вариант классификации, исходил из личных знаний, рассуждений об этом явлении. В свою очередь, создатели словаря просто объединили эти мнения. Хотя в годы выхода словаря (1899) и публикаций (1887), брошюр (1898), взятых за основу для написания вышеупомянутой статьи в энциклопедическом словаре, было уже многое сделано в России для развития спорта как вида деятельности.

В это же время продолжают появляться и новые фразеологизмы. В частности, фраза «истинный спорт» впервые была использована М.С. Жуковой в романе «Две свадьбы». Автор романа, характеризуя увлечения главного героя Андрея Гавриловича, пишет: *«Самая охота у него была не совсем на барскую ногу. Псарями у него были и Кузьма, кучер, и Яшка, старостин сын, и Гришка, башмачник; выезжали кто на сивой, кто на буланой лошади, в овчинных полушубках, кто в картузе, кто в малахае, словом, без всякого притязания на истинный спорт»*¹.

Или, например, такое выражение, как «в мире спорта», которое станет популярным в XX в. Одной из первых публикаций, где оно было употреблено, были «Письма из Парижа»: *«Не имея претензии строить, на основании случайных явлений, теории и произносить приговоры решающие, позволю себе предложить замечание: что победы на ипподрома, могут быть иногда и случайные, не слишком ли сильно влияют на значение, которое приобретает резвый скакун как производитель. Ибо большей уступки уже, кажется, нельзя сделать моде, господствующей в мире спорта, как платит арендной суммы 91 000 франков в год за внука лошади, проданной за 13 000 фр. еще в полноте и свежести сил»*².

Близкое высказывание используется и в отчете «Четвертый день Московских зимних бегов»: *«Не можем умолчать еще о другой круп-*

¹ Жукова М.Н. Две свадьбы // Отечественные записки. 1857. Т. СХІІ, № 6. С. 602.

² Письма из Парижа // Журнал Коннозаводства. 1868. № 1. Цит. по: Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства: Статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М., 1887. С. 630.

ной новости в мире нашего спорта. В этот день было открытие вновь устроенного в селе Всесвятском охотничьего дома вновь учреждаемого здесь Общества парфосной охоты¹, на щедрое пожертвование почетного спортсмена Ф.И. Герле»².

Новым подходом в те годы стало и раскрытие термина «спорт» через отдельные виды (предметы³) спорта: «атлетический спорт», «гимнастический спорт», «гребной спорт», «парусный спорт», «стрелковый спорт», «охотничий спорт», «рыболовный спорт», «голубиный спорт» и др. Кроме основных предметов спорта, журналисты уделяли внимание и существующим в том или ином виде разновидностям. К примеру, такое направление, как «конный спорт», делилось на «скаковой спорт», «беговой спорт», «рысистый спорт» и т.д. Если первые два понятия – «скаковой спорт», «беговой спорт» – оправдывают свое название, имея в основе соревновательную составляющую («скачки», «бега»), то введение определения «рысистый спорт» стало исключением из привычных канонов словообразования. Причиной стало то, что оно получило название не от состязаний или каких-либо снарядов, используемых в видах спорта, а от наименования отдельной породы лошадей – рысаков, отличавшихся *«быстротой и легкостью пробега на огромные расстояния при дурных и неудобных дорогах»*⁴.

Одним из первых упоминаний этого вида стал материал В. Коптева «Еще отзыв иностранцев о 2-й Всероссийской конской выставке». Здесь через цитаты из отчета графа К.И. Развадовского раскрывается его суть: *«Гр. Развадовский говорит: “Правительство наше, приобретая завод из частной собственности, сделало его всеобщим достоянием русского коннозаводства и, что это распространение рысистой крови между частными собственниками дало толчок развитию **рысистого спорта**, который повлиял и на большее развитие*

¹ Вид охоты с гончими собаками.

² Четвертый день Московских зимних бегов // Московские ведомости. 1873. № 33. 5 февр.

³ В те времена **виды** спорта рассматривались как **предметы** спорта.

⁴ Коптев В. Еще отзыв иностранцев о 2-й Всероссийской конской выставке // Коннозаводство. 1870. № 4. Цит. по: Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства: Статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М., 1887. С. 513.

быстроты”, причем совершенно метко и справедливо указывает на влияние этого направления в отношении изменения и уточнения формы. “Таким образом, **рысистый спорт** быстро развился в России, который, впрочем, и необходим для сохранения рысистой способности в этой породе, но который с тем вместе повлиял и на формы лошадей, как всегдашнее необходимое последствие в тех случаях, когда производство принимает одностороннее направление с целью достижения исключительно одной быстроты в лошадях”¹.

Помимо того, стоит упомянуть, что вид спорта мог напрямую и не называться, а смысл его мог передаться через текст. Так в 1850 г. в разделе «Смесь» журнала «Москвитянин» был раскрыт и назван «голубиный» спорт. Принадлежность его к спортивному виду была передана уже через заголовок «Нового рода спорт» и подтверждена в самом сообщении: «Брюссельское общество голубиных охотников пустило из Лиона 63-х голубей. Назначено было состязание. Голуби пущены 7 июля н. ст. в 5 часов утра. Первый приз выигран г-н Вангелем: его голубь прилетел в Брюссель в 2 часа 31 м.; второй в 2 ч. 39 м.; третий – в 2 ч. 40 м. и т.д. Из этого выходит, что голубь пролетает 7 ½ часов расстояние около 200 фр. лье»². Положительным фактором является то, что эта заметка была написана по всем профессиональным канонам представления спортивного события. Здесь четко раскрывается: где, когда и что произошло, с указанием победителя соревнования и времени других участников. Такой подход в представлении информации о спорте в российской прессе того времени был еще очень редок.

При всех благоприятных условиях развития «языка спорта» в прессе второй половины XIX в., уже на первоначальном этапе он буквально становится яблоком раздора. В этот момент разгораются первые журналистские «баталии» по проблемам его использования. В основе конфликтов могло быть столкновение мнений о том, как

¹ Коптев В. Еще отзыв иностранцев о 2-й Всероссийской конской выставке // Коннозаводство. 1870. № 4. Цит. по: Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства: Статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М., 1887. С. 513.

² Нового рода спорт // Москвитянин. 1850. Ч. IV, № 16. Раздел «Смесь». С. 46.

надо писать о спорте вообще; на какие детали необходимо указывать при раскрытии спортивного события; какие фразы уместны, а какие нет; и т.д. За рубежом такие случаи могли приводить к летальному исходу. Например, во Франции произошло убийство на дуэли редактора журнала «Спорт» г. Дильона герцогом де Граммоном. Поводом стали «неправильное» высказывание о герцоге в одной из публикаций о скачках, а также отказ напечатать опровержение. Причем дуэль спровоцировал сам редактор, узнав, что де Граммоном напечатал свое послание в бельгийском издании¹.

В России подобные разногласия заканчивались более благополучно. В качестве примера можно привести спор между журналистом В.И. Коптевым и коннозаводчиком А.А. Стаховичем, представленный в трех номерах (№ 2, 5, 10) «Журнала Коннозаводства». Началом стала заметка В. Коптева о провинциальных ипподромах, с указанием их значения для лошадей и с приведением отдельных примеров. Однако коннозаводчику показалось, что в материале было уделено мало внимания его рысакам, по сравнению с другими, и он написал замечания к публикации на 22 страницах. Ключевым в споре стал «Ответ на заметку г. Стаховича», в котором журналист обратил внимание на ошибки в тексте А.А. Стаховича: *«Думаю, что выражение, употребленное в знаменитом пари, которое предложил владелец Эклипса, что прочим его соперникам не будет места в состязании с Эклипсом, довольно известно, и г. Стахович, знающий и иностранные языки и постоянно обращающийся в мире спортсменов, по крайней мере настолько, чтобы язык спорта не был ему неизвестен, должен был бы понять, что выражение “соперники без мест” не значит, что “его лошадям не оказалось места в Москве”, т.е. “они не получили в Москве призов”, и что “Пройдохе² нет места в Москве”, но именно Пройдоху не следовало записывать и изнувать бесплодно-безнадежным состязанием с лошадьми, более его способными к выигрышам»³.*

¹ Последние известия // Время. 1862. № 10. Раздел «Современное обозрение». С. 117.

² Кличка жеребца А.А. Стаховича.

³ Коптев В. Ответ на заметку г. Стаховича // Журнал Коннозаводства. 1869. № 10.

В данный период в журналистике идет поиск и синонимов к термину «спорт». Одним из них становится «охота». Взаимозаменяемость используется в разных модификациях. Например, в материале «Тульские рысистые бега в 1871 году» спорт называется «охотой на лошадях» (т.е. увлечением лошадьми)¹: «<...> в столицах большею частью берут призы люди, занимающиеся **спортом, т.е. охотой на лошадях**, выбранных и приобретенных от коннозаводчиков и могущие потому посвятить и больший досуг, и средства, чем сами коннозаводчики, которым выпадают на долю столько неизбежных забот и расходов на воспитание, содержание, продовольствие, и наконец, заботы по первоначальной выезде их лошадей»².

Этот подход можно увидеть не только в журналистике, но и в публицистике. В частности, в книге географических рассказов Е.Н. Водовозовой «Жизнь европейских народов» (1875–1883), во втором томе, вышедшем под названием «Жители Севера» (1878), в главе «Спорт в Англии» говорится: «То, что называется теперь общим именем спорта и игр (*sports and games*), преимущественно обнимает **охоту** во всех ее ветвях, скачки, езду в яхтах, крикет, игры в мяч, бокс, борьбу и стрельбу из лука». Несмотря на некоторую «пиричность», представленную в определении, переданную через фразу «обнимает охоту во всех ее ветвях», оно отражает современное понимание спорта в то время.

Помимо того, текст главы имеет определенные значимые факторы: во-первых, он написан достаточно профессионально, несмотря на то, что принадлежит женщине³. Стиль отличается логичностью и в то же время легкостью и простотой в изложении увиденных событий.

Во-вторых, это один из полноценных рассказов о спорте в Англии 70-х XIX в. На 10 страницах автор подробно повествует о пяти видах спорта (крикет, бег (сороходство), плавание, гонки на шлюпках, бокс). Причем раскрытие идет подробно с примерами, при возможности – с упоминанием спортсменов. Вот как представлен дебют жен-

¹ Хотя еще в 20-е г. XIX в. выходили два издания: «Еженедельник для охотников до лошадей» (М., 1823) и «Записки для охотников до лошадей» (М., 1826), в названии которых использовался более правильный вариант «охота до лошадей».

² Тульские рысистые бега в 1871 году // Коннозаводство. 1871. № 12.

³ В XIX в. авторами спортивных текстов были мужчины.

щины в скороходстве¹: *«Не только мужчины, но и женщины занимаются эти упражнением. Не очень давно улицы Лондона были загромождены зрителями, сбегавшимися со всех сторон посмотреть на дебют молодой женщины. Она обещала пройти в 4 ½ часа пространство в 20 английских миль. Она явилась, одетая вся в белом, и, прижав локти, двинулась вперед. Нечего и говорить, что она точно исполнила свое обещание»*².

В-третьих, здесь дана оценка освещения видов спорта, выступления спортсменов через анализ публикаций в английской прессе. О беге: *«Перелистывая журналы спорта, можно насчитать в одну неделю до 90 состязаний этого рода. Нередко джентльмены уговариваются не только пробежать в известное время известное пространство, но и пробежать это пространство с разными препятствиями, например перепрыгивая на разных расстояниях через кучи хвороста»*³.

О боксе: *«О дне борьбы листки и журналы спорта извещают еще за неделю, но в то же время они никогда не объявляют ни часа, ни места действия. Тем не менее в день бокса собирается громадная толпа народа, а полиция об этом ничего не знает»*⁴. Представление спортсменов, в английской печати через «животных», Е.Н. Водовозова описывает следующим образом: *«Читая в специальных журналах отчет о беге, можно подумать, что дело идет о зверинце: «На лондонском “Олене” нет ни унции лишнего мяса, “Американская лань” сложена удивительно пропорционально, и ее тело твердо, как копыто. “Антилопа” никогда не была так грандиозна, как...»*⁵.

В-четвертых, в тексте сделана попытка разобраться в зарождающейся терминологии (на примере бокса) и ее восприятию в обществе. *«Боксеры отличаются от прочих людей не только атлетическим сложением и геркулесовскою силою, но даже и особым языком, нра-*

¹ В скороходство в те времена входили бег, и некоторые литераторы относили к нему ходьбу на расстояние на время, хотя она имела название «пешеходство».

² Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов. СПб., 1878. Т. 2. С. 126.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 130.

⁵ Там же. С. 127.

вами и образом жизни. Кровь они называют “кларетом” (напиток), голову “орехом”, лоб “фронтисписом”, нос “раковиной”, волосы “льном”, желудок “хлебной корзиной”. Это условный язык со своими метафорами и аллегориями скрывает для обыкновенных смертных некоторые подробности битвы, которые на общеупотребляемом языке были бы возмутительны. Когда дело идет о том, что один боксер выбил другому зубы кулаком, то на своем фигуральном языке оно выражается так: “Слоновая кость была вынута без помощи механических снарядов”. Когда от удара глаза исчезают под опухолью век, он находит более удобным сказать, что “светочи погасли под аркою фронтисписа”»¹.

Тем не менее главная ценность заключается в том, что в самой главе автор, на примере описания английского спорта, не только профессионально раскрыл существующие виды, но и сделал довольно удачную попытку разобраться в терминологии. Подобных образцов разбора спорта в журналистике и публицистике в 1860–1870-х гг. насчитывалось единицы, и это был один из первых. В частности, в 1846 г. некоторые виды спорта Англии уже были профессионально описаны в книге профессора К.П. Пауловича «Замечания о Лондоне. Отрывок из путешествия по Европе, части Азии и Африки» (Харьков), а также в «Воспоминаниях Фаддея Булгарина» (Ч. 1). Однако понятие «спорт» в том и другом случае упомянуто не было.

В целом можно сделать вывод о том, что термин «спорт» в медиатекстах второй половины XIX в. представляет собой семантически структурный комплекс, который обладает развитой системой образных парадигм, характеризуется общественной значимостью. В этот период данная категория взаимодействует с системой терминов родства, с лексико-семантическими понятиями «гимнастика», «охота». На протяжении первых 30 лет, начиная с ввода в русский язык в 1828 г., она распространялась постепенно, начиная с простых упоминаний в тексте и заканчивая осмысленным объяснением вводимого «термина». Первоначальные понятия о спорте были одновременно просты (с современных позиций) и в то же время сложны, порой не-

¹ Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов. СПб., 1878. Т. 2. С. 129.

понятны для аудитории, но, тем не менее, именно они сформировали важные компоненты для дальнейшего развития информационной сущности изучаемой темы.

3.2. Отражение спортивной деятельности России в российской прессе XIX в.

Вхождение и распространение той или иной терминологии в периодических изданиях XIX в. многими исследователями определяются как достаточно трудоемкий процесс. Особенно если он связан с вводимым термином, отражающим определенную предметную деятельность человека.

При изучении спортивной деятельности в журналистских текстах, можно согласиться с мнением исследователя А.В. Двойниной, которая пишет: «Спортивная деятельность представляет собой специфическую сферу профессиональной коммуникации, эффективность которой обеспечивается тем, насколько говорящий (спортсмен/тренер/спортивный комментатор/болельщик и т.д.) владеет языком для специальных целей, насколько сформирована его коммуникативная компетенция, базирующаяся на знании профессионального жаргона и терминологии»¹.

При зарождении любой термин, независимо от того, относится он к какой-либо предметной области или нет, будет иметь неустойчивый характер. И только по истечении определенного времени (сам процесс может быть коротким или долгим – в течение нескольких десятилетий) происходит или его принятие в языковую систему, или, наоборот, отторжение. По своей сути термин одновременно может расширить (показать весь масштаб самой деятельности) или, наоборот, ограничить смысл понятия (отразить действие личности в конкретный момент, в определенной ситуации).

В нашем исследовании таким понятием становится «спортсмен». Оно раскрывает характерные черты человека, занимающегося спортом

¹ Двойнина А.В. Роль тематико-терминологического словаря в формировании коммуникативной личности спортсмена. Уфа, 2013. С. 218.

профессионально или любительски. К ним относятся: физические, умственные и в каких-то случаях духовные качества, которые возникают правомерно, в процессе самоорганизации, самопознания и способны привести к саморазвитию и самосовершенствованию.

Согласно содержательно-структурным признакам термина, в нем проявляется пересечение предметной модальности (раскрытие некоего абстрактного субъекта, занимающегося спортом) и субъектно-смысловой сути (проявление действий конкретной спортивной личности).

Первая попытка раскрыть спортивные увлечения тех или иных знатных людей была представлена еще в начале XIX в. В частности, в «Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елизавете Николаевне Львовой, в 1809 году, изданные Ф.П. Львовым в четырех частях». В примечаниях к стихотворению «Фелица» («Благодарность к Фелице», 1783¹), он обращает внимание на то, что строчка «лечу на резвом бегуне» относится к графу Алексею Григорьевичу Орлову, который «до ристалищ сего рода был охотник»². Здесь же приводится еще один фрагмент из этого же стихотворения «Или кулачными бойцами и пр.», в комментариях к которому раскрывается еще одно увлечение графа – кулачный бой, где он «был особо искусен»³. В книге приводятся еще строчки, посвященные физическим характеристикам Орлова «в единоборстве хитер и проверен» (стих. «Афинеяскому витязю», 1796).

В 20–50-е гг. XIX в. в российской журналистике, когда понятие «спортсмен» только входило в лексикон, создание образов людей этой категории в медиатекстах было связано с определенными трудностями, так как мало кто понимал, как описывать не только их самих, но и совершаемые ими действия. Поэтому чаще всего в рассказах о них применялись художественные методы отображения действительности, отчего сам образ в публикациях был представлен на грани документальности и вымысла. Это прослеживалось не только с категорией

¹ Напечатано в журнале «Собеседник любителей русского слова». 1783. Т. II.

² Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елизавете Николаевне Львовой, в 1809 году, изданные Ф.П. Львовым в четырех частях. СПб., 1834. Фелица. С. 2.

³ Там же.

«спортсмен», но и с теми понятиями, которые предшествовали ей. До введения терминов использовались несколько вариантов представления человека, занимающегося спортивной («досуговой») деятельностью.

Первый вариант выражается через передачу информации об участнике спортивного зрелища в прессе в виде глагольной формы «играл в шахматы», «участвовал в скачках», «бегать на коньках», «пробежал дистанцию» и т.п., но вначале с упоминанием фамилии, ранга (статуса, звания) («капитан», «барон»), пола («мужчина», «девица»); приветственной формы («господин», «госпожа»). В частности, это можно увидеть в следующих фрагментах: *«Госпожа Баголини – женщина высокая, стройная; движения ее ловки и приятны; кажется, что природа наделила ее и достаточной физической силой и проворством. Если она уклоняется от ударов своего противника с большой ловкостью, то нередко и преследует его успешно»*¹ (о проведенном ASSO в Санкт-Петербурге фехтовальщицы г-жи Баголини) или *«В понедельник, 3 июня, г. Робертсон благополучно совершил здесь, в Санкт-Петербурге, девятое плавание свое по воздуху»*² (о выступлении воздухоплателя г. Робертсона).

Второй вариант – это раскрытие образа «человека спорта» через увлечение определенным видом (предметом) спортивной деятельности: «воздухоплатель», «вольтижер», «жокей», «всадник», «ездок» (седок), «наездник», «берейтор», «кулачный боец», «стрелок», «боксер», «силач», «скороход», «пешеход», «фехтмейстер» и т.д. Эта тенденция хорошо прослеживается в различных журналистских сообщениях, опубликованных в 1820-х гг.: *«В последний понедельник была скачка об заклад в 200 гиней между г. Эберардом и капитаном Смитом. <...> Расставив в надлежащих местах свидетелей, ездоки поскакали и вскоре разъехались в разные стороны; один переехал через Темзу по Каверсгамскому мосту, а другой по Соннерийскому»*³. *«Скороход Таундет в Англии выиграл значительный заклад. Пробежал в продолжение 10 дней сряду, по 64 английские мили ежедневно. – Замечательно, что искусство скороходов, давно уже почти забытое,*

¹ О фехтовальном ASSO госпожи Баголини // Северная пчела. 1827. № 73. 18 июня.

² Смесь // Северная пчела. 1829. № 68. 6 июня.

³ Английские заклады // Сын Отечества. 1821. Ч. 71. С. 127.

начинает вновь нравиться лучшей публике многих европейских городов»¹. «Не знаем, какие причины имел наш искусный **фехтмейстер** Гризье вооружиться всею силою своего таланта и искусства. Нам казалось бы, что он, как учтивый француз, долженствовал уступить своей противнице»². И в большинстве случаев такая классификация касалась описания отдельных зарубежных представителей спортивных увлечений. Российские любители журналистов интересовали в меньшей степени, вплоть до середины 1830-х – конца 1840-х гг.

Третий вариант – поиски отечественными журналистами в первой половине XIX в. обобщающего термина. По сравнению с взаимозаменяемостью «спорта» и «гимнастики», такого слова, прежде чем появился «спортсмен», не существовало. Обычно его заменяли несколько понятий, но особо из них выделялись «охотник» и «любитель». Первое трактовалось как человек, увлекающийся чем-либо, а не занимающийся только охотой (в прямом значении этого термина). Это в журналистских текстах выражалось следующим образом: «охотник до стрельбы», «охотник до шахматной игры», «охотник до скачек», «охотник до игры в бильярд», «охотник до петушьего боя» и т.д. В качестве примеров употребления этого слова можно привести следующие фрагменты из журналистских публикаций: «Все, как Русские, так равно Тунгусы и Буряты, страстные **охотники до скачки**»³. «Признаемся, мы не любим этой игры. Но что есть **охотники до шашек**, в этом можно удостовериться в гостиных рядах»⁴. «В Лебедяни у **охотников** существует обыкновение давать приз для скачки лошадям некровным; приз этот составляет складчиною никогда не более 500–400 рублей, и почти каждый барышник⁵ имеет для такого приза нарочно-купленную и приготовленную лошадь; всегда скачут на него лошадей до десяти»⁶. «Главный недостаток Одессы – тот, что

¹ Смесь // Северная пчела. 1825. № 131. 31 окт.

² Смесь // Северная пчела. 1827. № 73. 18 июня.

³ Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. СПб. 1830. С. 69.

⁴ Литературная летопись // Библиотека для чтения. 1836. Т. 17, Ч. 2. С. 50.

⁵ Барышник – конский торговец.

⁶ Мяснов П. О коннозаводстве и скачках // Отечественные записки. 1840. Т. 10. Раздел «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность». С. 4.

в ней нет никакой потребности в обществе. Всякий живет здесь для себя и у себя. Торговые выгоды соединяют купцов – на бирже, мелких скупщиков и промышленников – в кофейнях, **охотников до карт** – в клубах»¹. В совокупности они демонстрируют все разнообразие использования этой категории в журналистике XIX в. Данная характеристика спортивных интересов могла быть отражена не только в медиатекстах, но и в названии изданий. В 1820-е г. вышли первые тематические журналы, в которых использовался этот прием: «Еженедельник для охотников до лошадей» (М., 1823), «Записки для охотников до лошадей» (М., 1826). Однако здесь она интерпретировалась в рамках увлечения лошадьми в широком смысле (включая понимание тонкостей различных пород лошадей; ухаживание и лечение, кормление; определение, выбор и оценка лошади для участия в скачках, для хозяйственных и военных нужд).

Помимо того, термин «охотник» в прессе середины XIX в. применялся и для представления зрителей различных состязаний. В «Современных заметках» это было отражено следующим образом: *«Русские вообще большие охотники до лошадей, хотя, разумеется, не столько, сколько англичане. Надо, впрочем, видеть, с каким участием следит московское купечество и дворянство за бегами по скованной льдом Москве-реке, и как Петербург увлекается троичными и одиночными бегами на Неве, перед Зимним Дворцом!»*²

Еще один пример показывает многозначность термина «охотник» через короткую характеристику писателя Майн Рида (в тексте он Мейн Рейд) в критической заметке «Сцены в диких пустынях Терая и на Гималаях». Здесь говорится, что этот *«англичанин страстный охотник до всего, касающегося спорта»*³.

Тем не менее категория «охотник» не совсем подходила для обозначения человека, увлекающегося спортом, так как в русском языке она применялась ко всем, кто интересовался различными забавами и

¹ Вести из Одессы // Москвитянин. 1841. Ч. II, № 4. С. 554.

² Современные заметки // Современник. 1852. Т. XXXV. С. 226.

³ Сцены в диких пустынях Терая и на Гималаях // Вестник Императорского русского географического общества. 1858. Т. 24, вып. 3. Раздел «Корреспонденция и смесь». С. 53.

пристрастиями: «охотник до садоводства», «охотник до загадок», «охотник до чтения», «охотник до новостей», «охотник до увеселений», «охотник до сытного стола», «охотник до театра», «охотник до приключений» и т.д.

Еще одно понятие – «любитель» – в какой-то мере было синонимом слова «охотник» (т.е. с позиции досугового фактора). Оно имело более «мягкую» форму использования в российском обществе середины XIX в., так называемую салонную или клубную. Нередко эта форма применялась и в периодических изданиях, где она могла быть выражена разнообразно: во-первых, в качестве квалификации человека, увлеченного определенным видом спорта: «любители шахматной игры», «любитель фехтования», «любитель играть в бильярд», «любитель кулачных боев», «любитель рысистых бегов», «любитель воздухоплавания», «любитель стрельбы» и т.д.

Во-вторых, «любители», как и «охотники», – это зрители соревнований, наблюдавшие за ходом состязаний, но сами не принимавшие в них участие.

В-третьих, обобщающее понятие, одновременно объединяющее спортсменов (непосредственных участников, игроков) и почитателей (зрителей) того или иного вида спорта. Например, в журнале «Современник» была представлена следующая информация: *«Любителям шахматной игры, или, лучше сказать, науки, известны необыкновенные подвиги на этом поприще нашего соотечественника А.Д. Петрова, которого слава далеко распространилась по Европе. Независимо от первостепенной силы его, как шахматного игрока, знатоки всех наций давно уже оценили его высокие заслуги по части теории игры, а сочиненные им в разное время шахматные проблемы призваны труднейшими и остроумнейшими из всех, доселе изданных»*¹. Или в «Русском слове»: *«Носятся слухи, что между любителями водяных путешествий устраивается еще другой частный Яхт-клуб на малых судах, с подпиской по 10 руб. сер. в год, где будут преподавать основные правила управления парусами и всего того, что касается до научной части правильного управления мелкими судами, во время бури:*

¹ Шахматная новость // Современник. 1851. Т. XXVI. С. 232–233.

учреждение подобных обществ очень благотельно и может предотвратить не мало несчастных случаев, повторяющихся почти каждое лето»¹.

Популярность «охотника» и «любителя» выражалась и через включение их в название формировавшихся тогда спортивных обществ: «Общество любителей шахматной игры», «Общество любителей стрельбы», «Общество охотников конского бега для рысистых лошадей», «Общество любителей бега на коньках» и др.²

В XIX в. в журналистских публикациях использовались еще несколько понятий, применяемых в каждой ситуации отдельно: «атлет» (человек, обладающий большой физической силой, крепким телосложением), «участник» (человек, участвующий в соревнованиях, например в скачках), «игрок» (если речь шла о настольных играх) и т.д. В частности, «атлет» характеризовал, прежде всего, участников кулачных боев и борцов во время народных праздников: *«После шествия начались народные игры, нечто в роде патриархальных игр Древней Греции. Силачи состязались, поднимая тяжести, крепкомышцы атлеты боролись между собою, легконогие горцы пускались взапуски»³.*

Кроме того, эта дефиниция нередко применялась при характеристиках передовых представителей российского общества, увлекающихся гимнастикой в середине XIX в. Однако она чаще всего не выходила на первый план в тексте и употреблялась вскользь, как быденное слово. В частности, в 1834 г. в одном из писем прозаик А.А. Бестужев высказался о себе следующим образом: *«Я здоров и силен, без увеличений, как атлет, да и надо, правду сказать, иметь медвежьи ребра, чтоб идти с голыми кулаками на судьбу»⁴.* Хотя в этом примере слово использовано как сравнение, но смысловая сущность была передана точно. Или, к примеру, в очерке П. Плетнева «Александр Сергеевич Пушкин» (Современник. 1838), в котором поэт раскрывается не только как человек, занимающийся литературным

¹ Смесь // Русское слово. 1859. Т. VII. С. 156.

² Подробнее см. далее.

³ Смесь // Библиотека для чтения. 1844. Т. 66. С. 180.

⁴ Письма А.А. Бестужева // Русский вестник. 1861. Т. 32. С. 463.

творчеством, но и как приверженец физических упражнений: «Он каждое утро отправлялся в какой-нибудь архив, выигрывая прогулку возвращением оттуда к позднему своему обеду. Даже летом, с дачи, он ходил пешком для продолжения своих занятий. Летнее купанье было в числе самых любимых его привычек, от чего не отставал он до глубокой осени, освежая тем физические силы, изнуряемые пристрастием к ходьбе. Он был самого крепкого сложения, и к этому много способствовала гимнастика, которою он забавлялся иногда с терпеливостью **атлета**, как бы долго и скоро ни шел он, дышал всегда свободно и ровно. Он дорого ценил счастливую организацию тела и приходил в некоторое негодование, когда замечал в ком-нибудь явное невежество в анатомии»¹. Однако категория «атлет» имела и иную смысловую суть: «человек, имеющий лидирующие позиции в различных областях науки и искусства». В журналистских публикациях 1830–1840-х гг. встречаются такие выражения, как «литературные атлеты», «атлеты поэзии», «атлет науки» и под.

Помимо того, в XIX в. в редких случаях в медиатекстах употреблялись еще два понятия, непосредственно связанные с раскрытием общих характеристик «спортсмена» – это «знаток» и «поклонник». Оба они рассматривались двояко: с одной стороны, это человек, владеющий энциклопедическими знаниями об определенном виде спорта и нередко выступающий в роли зрителя на состязаниях: «поклонник скачек», «поклонник бокса», «знаток бегового дела», «знаток верховой езды». «Много собиралось настоящих охотников и бадо (неловко употребить соответствующее этому выражению русское слово **зевак** – оно как-то еще не облагородилось), и много собралось зрителей – **знатоков** и судей, 3-го, 6-го и 8-го февраля на Москву-реку, смотреть на бег рысистых лошадей»².

С другой – опытный участник, знающий досконально все правила того или иного вида спорта: «знаток охоты», «знаток шахматной игры», «знаток игры в шашки», «знаток игры в бильярд» и т.д. Вместе с тем эти слова, как и вышеупомянутые, применялись и в других отрас-

¹ Плетнев П. Александр Сергеевич Пушкин // Современник. 1838. Т. 10. С. 49.

² Московская летопись // Москвитянин. 1846. Ч. 2, № 3. С. 272.

лях общественной деятельности, поэтому не совсем подходили для раскрытия специфических качеств «человека спорта».

Тем не менее данные термины постоянно использовались в журналистских текстах как до, так и после введения термин «спортсмен» в 1828 г., вплоть до конца 1880-х гг. При этом в журналистском произведении могли употребляться сразу несколько вариантов одновременно. Например, соединение трех понятий в одном фрагменте можно наблюдать в одной из публикаций газеты «Русский художественный листок»: *«Г. Давлуи, имевший фехтовальную залу на Невском проспекте, известный знаток этого искусства, вознимел прекрасную мысль соединить фехтование со стрельбою в цель, в особенно для того устроенном здании, в центре города, у Александрийского театра. Его заведение существует теперь уже около трех месяцев и постоянно посещается любителями фехтования и стрельбы. Заведение г. Давлуи не только доставляет удовольствие, но и пользу, ибо знакомство с огнестрельным оружием необходимо во многих случаях, особенно для неопытных охотников, которые тем избавляются от несчастных случаев, ежегодно и повсюду бывающих от неумения заряжать оружие, от неумения носить его и обращаться с ним и, наконец, от недержания его в чистоте»¹*. В этом случае «знаток» передает характеристику владельца спортивного заведения, «любители» – людей, увлеченных фехтованием и стрельбой, а «охотник» имеет двойкий смысл – человек, умеющий (в нашем случае «начинающий») пользоваться оружием, и человек, увлеченный стрельбой только как развлечением.

Однако чаще всего применялся классический подход, основанный на передаче информации через одно понятие (в данном случае – «охотник» как коннозаводчик и не более). Он хорошо прослеживается в различных публикациях в газете «Северная пчела». Например: *«Ненастная погода в воскресенье, 20 января, воспрепятствовала нам быть свидетелями занимательного состязания между тройками двух известных охотников, Н.Н. Анненского и П.Н. Дирина, на расстояние*

¹ Петербургские развлечения // Русский художественный листок. 1852. № 6. 20 февр.

55-ти верст. Первый защищал достоинство наших степных лошадей, а второй стоял за славу английских скакунов»¹. Необходимо отметить, что то же самое событие было описано и в «Русском художественном листке» (1852. № 6. 20 февр.), однако хозяева скакунов просто были названы по фамилиям, без дополнительных эпитетов.

В целом можно отметить, что вводимые термины «охотник», «любитель», «знаток», «поклонник», «атлет», «игрок» и другие не смогли полностью отразить характерные черты «человека спорта», подчеркнуть его индивидуальность и в то же время раскрыть широту его деятельности. Все это смогла воплотить введенная в русский язык категория «спортсмен».

Первый раз она упоминается в российской прессе в 1828 г. в переводной статье «Английские нравы. Охоты»², вышедшей в нескольких номерах санкт-петербургской газеты «Северная пчела» (№ 48, 50, 52). Причем выглядело это достаточно оригинально: французский автор при рассказе об одной из английских страстей (о рыбной ловле удою³) упоминает о мастерстве делать искусственных насекомых, которое присуще для «спортсмена»: «*Уметь мастерски делать искусственных мух – дарование, весьма уважаемое в спортсмене*»⁴. В тексте слово было выделено курсивом и через сноску объяснено, что оно обозначает: «*Сие слово (sportsman) означает всякого любителя, чего бы то ни было; собственно же оно охотник*»⁵. Исходя из контекста, можно понять, что первоначально спортсменом называли человека, увлекающегося любыми забавами.

В тексте также просматривается некая проблема с представлением нового понятия. Переводчик в самой публикации с самого начала пишет слово на русском «спортсмен», а в объяснении оно идет уже на французском «*sportsman*». Что касается самого понятия, оно рассмотрено автором через раскрытие нескольких персонажей: это рыболов и охотники. Представление характеристик любителя рыбной ловли про-

¹ Пчелка. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1852. № 22. 26 янв.

² Это был перевод статьи из французского издания «Le Globe».

³ Уда – удочка.

⁴ Английские нравы. Охоты // Северная пчела. 1828. № 48. 21 апр.

⁵ Там же.

исходило следующим образом: «<...> я знал одного **спортсмена**, который каждый день, принося с рыбной ловли домой по четыре или по пяти больших семг, оставлял их гнить, но ни под каким видом не отдавал поселянам, боясь, как он говорил, “чтоб они не приохотились к семге и стали ее ловить тайком”»¹. В этом случае было не важно увлечение героя, а было важно придуманное им «наказание».

Тем не менее в другом фрагменте было рассказано об участии спортсменов в охоте, и ориентир был уже на представление действий того или иного персонажа: «Как скоро лисица поднята, толпа **спортсменов** трогается с места; но она поминутно умалывается, поминутно какой-нибудь ездок останавливается на бегу: то лошадь его утомилась и не может скакать дальше, то не может перепрыгнуть через какую-либо преграду, иной перепрыгнул – и слетел долой с коня»². Кроме того, в тексте раскрывалось, как начинается английская охота, также обращалось внимание на риски, которым подвергался человек на этой «забаве».

В 1840 г. в прессе появляется первое объяснение, кто такой «sportsmen», предложенное российскими журналистами. Его представил известный в те времена коннозаводчик, автор нескольких публикаций о разведении лошадей и пользе конных скачек П. Мяснов. В статье «О коннозаводстве и скачках» он раскрывает это понятие с позиции «людей (*sportsmen*), кои, не имея ни имуществва для заводов, ни капиталов, ни нужных познаний, займутся собственно скачками, как промыслом, и будут покупать для него лошадей у заводчиков – сначала для выигрышей призов, правительством определенных, а потом мало-помалу приучатся делать и подписки»³.

При всех положительных фактах введения данного слова в русский язык в этой публикации, оно оставалось долгое время незамеченным другими журналистами, редакторами периодических изданий. Однако оно все используется, но это происходит чисто случайно, неосознанно.

¹ Английские нравы. Охоты // Северная пчела. 1828. № 48. 21 апр.

² Английские нравы. Охоты // Северная пчела. 1828. № 52. 1 мая.

³ Мяснов П. О коннозаводстве и скачках // Отечественные записки. 1840. Т. 10. Раздел «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность». С. 4.

Например, при критическом разборе очередной зарубежной книги в библиографических и критических разделах российских журналов. В частности, в 1840 г. поводом для опубликования термина стала рецензия на книгу «The sportsman in Ireland, With his Summer Route thought the Highlands of Scotland» («Охотник в Ирландии. Летнее путешествие по горам Шотландии») в журнале «Отечественные записки», в котором оно было отображено только в названии издания. Далее к слову не последовало необходимого комментария, так как при переводе оно было заменено на «охотник». Тем не менее тема «спортсменов» в критике все же передана, но иносказательно через категории «джентльмены-охотники» и «туристы»: *«Книга эта, как показывает заглавие, посвящена преимущественно охоте; неизвестный автор описывает свои рыболовные подвиги на озерах и реках Шотландии и Ирландии, и описывает так заманчиво, что вслед за ним, вероятно, потянутся в описываемые им места толпы джентльменов-охотников и туристов, видевших все, кроме своего отечества»*¹.

То же самое наблюдается и в рецензии 1849 г. на французскую пьесу «Лондонские душители» («Les etouffurs Londre»). В пьесе говорится о плутовской игре главного героя капитана N в ланскнэ (карточная игра) и последующих последствиях (предложение отставки и осуждение общества): *«За ним следили действительно. Однажды вечером его пригласили на ланскнэ, в отель, нанятый избранными спортсменами (sportsmen); когда пришла его очередь держать карты, ему подали пакет пересчитанных карт. Он метал банк и выиграл 300 луидоров, потом встал и вышел, сказав, что служба призывает его к принцу, но что он возвратится тотчас, как только будет свободен»*². Это был один из редких случаев, когда любители карточной игры рассматривались как спортсмены.

И лишь в конце 1840–1850-х гг. термин начал целенаправленно использоваться в текстах российской прессы, причем в различных ин-

¹ Английская литература // Отечественные записки. 1840. Т. XI. Раздел «Иностранная литература». С. 4.

² Смесь // Отечественные записки. 1847. Т. LIII. С. 88.

терпретациях: «спортсмен», «спортсман», «sportsman», «sportsmen». В 1870-е гг. к ним добавляется еще одно – «спортсмэн».

Одним из первых таких упоминаний о спортсмене в российской прессе стал не реальный человек, а литературный персонаж. Такими стали спортсмен Мондрагон из повести А. Делаверне «Богатый человек» и спортсмен Уинкель¹ из романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»². В повести «Богатый человек» Мондрагон – один из главных персонажей. Переводчик называет его спортсменом в самой повести только один раз, когда при разговоре трех товарищей выясняется, где лучше делать ставки. *«Правда, отвечал спортсмен Мондрагон: лучше держать пари на лошадей, чем на железные дороги»*³. Сколько раз Мондрагон упоминается в качестве спортсмена в оригинале – неизвестно, так как французский вариант не сохранился.

Уинкель становится спортсменом лишь в критических заметках «Письма иногороднего подписчика в редакцию “Современника” о русской журналистике» (само письмо датируется декабрем 1848 г.), где идет простое его упоминание: *«Добро пожаловать, добродушнейший мистер Самуил Пиквик, творец “Теории о Пискарях”, основатель клуба, названного его именем, джентльмен, привыкший к общему удивлению, подбострастию и сохраняющий столько благородной наивности! Здоровы ли вы, светило мудрости, сэр Самуил, что ваши товарищи и поклонники; нежный Топман, спортсмен Уинкль и поэт Снодгресс?»*⁴. Ни на спортивные достижения, ни на увлечения охотой героем в критике указано не было. Хотя в оригинале романа это все присутствует (охота, игра в крикет, игра в карты и т.д.).

¹ В первом русском переводе этот герой шел под фамилией Винкель.

² Первый перевод романа на русском языке был представлен в журнале «Библиотека для чтения» (1840. Т. 40) под названием «Записки Пиквикского клуба». Однако понятий «спортсмен», «спорт» там не было, хотя в оригинале они присутствуют.

³ Делаверне А. Богатый человек // Библиотека для чтения. 1847. Т. 84. Раздел «Иностранная словесность». С. 83.

⁴ Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике // Современник. 1849. Т. XVIII. Раздел «Смесь». С. 201.

Описание уже «действующего» спортсмена, точнее спортсменов, было связано с раскрытием деятельности английских представителей спорта, о которых больше всего упоминаний в медиатекстах. Информация о них могла быть второстепенной. В частности, в переводной французской статье «Коннозаводство в Германии» при рассказе о породе лошадей, упоминается мнение спортсменов: *«Такова чистокровная английская лошадь; спортсмены имеют много основательных причин считать ее лучшие лошади, вывезенной в наше время с востока»*¹.

Или раскрытие конкретных действий, как в сообщении из Африки, размещенном в февральском выпуске журнала «Сын Отечества»: *«Из Египта сообщают о любопытном предложении, сделанном египетским наместником Аббасом-нашею английским спортсменам: он приглашает их прислать в Египет на состязание с египетскими лошадьми лучших их скакунов, предлагая назначить заклад, по их желанию, от 10 до 50 т. ф. ст.² (от 60 и 300 т. руб. сер.). Бег предлагает он устроить не круговой, а по прямой линии, на расстоянии 11 или 12 миль (от 16 до 20 верст)»*³. Был ли принят этот вызов, осталось неизвестно, так как в последующих номерах издания эта тема больше не поднималась. Кроме того и сама новость является очень ценной, так как в те времена любая информация из Африки была очень редка в отечественных СМИ, а тем более она касалась спорта. Такие тексты в журналистике были единичны.

Тот же прием можно увидеть в небольшом рассказе о «выдумках» новых соревнований англичанами в разделе «Смесь» в журнале «Москвитянин»: *«Английские спортсмены придумали поэтому довольно оригинальный способ испытания, именно бег лошади против гонки гребного судна»*⁴.

Тем не менее в российских медиатекстах нередко был представлен и иронический взгляд на «любителей» спортивных забав, особенно

¹ Коннозаводство в Германии // Журнал коннозаводства и охоты. 1849. Т. XXI, № 11. С. 1077.

² Т. ф. ст. – тысяч фунтов стерлингов.

³ Африка // Сын Отечества. 1850. № 2. Раздел «Современная летопись и политика». С. 87.

⁴ Смесь // Москвитянин. 1851. Ч. IV, № 14. С. 162.

это касалось характеристик зарубежных спортсменов: «С первыми хорошими днями ожили парижские **спортсмены** и тотчас же устроили скачки. Надобно заметить, что на этих скачках препятствия возрастают с каждым годом, так что это уж не шутка и забава, а такая опасность, что можно рисковать если не жизнью, то какою-нибудь частью тела. Разумеется, что ловкость и искусство ездоков выказываются, зато нервы зрителей страдают чрезвычайно, и при каждом падении с лошади многие дамы падают в обморок. И это называют удовольствием!»¹.

Выход термина «спортсмен» на примере конкретного человека на первый план наблюдается, прежде всего, в «трагикомичной» заметке «Жокей Робинсон»: «Известно, что главное достоинство жокея – худоба. Между любителями спорта сохраняется по поводу этого свойства презабавное предание. На одной из английских скачек, в Эпсоме или Ньюмаркете, оказалось, что одна из состязавшихся лошадей не выиграла приза единственно от небрежности или недосмотра ее наездника, Робинсона. Робинсон был вдвойне самолюбив: как кровный Англичанин и как истый жокей, т.е. **спортман** не только по обязанности, но и в душе. Удостоверившись в своей ошибке и ее грустных последствиях, перед лицом многочисленной толпы давшей средства к победе скакуну, который иначе бы не выиграл, Робинсон, недолго думая, решил повеситься. В одну минуту была готова веревка, сделана петля, Робинсон накинул себе ее на шею, повис, но удавиться не мог: он был слишком легок»².

При анализе можно отметить следующий момент: если в первом случае было использован переходный вариант изучаемого термина – «спортман», то в другом в номере, вышедшем год спустя, уже была применена иная вариация – «спортсмены», ставшая впоследствии устойчивой.

Один из первых случаев, когда данный термин был применен к российским любителям спортивного досуга, был зафиксирован в

¹ Новости литературы, искусств, науки и промышленности // Отечественные записки. 1854. Т. 94. Раздел «Новости». С. 14.

² Жокей Робинсон // Москвитянин. 1850. Ч. IV, № 13. Раздел «Смесь». С. 21–22.

1848 г. в издании «Иллюстрация». В фельетоне без названия в разделе «Хроника» был представлен следующий эпизод, где спортсмен упоминается «как бы вскользь», без концентрации внимания: *«Ничего в Петербурге? Когда тут весь ум, знание, вкус; вся ловкость, все блестящие, все терния и розы; все самые божественные женщины, вся самая вызолоченная новейшим способом молодежь; все, что есть торжествующих спортсменов, обольстительных вольтижировок; славных итальянских певиц и певцов; непосещаемая частная выставка в Академии Художеств; преинтересная выставка редких растений и цветов прибывшего из-за границы садовника Книспеля (в магазин Дорна)»*¹.

Еще один пример упоминания «спортсмена» – в 1849 г. в фельетоне И. Кокорева «Сборное воскресенье в Москве»: *«Что вам угодно? – Охотничье ружье, которое бьет наверняка в пятидесяти шагах, черкесский кинжал, отличную легавую собаку, свирепую мордашку, сметливого водолаза, умную овчарку? – Пожалуйте в Охотный ряд в Сборное Воскресенье и получите желаемое. Или, может быть, недостает у вас яхташа, пороховницы болотных сапог, нет ножа для прикалывания зайцев, крючка для уды, капкана на разбойника-волка? – Идите в Охотный ряд и там найдете все это. – Но не мудрено, что ошибаюсь я, предполагая в вас охотника, *sportsman'a?*»*².

В этом фрагменте «спортсмен» рассмотрен через увлечение охотой, рыбалкой. Помимо обращения к русским «sportsman'am», видна и оригинальность этого фельетона, которая состоит в том, что И. Кокорев избрал вопросную форму представления события, происходящего в Москве в Охотном ряду.

В 1851 г. в газете «Северная пчела» появляется заметка, в которой российские «спортсмены» рассматривались как люди, увлеченные такими гимнастическими забавами, как стрельба и фехтование. Поводом послужило открытие в Санкт-Петербурге места для стрельбы и фехтования возле Александровского театра. Обращая внимание на

¹ Хроника // Иллюстрация. 1847. № 39. 18 окт.

² Кокорев И. Сборное воскресенье в Москве // Москвитянин. 1849. № 6, кн. 2. С. 75.

один из значительных факторов данного события (насколько популярна это площадка в высшем свете), редактор издания Ф. Булгарин писал: *«Здесь собирается ежедневно множество наших спортсменов (sportsmen) или любителей гимнастических забав¹, и они проводят время чрезвычайно приятно»².*

Трудности вхождения термина и определения в российском обществе любителя спорта как спортсмена, в 50-е гг. XIX в. отмечают и сами журналисты: *«У нас еще нет джентльменов-рейдеров, нет еще эксцентрических спортсменов, ломающих себе шеи и ноги на скачках с препятствиями, через рвы, частоколы, барьеры и зажженные костры!»³.*

Отмечается и тот факт, что на первых порах в медиатекстах исследуемая категория не всегда используется журналистами и писателями по назначению. В некоторых случаях героем-спортсменом журналисты называли человека, участвовавшего в различных пари, не всегда напрямую связанных со спортивной деятельностью. Например, в журнале «Отечественные записки» в одном из сообщений были представлены оба варианта: *«Недавно один спортсмен держал пари, что он в три часа съездит из Парижа в Компьен и обратно и все двадцать миль проскачет галопом. Другой, желая блеснуть странностью, утверждал, что он в час обойдет Булонский Лес на четвереньках. Он выиграл пари, но после этого подвига никак уже не мог выпрямиться и стать на ноги»⁴.*

Если в первом варианте участник пари назван спортсменом вполне правомерно, то во втором – характеристика, данная герою похождения «на четвереньках» по лесу, подвергается глубокому сомнению из-за нелепости выбранного задания. На это указывает и сам автор публикации, отмечая некую «странность» в выбранной забаве. Хотя с позиции разносторонности досуговой стороны спорта того времени этого персонажа все же можно отнести к спортсменам, но условно.

¹ В этом случае вновь подтверждается взаимосвязь спорта и гимнастики.

² Журнальная всякая всячина // Северная пчела. СПб., 1851. № 274. 8 дек.

³ Современные заметки // Современник. 1852. Т. XXXV. С. 226.

⁴ Смесь // Отечественные записки. 1854. Т. 95. С. 27–28.

В ряде журналистских произведений 1850-х гг. спортсменами называют зрителей, профессионально наблюдавших за соревнованиями, в частности за скачками: «Скачки у нас, конечно, не имеют того значения, как, например в Англии и Франции, где они составляют некоторого рода события; однако и у нас на подобные испытания лошадей собирается постоянно многочисленная публика. Кроме небольшого числа наших **соотечественников – спортсменов**, здесь вы встретите много простых любителей лошадей, много англичан – этих необыкновенных охотников до всякого рода состязаний и их последствий»¹.

Далее автор заметок дает характеристику каждой категории: «Истинные **спортсмены** внимательно следят за бегунами, подвергают критической оценке ноги, шею, поступь лошади, посадку жокея, называют по именам как первых, так и вторых; простые любители лошадей смотрят, улыбаются, щелкают языком; англичане спорят, а простые зрители зевают, разговаривают о чем-нибудь, только не о лошадях и не о скачках, и часто посматривают на часы, ожидая воделенного времени в Павловск, к табльдоту»².

Такой вариант интерпретации слова наблюдается в российской прессе вплоть до 1870-х гг. При этом это касалась не только раскрытия характеристик отечественных зрителей спортивных состязаний, но и зарубежных. Например, в заметке «Гигантский шар в Лондоне» был представлен случай со страстными английскими зрителями: «14 (26) мая несколько отъявленных **спортсменов** уговорились с владельцем шара, что они взлетят на воздух для того, чтобы сверху полюбоваться на эпсомские скачки и на массу зрителей, собравшихся в Эпсом. В назначенный час шар, с многочисленным обществом, взвился на воздух и остановился неподвижно на известной вышине; пассажиры в полной уверенности своего безопасного положения беззаботно занялись наблюдением интересного для них хода эпсомских скачек и никак не ожидали последовавшего за тем неожиданного удовольствия»³. Далее идет рассказ о том, как канат оборвался и шар

¹ Петербургские заметки // Отечественные записки. 1853. Т. 90, № 10. С. 246.

² Там же.

³ Гигантский шар в Лондоне // Всемирная иллюстрация. 1869. № 29. 12 июля.

улетел ввысь. Событие окончилось благополучно. В этом сообщении слово «спортсмен» было напечатано именно через букву «э».

Еще один образец неудачного использования этого понятия замечен в названии очерка «Русский соловьиный спортсмен» в журнале «Арлекин» (1859. № 17). Несмотря на заголовок, в самой публикации говорилось о московском любителе – торговце соловьями на Никольской улице. И тут логично бы назвать главного героя привычным для того времени словом «птицелов», однако автор очерка решил применить «новомодный» термин, входящий в то время в широкое словоупотребление.

В этот же период термин «спортсмен» становится одним из основных критериев, с помощью которого характеризуются личные качества человека как представителя высшего света. Особо это заметно в описании тех или иных героев литературных произведений, опубликованных в отечественных журналах. Первоначально это слово в литературных текстах появляется на английском и французском языках. И притом без перевода, что можно наблюдать на примере путевого очерка француза Алексиса де Валона «Андалузия». Валон, путешествуя по Испании, встречает англичанина, который привлекает его внимание своей невозмутимостью в отношении к невзгодам, встречающимся на пути: *«Я завидовал флегме Англичанина, который присоединился к моему каравану и который преспокойно курил возле меня сигарку, заставляя своего чахлого оdra перескакивать через каждый камень, который ему попадался. Этому **sportsman'y**¹ пришло в голову, месяцев за восемь, отправиться в Норвегию за семгой, возвращаясь из Христиании в Корнваллийское графство, он изволил прогуляться через Москву, Одессу, Константинополь, Бейрут, Иерусалим, Каир, Александрию, Неаполь и Барселону. Всяк путь ведет в Рим, говорит французская пословица. Я в жизнь мою не встречал такого невозмутимого существа. Он путешествовал один одинешенек, без проводника, не зная и не понимая ни слова по-испански»².*

¹ Переводчик очерка не стал переводить слово на русский язык и выделил его курсивом.

² Андалузия // Москвитянин. 1850. Кн. 3, № 10. Раздел «Иностранная словесность». С. 17–18.

В рассказе Надежды В. «Богатая невеста», опубликованном в журнале «Современник», герой, француз Дюрок, в одном из разговоров раскрывает свои успехи в спорте: «Oh, Monsieur! Moi qui suis un des membres du Jockey's Club! Moi, un des premiers Sportsmen a Longchamps et au bois de Boulogne!..»¹ [О, сударь! Я являюсь членом жокей-клуба! Я лучший спортсмен Лоншана и пригорода Буланже. – перевод мой, Е.В.]. Такая вставка в художественные произведения французской речи без перевода была нормой для того времени, так как многие читатели журналов владели им в совершенстве.

В это же время в ряде произведений российских авторов термин «спортсмен» используется как бы «вскользь», без обращения на суть. К примеру, это прослеживается в рассказе А.В. Дружинина «Mademoiselle Jeannette»: «Никакой кавалерист в блестящем наряде, никакой **спортсмен** в своей безобразной фуражке не мог сравниться по своей красоте и смелости езды с цыганом Пашиным, вполне отдавшим борьбу, обещавшей тянуться без конца, при неслыханном упрямстве с каждой стороны»². Это было только сравнение, ни в начале рассказа, ни далее, «кто такой спортсмен», «почему у него безобразная фуражка» не объяснялось.

Авторский подход в раскрытии спортивных качеств героев можно проследить в рассказе Н. Панаева «Великосветский хлыщ», в повести «Комедианты» польского писателя И. Крашевского и в романе «Два года назад» англичанина Ч. Кингсли.

При описании характеристик и увлечений молодого барона Щелканова писатель И.И. Панаев указывает: «В самом деле, он говорил по-французски, как француз, играл на фортепьяно и пел, сочинял русские и французские стишки, **отличался во всех спортах: ездил верхом, стрелял, плавал**; был вообще очень смел ирразвязен, умел одеваться с шиком и без гроша в кармане казаться богачом»³. «Он носился по Невскому на рысаках, которые бросали молнии из-под ко-

¹ Богатая невеста // Современник. 1853. Т. 39, № 5. Раздел «Смесь». С. 11.

² Дружинин А.В. Mademoiselle Jeannette // Библиотека для чтения. 1852. Раздел «Русская словесность». С. 197.

³ Панаев И.И. Опыт о хлыщах. Великосветский хлыщ // Современник. 1842. Т. 42. С. 43.

пыт, заставляя разевать рты пешеходов; подпрыгивал на английской кобыле как истинный **спортсмен**; играл на вечерах и в клубе в карты по большой, с людьми значительными и малоизвестными игроками и вел жизнь такого рода до тех пор, покуда средства его почти совсем истощились»¹. Автор произведения не поясняет «кто такой спортсмен», из чего становится понятным, что это слово в то время уже не требует какого-либо объяснения.

В «Комедиантах» Крашевский сравнивает графа Вальского с другим персонажем Сильваном: «Граф Вальский, также воспитанный за границей, богаче Сильвана, такой же **спортсмен**, такой же молодой, также обиноземившийся², но имеющий над ним то превосходство»³. Данное сравнение показывает, что спортсмены – это только молодые люди, но это было далеко не так.

В романе Кингсли «Два года назад» идет оценка лорда Скоутбуша: «Он славный малый, отличный **спортсмен**, курит напропалую и так далее»⁴. Если для автора романа использование понятия было правомерно, то российский переводчик оставляет его без комментария.

Кроме того, в этот же период в литературных произведениях зарождается и ироничное использование понятия «спортсмен». В частности, в повести-фельетоне «Петербургская идиллия», упавший с саней в снег в пьяном виде молодой человек в насмешку был назван автором «спортсменом». «– Господин Летунов упали в снег под воротами. Это был тот самый **спортсмен**, что вылетел из саней и брошен был компанией без всяких признаков участия»⁵.

В середине 50-х гг. XIX в. появляется ряд фразеологизмов, расширяющих понятие «спортсмен». Они отражают успешное выступление и профессионализм в спорте не только отдельных личностей, но и деятельность сразу нескольких человек. К таким выражениям можно

¹ Панаев И.И. Опыт о хлыщах. Великосветский хлыщ // Современник. 1842. Т. 42. С. 43.

² Обиноземившийся – воспитанный по иностранным правилам.

³ Комедианты // Библиотека для чтения. 1857. Т. 141. С. 277.

⁴ Два года назад // Отечественные записки. 1858. Т. 118. С. 183.

⁵ Дружинин А.В. Петербургская идиллия // Библиотека для чтения. 1857. Т. 142. Раздел «Смесь». С. 270.

отнести: «герои спорта», «адепты спорта», «корифеи спорта», «любители спорта» и др. В первую очередь это касалось представления в российской прессе зарубежных спортсменов. К примеру, французская спортивная элита была раскрыта следующим образом: «*В high life боксерства недавно случилось важное происшествие. В зале Мон-тескьё, превращенной в цирк, три раза в неделю сходятся потолковать и подражаться парижские денди, **герои спорта**, приверженцы кулачных боев, катанья на коньках и всевозможных пари. Теперь они сильно взволнованы недавним поражением Рабассона*¹. *«Молодые адепты спорта сочиняют планы весенней кампании»*². *«**Корифеи французского спорта** намерены весной лично отправиться в Крым и показать свою удаль»*³.

Тем не менее эти фразеологизмы могли применяться и в описании российских представителей спорта. Однако на первых порах они не всегда использовались по назначению. В частности, в 1852 г. в журнале «Москвитянин» была размещена следующая информация: «*Извещаются любители охоты, что сборное воскресенье (говоря технически), т.е. торговля разными принадлежностями охоты в этот день, переведена из Охотного ряда на Лубянскую площадь. Мы видели “сборное воскресенье” на новом месте и не заметили почти никакой перемены в обстановке его. Но любители спорта говорят, что эта перемена невыгодно подействовала на торговлю “сборного воскресенья”. Может быть...*⁴.

В 1850–1860-е гг. отечественные журналисты стали активно применять этот термин для раскрытия личностных качеств российских представителей общественной жизни, особенно это касалось коннозаводчиков, знатоков лошадей. Например, А.В. Дружинин в 1855 г. в фельетоне «Случай неимоверно-фантастический, но не менее того поучительный, или видения в тоннеле Пассажа» (из серии «Заметки петер-

¹ Современные заметки // Современник. 1853. Т. VI. С. 210.

² Салонные конгрессы и стратегии в чепчиках // Москвитянин. 1855. Ч. I, № 1. Раздел «Заграничные известия». С. 63.

³ Кобден и Брайт // Москвитянин. 1855. Ч. I, № 1. Раздел «Заграничные известия». С. 66.

⁴ Смесь // Москвитянин. 1852. Т. II, № 5. С. 41–42.

бургского туриста», опубликованной в газете «Санкт-Петербургские ведомости». 1855. № 8. С. 280; 1856. № 3. С. 97) об одном из своих персонажей писал: *«Ванюша Староселов, спортсмен Петербурга, знаток лошадей, обладатель серой четверки, первой в городе, поощритель Лежара и Гверры, герой, не знавший счета своим коляскам и кабриолетам, бывший в Англии на скачках, плативший за одну собаку по тысяче рублей, обладатель коллекции лошадиных портретов, первой в России!»*¹. *«Староселов всегда отличался бойкостью характера; как спортсмен, он привык бывать на коне и под конем...»*².

Другой журналист, В.И. Коптев, нередко использовал данное понятие при представлении «коротких» характеристик своих героев. В частности, при изображении деятельности князя Б.А. Черкасского он утверждал: *«С 1861 года появились лошади Кн. Б.А. на ипподромах и он заявил свою деятельность как спортсмен, т.е. как коннозаводчик»*³. Помимо частного определения – характеристики конкретного лица – здесь было дано и определение «спортсмену», который рассматривался в тексте только как коннозаводчик.

Тот же прием этим же автором был использован и при описании одного из судей Всероссийской конской выставки 1869 г. генерала-майора Л.Н. Гартунга: *«Л.Н. Гартунг, известный коннозаводчик, охотник и спортсмен на С.-Петербургском ипподроме, лично управлявший своими рысаками, знаток верхового спорта, доказавший это на деле блестящими ремонтами в конногвардейский полк приводом 700 лошадей по 230 р., тогда как каждая вороная 5-ти вершковая лошадь, по модной шерсти, при капитальных формах, стоит втрое дороже в городскую упряжь»*⁴.

¹ Дружинин А.В. Случай неимоверно-фантастический, но не менее того поучительный, или Видения в тоннель Пассажа // Санкт-Петербургские ведомости. 1855. Цит. по: Дружинин А.В. Собрание сочинений. СПб., 1867. С. 274.

² Там же.

³ Коптев В. Посещение Е.И.В. Великим князем Николаем Николаевичем Старшим Черкизовского конного завода Кн. Б.А. Черкасского // Журнал охоты и коннозаводства. 1867. № 1. С. 24.

⁴ Всероссийская конская выставка в Москве 1869 года // Русские ведомости. 1869. № 198. 29 авг.

Или при раскрытии событий во время московских рысистых бегов 1 февраля 1870 г. с участием лошадей двух коннозаводчиков, князя Б. Черкасского и М. Мазурина: «Состязание поэтому представляло особенный интерес как состязание представительниц двух очень видных заводов, принадлежащих нашим деятельным **спортсменам**»¹.

И только в начале 1870-х гг. В.И. Коптев в публикации «Тульские рысистые бега в 1871 году» меняет позицию по отношению к понятию «спортсмен» и предлагает следующий вариант его интерпретации: «Недаром французский ипполог Гайо сказал, говоря о выставках, и изречение его мы можем вполне приложить и к ипподромам, поставив одно слово вместо другого. “Местные выставки для коннозаводчиков, а центральные – для торговцев лошадьми”, а мы скажем: “местные (губернии) ипподромы для коннозаводчиков, а центральные (столичные) – для **спортсменов** и охотников”. Таким образом, в столицах большею частью берут призы люди специально занимающиеся **спортом**, т.е. охотою на лошадях, выбранных и приобретенных от коннозаводчиков, и могущие потому посвятить и большой досуг, и средства, чем сами коннозаводчики, которым выпадают на долю столько неизбежных забот и расходов на воспитание, содержание, продовольствие и, наконец, заботы по первоначальной выезде их лошадей»². Тем самым он фактически подтверждает взгляд П.Н. Мяскова на эту категорию, предложенный еще в 1840 г., и уже рассматривает «спортсмена» отдельно от «коннозаводчика».

В этот же период категория «спортсмен» появляется и в заголовках публикаций. К примеру, А.Н. Бородин «Поездка спортсмена в Германию, Францию, Италию и Россию» (Журнал Коннозаводства и охоты. 1854. № 6) или уже вышеупомянутая публикация «Русский соловьиный спортсмен» в журнале «Арлекин» (1859. № 17).

¹ Московские рысистые бега 1870 года. Цит. по: Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства: Статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М., 1887. С. 354.

² Тульские рысистые бега в 1871 году // Журнал Коннозаводства. 1871. № 12. Цит. по: Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства: Статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М., 1887. С. 373.

Помимо того, в 1860-е гг. термин «спортсмен» авторами журналистских текстов стал применяться не только по прямому назначению (описание человека, занимающегося спортивной деятельностью), но и при отображении других ситуаций. В частности, такой прием был использован в статье Вуда «Строящие птицы» при раскрытии действий беседковых птиц после строительства гнезд. Известный орнитолог пишет: *«Когда беседка окончена, естественно рождается вопрос о ее назначении. Это не гнездо, и я полагаю, что настоящее гнездо этой птицы еще неизвестно до сих пор. Она служит сборной комнатой, в которой забавляется несколько птиц. Ею пользуются не только сами строители, но в нее собирается также много птиц обоих полов и постоянно бегают в ней вдоль и кругом, преследуя друг друга, как настоящие спортсмены. Забавляясь таким образом, они издают странные, низкие и довольно громкие крики»*¹. Нерешенным вопросом остается, кто вводит это слово в текст – автор или переводчик.

Категория «спортсмен» привлекла и самих журналистов. В конце XIX в. она начала практиковаться в псевдонимах. Например, согласно исследованиям библиографа И.Ф. Масанова, подпись «спортсмен-пешеход» была сразу у двух авторов: А.А. Агеевского (работавшего в изданиях «Новости» и «Петербургский листок») и З.О. Саванецкого (сотрудника журнала «Свет и Тени» и других изданий). Похожий псевдоним, но уже с добавлением определенного имени – «спортсмен-пешеход Савва» – принадлежал И.М. Тихомирову, археологу, священнику, который публиковался в «Журнале Московской духовной академии» и «Богословском вестнике» и др.²

Однако не все члены журналистского и светского сообщества России положительно относились к вводу термина «спортсмен». И часть редакторов столичных периодических изданий все же ориентировались на понятие «охотник», а не «спортсмен». К примеру, это наблюдается в рецензии двух зарубежных охотничьих книг в

¹ Вуд. Строящие птицы // Вокруг света. 1866. № 6. С. 184.

² Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1958. Т. 3. С. 130.

журнале «Библиотека для чтения»: *«Недаром говорится охота пуще неволи. Но так как дело зашло об охотничьих книгах, то вот еще два новые, иллюстрированные издания, до того специальные в своем роде, что их может вполне понять только охотник: “Воспоминание об охоте, и мемуары знаменитых спортсменов, и проч.” (“Records of the Chase, and Memoirs of Celebrated Sportsmen etc. etc”. By Cecil), и “Воспоминания охотника” (“Reminiscences of a Huntsman”. By the Hon. Granthley E. Berkeley)»*¹. В названии первой книги присутствует слово «спортсмен», и критик его переводит в прямом значении. Однако в обращении к читателям он использует понятие «охотник».

Острая критика видна и в позиции П.М. Мачеварианова². В первой части статьи «Заметки старого провинциального охотника», которая посвящена анализу книги Н.В. Реутга «Псовая охота», он отмечает: *«Недаром Петербург называют иностранным городом: не говоря уже о разноплеменных жителях, даже тамошние русские охотники как будто избегают русских слов: охота, охотник, а вместо их употребляют иностранных: “спорт, спортсмен” и проч. Основываясь на исторических фактах, мы считаем смешение языков Божеским наказанием»*³.

Во второй статье «Записках псового охотника Симбирской губернии» он также жестко осуждает происходящее внедрение понятий «спорт» и «спортсмен»: *«Многие столичные охотники не возлюбили русские слова: “охота”, “охотник” и переименовали их в “спорт” и “спортсмен”. Для чего и почему это? Обширнее ли или сладкозвучнее, или благороднее значение английских слов в сравнении с русскими? Уж не для отличия ли от низшего сословия? Мужичок охотником себя назовет, но чтоб выговорить “спортсмен” – он десять раз поперх-*

¹ Заметки путешественника вокруг света // Библиотека для чтения. 1854. Т. 124. Раздел «Смесь». С. 190–191.

² Мачеварианов П.М. (1804–1880) – общественный деятель, теоретик, практик и законодатель псовой охоты в России. Автор нескольких книг об охоте. См. подробнее: Ульяновская Симбирская энциклопедия. Ульяновск, 2000. Т. 1. С. 361.

³ Мачеварианов П.М. Заметки старого провинциального охотника // Журнал охоты. 1875. № 1, т. 2. С. 36.

нется и на одиннадцатом язык его завяжется узлом. Радуйтесь, господа “спортсмены”! Отличились! Один, хотя столичный житель, но старинный, уважаемый нами русский псовый охотник, на просьбу нашу объяснить, что это за “спортсмены”, отвечал: “Это те фанфароны, которые душой и телом подчинены моде, как бы она временем дика ни была. Солидные и образованные русские патриоты заботятся о восстановлении народности и поддержании национальности; а они-то, голубчики, из шкуры лезут в англоманы! Не имея никакого понятия о стройных русских псовых охотах – руководствуются одними английскими журналами *Sporting Magazine* для них выше, чем были для народов законы и кодексы Солона, Ликурга, Фридриха Великого и Наполеона I. Их охотничья терминология, лично им принадлежащая, совершенная дичь, вроде офенского языка (которым объяснялись старые разносчики, надувая деревенских покупателей); потому что эти “спортсмены” с старинными охотниками не знакомы и в серьезных съездах никогда не бывали”»¹.

Помимо журналистских источников, категорией «спортсмен» заинтересовались ученые-лингвисты, составители различных словарей и справочников. Первый раз это понятие рассматривается в третьем томе «*A New Dictionary English and Russian. Новом английско-русском словаре*», изданного в 1816 г., где «*sportsman – охотник, егерь*»². Это вариант напрямую показывает связь спорта с охотой. Впоследствии понятие «егерь» больше не использовалось в раскрытии изучаемой категории.

Вторая попытка представления «спортсмена» прослеживается в «Энциклопедическом лексиконе». В статье «Джентльмен» обращается внимание не только на положительные стороны, но и на пороки (злоупотребления) джентльменов. И именно через них выводится такое выражение, как «*sporting gentleman*»: «*Как ничего на свете нет без злоупотреблений, то и здесь, к сожалению, случаются отклонения от*

¹ Мачеварианов П.М. Записки псового охотника Симбирской губернии // Приложение к «Журналу охоты». М., 1876. С. 16.

² *A New Dictionary English and Russian. Новый английско-русский словарь*. М., 1816. Т. 3. С. 227.

строгости нравственного закона: многие из тех, которые слынут в английском обществе совершенными джентельменами, вместо приобретения блестящей репутации полезными или почетными делами, довольствуются славою записных охотников до травли лисиц, до актрис, лошадей, экипажей, роскоши, щегольства, и прочая. Для записных охотников до травли зверей англичане имеют однако же особое выражение “sporting gentleman”, “охотящий джентльмен”»¹.

В 1850-е гг. лексическое определение «спортсмену» было дано еще в ряде словарей и энциклопедий. В частности, в «Parallel Dictionaries of the Russian, French, German and English Languages» (Параллельные словари русского, французского, немецкого и английского языков) «спортсмен» представляется как «sportsman – охотник до псовой охоты, до рыбной ловли, до скачек и пр.»², а также в словаре «Объяснение 1 000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке»³, где говорилось: «Спортсмен – охотник до лошадей и собак»⁴. «Спортсмен» представлен был на русском, однако формулировка была не совсем удачной, так как отражала узкую специализацию, только увлечение лошадьми и собаками, предназначенными, прежде всего, для охоты, а также (если брать только лошадей) скачек. Хотя в конце 50-х гг. XIX в. было известно и множество других видов спорта. Примечательным казусом этого словаря стало то, что объяснение дефиниции «спорт» здесь отсутствовало.

В 1861 г. А.Д. Михельсон в словаре «Объяснение 7 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык» практически повторяет предлагаемую ранее трактовку: «Спортсмен, англ.

¹ Энциклопедический лексикон. СПб., 1839. Т. 16. С. 395.

² Parallel Dictionaries of the Russian, French, German and English Languages» (Параллельные словари русского, французского, немецкого и английского языков) СПб., 1850. С. 664.

³ По предположению критиков XIX в., в частности Н. Добролюбова, автор словаря, скрывающийся под инициалами А.С., – это А.В. Старчевский (1818–1891), журналист, знаток иностранных языков, редактор. См.: Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. V: Статьи и рецензии (июль–декабрь 1859). М.; Л., 1962.

⁴ Спортсмен // Объяснение 1 000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке. 1859. С. 94.

Охотник до лошадей и собак»¹, лишь делая маленькую приписку, что это слово английское. В 1865 г. он выпускает еще один словарь – «Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней» где добавляет, что спортсмен – это производная от спорта: «Спортсмен, англ., от sport, спорт. – охотник до лошадей и собак»². Причем сам «спорт» употребляется в английской и русской интерпретациях. В третьем варианте издания этого же автора – «30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней» (1866) он оставляет формулировку без изменения.

В 1864 г. свою попытку объяснения этого понятия делает Ф.Г. Толль. Она выглядит следующим образом: «Спортсмен (англ.), охотник до лошадей и собак, хорошо едущий верхом»³. В целом это был повтор предыдущих объяснений, но в данном случае было сделано небольшое добавление «едущий верхом». Однако оно только сузило понятие.

В 1870 г. Н.П. Макаров в «Полном французско-русском словаре» предлагает рассматривать спортсмена как «любителя всех сельских забав»⁴.

Последующие исследователи дефиниции фактически использовали определение, предложенное Ф.Г. Толлем. Это в частности, наблюдается в «Русском энциклопедическом словаре» (1877), составленном профессором И.Н. Березиным.

В 90-е гг. XIX в. «спортсмен» трактуется уже как «любитель»⁵, а не «охотник», хотя слово «охота» могло употребляться в разъяснениях, что наблюдается в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав

¹ Спортсмен // Михельсон А.Д. Объяснение 7 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1861. С. 322.

² Спортсмен // Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. С. 591.

³ Спортсмен // Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний («Справочный энциклопедический лексикон»). СПб., 1864. Т. 3. С. 525.

⁴ Sportsman // Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь. СПб., 1870. Ч. 2. С. 414.

⁵ О синонимическом ряде «любитель – охотник – спортсмен» было сказано выше.

русского языка» (автор А.Н. Чудинов): «Спортсмен (англ. от sport – спорт). Любитель лошадей и собак, верховой езды, охоты и т.п.»¹.

Таким образом, можно отметить, что на протяжении почти сорока лет в энциклопедических словарях не наблюдается особых изменений в определении слова «спортсмен». Тем не менее само понятие в российском светском обществе, а также и в журналистских текстах в этот период трактовалось намного шире.

Созданию информационного спортивного пространства в российской прессе способствовали не только сведения о выступлениях отдельных любителей спорта в проводимых пари, закладах и редких соревнованиях, но и формирование спортивных сообществ, деятельность которых также становилась предметом интереса журналистов.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, первые спортивные общества появились еще в начале XIX в. В первые два десятилетия их насчитывались единицы (в частности, в Санкт-Петербурге были открыты «Стрелецкое общество» («Общество любителей стрельбы») (1806), фехтовальная школа (1818)).

В конце 1820-х и вплоть до начала 1850-х гг. наблюдается заметная активизация подобных общественных организаций. Этому способствовало то, что их формирование происходило не только в столичных городах, но и по всей России. Более подробно это было раскрыто в статье профессора С.В. Пахмана «О значении и постепенном развитии сельскохозяйственных обществ в России» (Записки Императорского Казанского Экономического Общества. 1855). Согласно его изысканиям в этот момент были созданы следующие скаковые общества и общества охотников конского бега:

«1) В 1826 году учреждено скаковое Общество в городе Лебедяни, по представлению Генерал-губернатора Балашова, вследствие ходатайства нескольких конских заводчиков и охотников, имевших в виду поощрение коннозаводства в России. 2) В 1831 году учреждено при Московском Обществе Сельского Хозяйства Общество Московской скаковой охоты. 3) В Москве же основано в 1834 г. Общество охот-

¹ Спортсмен // Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. С. 817.

ников конского бега. 4) В 1836 году учреждено в Воронеже Общество охотников лошадей рысистого бега. 5) В 1837 году учреждено Общество охотников конского бега в городе Тамбове, на тех же основаниях, на которых учреждены подобные Общества в Москве, Лебедяни и Воронеже. 6) В 1838 году основано Общество конских ристаний в городе Туле. Наконец, 7) в 1841 г., по представлению Тамбовского Гражданского Губернатора, учреждено Общество охотников конского рысистого бега в городе Козлове»¹.

В 1830–1840-е гг. были также образованы: «Одесский клуб»² (настольные игры: бильярд, коммерческие карточные игры, триктрак, шахматы) (Одесса, 1831); «Общество любителей шахматной игры» (Санкт-Петербург, 1837); «Пензенское Общество охотников рысистого бега» (1837); «Клуб для стрельбы в цель» (заведение г. Вишневого) (Санкт-Петербург, 1840); «Тульское скаковое общество» (1844); «Комитет Императорских Царскосельских скачек» (1844); «Императорский яхт-клуб» (Санкт-Петербург, 1846); «Благородное танцевальное собрание» (Санкт-Петербург, 1847); «Полтавское общество испытания лошадей» (1848); «Общество рысистого бега Харькова» (1848); «Общество рысистого бега Пензы» (1848); «Немецкое танцевальное общество» (Санкт-Петербург, 1849) и др. Каждое из них способствовало развитию деятельности российских спортсменов.

Как видно из общего перечня, приоритет в первой половине XIX в. остается за различными скаковыми обществами. Первые массовые сведения о них стали появляться в российской прессе в середине 1830-х г. Давая оценку их деятельности, М.А. Солдатова пишет: «Спортивные общества нашли подход к представителям всех слоев населения, предложив людям различных сословий разные формы двигательной активности»³.

¹ Цит. по: Чернышевский Н.Г. Обзорение газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Т. LXXXVIII, № 10. С. 69.

² Согласно Уставу клуба игры должны быть не азартные.

³ Солдатова М.А. Развитие общественных спортивных организаций Санкт-Петербурга и их роль в становлении физической культуры и спорта России: конец XIX века – 1917 год. СПб., 2004. С. 160.

Журналистов различных изданий начали интересоваться не только общественные функции этих объединений, но и проведение различных соревнований. Освещение этой деятельности происходило различными путями. В частности, через подробный отчет о проведении серии сентябрьских скачек Лебедянским Скаковым Обществом во время Покровской ярмарки в журнале «Московский телеграф» (1828. № 17); через краткий обзор «Скачки в Москве на 1834 г.», в котором было рассказано о работе «Московского общества конной скаковой охоты», что оно *«назначило в нынешнем году [1834] шесть скачек, из коих две первые были 20 и 23 числа сего месяца [июля]»*¹; через аналитическое осмысление происходящего, как в статье П.Н. Мяснова «О коннозаводстве и скачках» (Отечественные записки. 1840). Известный в те времена «любитель до лошадей» представил свой взгляд на эту деятельность без указания на конкретные скаковые сообщества: *«В России, с некоторого времени, учреждены общества конских охотников под Высочайшим покровительством. Назначение призов для лошадей скаковых, вольных и рысистых от комитета о коннозаводстве российском по повелению Его Величества есть средство, клонящееся к тому, чтоб поощрить заводчиков к содержанию хотя некоторого числа лошадей возвышенного качества, которые могли бы впоследствии содействовать к улучшению массы коннозаводства в государстве»*² и т.д.

Непосредственная работа обществ в текстах обычно раскрывалась в виде отчетов (как и что было сделано за определенный период, сколько денег собрано, на что потрачено).

Особое внимание уделялось скаковым обществам. В 1840-е гг. во многом благодаря выходу «Журнала коннозаводства и охоты» (в 1842 г.), они, говоря современным языком, получили информационную поддержку, выраженную в возможности рассказать о своей деятельности. Только в первый год выхода издания были напечатаны следующие публикации: «Лебедянские скачки 1841 года» (1842. № 1);

¹ О скачках в Москве // Молва. 1834. № 17. С. 39.

² О коннозаводстве и скачках // Отечественные записки. 1840. № 10. Раздел «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность». С. 31.

«Описание московских скачек» (1842. № 8); «Несколько слов о московском обществе конского бега» (1842. № 9); «Нечто о тульских скачках» (1842. № 9); «Лебедянские скачки» (1842. № 11–12) и др.

Помимо того, в последующие годы были опубликованы несколько десятков материалов о развитии коннозаводства в той или иной губернии, в которых при возможности упоминалось о работе существующих там сообществ «охотников до лошадей»: «О коннозаводстве Тульской губернии» (1843. № 12); «О коннозаводстве Новгородской губернии» (1844. № 6); «О коннозаводстве Харьковской губернии» (1844. № 8); «О коннозаводстве Новгородской губернии» (1844. № 8); «О коннозаводстве Тамбовской губернии» (1844. № 9); «О коннозаводстве Полтавской губернии» (1844. № 11); «О коннозаводстве Воронежской губернии» (1845. № 2); «О коннозаводстве Смоленской губернии» (1845. № 7); «О коннозаводстве Томской губернии» (1845. № 11) и др.

Однако деятельность раскрывалась не только через сухие факты, но и через рассказы о проведении состязаний, которые, в свою очередь, были интересны не только многочисленной публике, состоявшей из представителей разных сословий, но и читателям изданий. Публикации о проведенных скачках были постоянны, особенно в столичных газетах и журналах. Найти подобную информацию можно было в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Северной пчеле», «Московских ведомостях», «Московском телеграфе», «Отечественных записках», «Современнике», «Иллюстрации», «Журнале Министерства народного просвещения» и др., а также в ряде специализированных изданиях.

К примеру, в одном из номеров «Журнала коннозаводства и охоты» были раскрыты основные события, происходящие во время рысистых состязаний на Императорские призы в Царском Селе: *«В Царском Селе рысистому состязанию был сделан первый опыт, тем замечательный, что был произведен во всей точности на самых основательных правилах: дистанция была избрана довольно значительная, и именно 6 и 8 верст; полужных не было; сбои не считались и тяжесть ездовых и дрожжек была уравнена математически. Благоприятный результат сих состязаний показал, что таким обра-*

зом должны производиться повсюду рысистые беги, дабы они вполне означали достоинство рысаков»¹.

Кроме того, краткую или подробную информацию о скаковых обществах можно было найти в других источниках. В частности, о первых скачках, проводимых в Москве, можно было узнать из издания «Москва, или Исторический путеводитель», где были представлены два фрагмента на эту тему: 1) «*Перед ними [Масляным двором, Мытным двором, Скотопригонным двором. – Е.В.] к городу находится Конная площадь, а за ними к стороне Камер-Коллежского вала поле для конной скачки. 2) На поле конной скачки пробуются продажные на Конной лошади, производятся летний бег и нередко садка зайцев – поле сие весьма обширно и ровно*»².

Интересовались ими и авторы географических книг. В частности, И. Павловский, составитель «Пространной географии Российской Империи». Раскрывая суть скачек и их организацию, он писал: «*Ныне Скаковые Общества учреждены в разных местах, как н. п. в Одессе, Екатеринославле, Лебедяне, Козлове (Тульской губернии), Туле и проч. Общество Скаковой Охоты в Москве ежегодно раздает три Императорских приза, на сумму 11 000 руб. В Царском Селе установлена конская скачка с 1841 года, на 10 лет кряду. Там и в Варшаве ежегодно производится конская скачка: здесь пускают в беге рабочих лошадей сельских хозяев, потом лошадей улучшенной породы туземного и заграничного происхождения*»³.

Сообщения о функционировании столичных обществ иногда встречались и в местных изданиях. К примеру, в «Ярославских губернских ведомостях» от 3 апреля 1831 г. на несколько полос заняли: полный указ «Об учреждении в Москве Общества Конной Скаковой Охоты», копия с записки «О пользе Общества Конной Скаковой Охоты», а также «Положение об учреждении данного Общества».

Провинциальные спортивные общества не всегда удостоивались такого внимания. Одной из причин было то, что в ряде российских

¹ Обзор мер к развитию Государственного Коннозаводства в 1845 году // Журнал коннозаводства и охоты. 1845. № 1.

² Москва, или Исторический путеводитель. М., 1831. С. 221.

³ Павловский И. Пространная география Российской империи. 1846. Ч. 1. С. 137.

городов еще отсутствовала местная пресса, другая причина – то, что сведения из провинции, особенно дальней, поступали нерегулярно, и теряли во многих случаях актуальность в представлении того или иного спортивного события. Тем не менее о деятельности некоторых обществ (особенно в близких от столиц городах) информация в газетах и журналах появлялась периодически. В частности, к их числу относилось Лебедянское скаковое общество (1825–1861(?))¹. История его создания была такова: *«Первый день скачек Лебедянских был 19 сентября 1825 года, а скаковое общество было Высочайше утверждено в 1826 году и председателем его был избран Н.А. Лунин, казначеем – В.П. Воейков, секретарем – П.Н. Мяснов»*².

В конце 20-х гг. XIX в. о нем постоянно пишут различные издания. Это мог быть подробный отчет «Лебедянские конские скачки» (Московский телеграф. 1828. № 17), в котором были представлены краткие обозрения дней проведения скачек, с упоминанием основных событий и указанием победителей каждого заезда. В том же журнале, но уже в № 19 была и похвала общественной, а не государственной инициативы его создания: *«Лебедянское скаковое общество есть явление достопамятное. Во всех государствах подобные общества учреждались по распоряжению правительств и с пособиями оных; наши русские помещики просили у Правительства только позволения основать свое общество, и в короткое время привели оное в блестящее состояние. Вот отличительная черта характера русского! Для него нет ничего возможного»*³.

«Лебедянские скачки» привлекают и российских критиков, которые в большинстве случаев, только вскользь, а не напрямую, затрагивают их в своих аналитических размышлениях. К примеру, эта тема заинтересовала известного литературного критика В.Г. Белинского, который неоднозначно относился к скачкам. В обзоре «Русская лите-

¹ Точная дата закрытия общества неизвестна. В 1861 г. вышел последний его отчет. См.: Кривошеин Н.В. Лебедянское скаковое общество. URL: http://www.lebedyan.com/php_history/society1.php.

² Н.А. Лунин // Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства: Статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М., 1887. С. 151.

³ Русская литература // Московский телеграф. 1828. Кн. 23, № 19. С. 334.

ратура в 1841 году», при сравнении творчества Ломоносова и Пиндара в импровизированном разговоре двух лиц, А и Б, он пишет: *«Но между ним [Ломоносовым. – Е.В.] и Пиндаром так же мало общего, как между олимпийскими играми и нашими иллюминациями – или олимпийскими ристаниями и нашими лебедянскими скачками; за это я поспорю и постою»*¹. Чувствуется отрицательное отношение критика к подобным состязаниям. Хотя, исходя из уровня и задач того и другого спортивного состязания, такое сравнение в тексте не совсем корректно.

Позднее, в 1848 г., Белинский также раскритиковал один из рассказов И.С. Тургенева, в котором подробно раскрывались скачки 1847 г. в Лебедяни во время ежегодной ярмарки. В письме от 15 (27) февраля 1848 г. к П.В. Анненкову (который дал положительный отзыв этому произведению), он жестко писал: *«С чего Вы это, батюшка, так превознесли “Лебедянь” Тургенева? Это один из самых обыкновенных рассказов его, а после Ваших похвал он мне показался даже довольно слабым. Цензура не вымарала из него ни единого слова, потому что решительно нечего вычеркивать»*².

Публикации о других скаковых обществах встречались реже, и информация о них в большинстве случаев была емкой: *«Вообще же испытания лошадей, в отношении ко времени, были расположены в таком порядке, что лошади, испытанные на одном ипподроме, могли с удобностью поспевать на другой, и тем уничтожалась всякая вредящая делу монополия. Между тем сверх прежних Императорских призов, назначен новый в 1 000 руб. сер. в г. Орле, для вновь учреждаемого там Скакового Общества»*³.

Кроме того, в российской прессе середины XIX в. печатались сообщения и об организации других спортивных обществах (морских, речных, шахматных, гимнастических, охотничьих и др.). Например, информация об Императорском Санкт-Петербургском яхт-клубе по-

¹ Белинский В. Г. Русская литература в 1841 году // Отечественные записки. 1842. Т. XX, № 1. Раздел «Критика». С. 6.

² Белинский В.Г. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 9. С. 713.

³ Обзор мер к развитию Государственного Коннозаводства в 1845 году // Журнал коннозаводства и охоты. 1845. № 1.

дробно представлена в «Журнале Министерства народного просвещения»: «В начале 1846 года несколько любителей мореплавания, желая составить общество для распространения в России сего занятия и поощрения кораблестроения, обратилась к высшему Морскому начальству, вследствие представления Г. Начальника Главного Морского Штаба Его Императорского Величества Государь Император, в 1-й день Мая 1846 года, Высочайше соизволил одобрить основное Положение об учреждении Яхт-клуба и Всемиловейшее дозволил считать Его Императорского Величества участником оногo»¹.

Детальные сведения о его деятельности можно было узнать сразу из нескольких статей, опубликованных в первом томе журнала «Морской сборник» (1848): «Императорский Санкт-Петербургский яхт-клуб»; «Гонка судов Императорского Санкт-Петербургского яхт-клуба»; «О судах Императорского Санкт-Петербургского яхт-клуба»; «Постройка шхуны “Александра” Императорского Санкт-Петербургского яхт-клуба»; «Качества и пороки яхты “Александра”». Также внимание Императорскому Санкт-Петербургскому яхт-клубу уделили и в других изданиях. Только в первые годы его деятельности вышли следующие публикации: «Плавание яхты Нереида²» (Северная пчела. 1846. № 114, 147, 196, 225); «Гонка судов Императорского Санкт-Петербургского яхт-клуба» (Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. № 161); «Гонка судов у Красной горки» (Северная пчела. 1847. № 163); «Внутренние известия» (Отечественные записки. 1847. Т. LIX) и др.

Таким образом, можно отметить, что в первой половине XIX в., особенно в 1840-е гг., развитие спортивных клубов в России позволило не только внести разнообразие в досуговую жизнь россиян, но и создать предпосылки для развития профессиональной спортивной деятельности в последующие годы. Кроме того, их активное функци-

¹ Науки, относящие к мореплаванию // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Т. 59, вып. 7–9. С. 125.

² Это первая яхта Императорского яхт-клуба (владелец – лейтенант М. Атрыганьев).

онирование привлекло внимание журналистов, что привело к значительному увеличению числа публикаций на спортивную тематику не только в столичной, и в провинциальной прессе.

В 1850–1860-е гг. эта тенденция продолжилась. В этот период были созданы несколько скаковых обществ: «Общество охотников конного бега» (Елец, 1856); «Виленское скаковое общество» (1858); «Смоленское общество конского бега» (1858); «Саратовское Общество охотников конского бега» (1858); «Екатеринославское Общество рысистых бегов» (1858); «Одесское Общество охотников конского бега» (1859); «Санкт-Петербургское общество охотников конского зимнего бега» (1860); «Императорское Санкт-Петербургское общество поощрения рысистого коннозаводства» (1861); «Императорское Царскосельское поощрительное скаковое общество» (1866) и др.

Одновременно шло развитие различных объединений и в других видах спорта: «Общество любителей шахматной игры» (Москва, 1853); «Лаун-теннисный клуб» (Санкт-Петербург, 1858); «Петроградский Крикет» (1860); «Шахматный клуб» («Шах-клуб») (Санкт-Петербург, 1862); «Рижское гимнастическое общество» (1862); «Таллинское гимнастическое общество» (1863); «Немецкий гимнастический кружок» (Санкт-Петербург, 1863); «Московское общество охоты» (1863); «“Стрела” – гребной клуб» (Санкт-Петербург, 1864); «Таллинское неофициальное шахматное общество» (1866); «Стрелковое общество» (Рига, 1866); «Московский речной яхт-клуб» (1867); «Гимнастическое общество» (Москва, 1868); «Казанское общество охоты» (Казань, 1868); «Диана» (Общество охоты, Санкт-Петербург», 1869); «Рижский шахматный клуб» (1869); «Врачебно-гимнастическое общество» (Санкт-Петербург, 1869) и т.д. В данном случае наблюдается такой момент: в совокупности этих обществ больше, чем скаковых, но если брать их по отдельности (по каждому виду спорта), то их количество значительно уступает организаторам конных скачек и бегов.

Кроме того, прослеживается и нестабильность в организационной деятельности. Так, в 1858 г. в Санкт-Петербурге любители водных забав сформировали кружок «Моряк на все руки». В следующем году на его базе было создано уже общество любителей гребного и парус-

ного спорта под названием «Клуб Невских ботишков», а в 1860 г. он получил официальное название «Санкт-Петербургский Речной яхт-клуб». Тем не менее через работу этого общества журналистами была раскрыта новая сторона «полезности» отдельных клубов, выражающаяся через «социальную» (общественную) функцию данных организаций. В заметке «Влияние деятельности речного яхт-клуба на публику и шлюпочные верфи» неизвестный автор писал: *«А теперь остановим внимание наших читателей на влияние занятий членов клуба на публику и на шлюпочные верфи в Петербурге. Влияние клуба на дачную публику несомненно: года три, четыре тому назад хорошенькая шлюпка в рукавах Невы была большая редкость; теперь, в особенности вечером в хорошую погоду, вы беспрестанно можете встретить там щегольские гички с не менее щегольски одетыми гребцами-любителями и притом наполненными дамами. Не говоря уже о гавани яхт-клуба, наполненными шлюпками, почти у каждой дачной пристани, у каждой купальни вы увидите теперь чистенькие небольшие шлюпочки, которые, разумеется, держатся тут не для украшения берегов Невы. Словом, в этом отношении клуб уже оказал большую услугу: он указал дачникам новый источник удовольствия и приучил их к воде, к морским удовольствиям, а след., до некоторой (хотя и очень небольшой) степени и к морю»*¹.

Эта тенденция поддерживалась и другими клубами. В частности, благодаря построенным Московским речным яхт-клубом двум спасательным станциям с 1867 по 1871 г. во время половодья были спасены 55 человек на Москве-реке².

Помимо основной деятельности члены некоторых клубов могли заниматься и другими видами спорта, предлагаемыми организаторами обществ. Данный фактор был интересен и журналистам. К примеру, в журнале «Морской сборник» было напечатано, что в 1871 г. в летнее время Комитет Московского речного яхт-клуба для своих спортсме-

¹ Влияние деятельности речного яхт-клуба на публику и шлюпочные верфи // Морской сборник. 1863. Т. LXVII, № 8. Раздел «Современное обозрение». С. 59.

² Московский речной яхт-клуб // Морской сборник. 1872. Т. CXIX, № 4. Раздел «Морская хроника». С. 43.

нов нанял дачу «Студенец». Кроме того, *«рядом с большой дачей устроена палатка с деревянным полом, предназначенная в хорошую погоду для обедов и танцев. Летнее помещение Клуба снабжено необходимой мебелью, как комнатной, так и садовой. Устроен буфет и два бильярда. Для гимнастических упражнений Комитет устроил тут же, при даче, мачту с полной оснасткой, а для устранения несчастных случаев внизу протянута веревочная сетка; кроме того, устроен тир для стрельбы в цель и на Москве-реке поместительная и весьма удобная купальня»*¹. Соответственно, помимо шлюпочных прогулок и гонок, речной яхт-клуб предлагал занятия еще по пяти видам (танцы, бильярд, гимнастика, тир, плавание), что значительно расширяло его возможности для привлечения новых членов клуба, на что было обращено особое внимание автора публикации.

На рубеже 1860–1870-х гг. российские спортивные общества наравне с удовлетворением (занятием) досуга стали выполнять и другие различные общественно-социальные функции: оздоровительную, педагогическую, воспитательную и т.д. В частности, Санкт-Петербургское врачебно-гимнастическое общество считало одной из важных задач *«подготовку для удовлетворения потребности в учителях и учительницах гимнастики, по учебным заведениям, и вследствие признаваемой медицинским советам необходимости, чтобы гимнастические занятия производились под руководством лиц, получивших научное образование, – учреждает при Обществе двухгодичный курс для приготовления учителей и учительниц гимнастики»*².

В 1870-е гг. скаковые общества все же уступают место другим спортивным клубам и кружкам. В этот период образуются: «Общество гимнастов» (Москва, 1870); «Общество сибирских охотников» (Иркутск, 1871); «Рижский клуб гребцов» (1872); «Императорское общество правильной охоты» (Москва, 1872); «Общество охотников конского бега» (Курск, 1873); «Ижоро-Рыбацкое Общество Охоты»

¹ Московский речной яхт-клуб // Морской сборник. 1872. Т. СХІХ, № 4. Раздел «Морская хроника». С. 44.

² Официальное извещение // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. СХLVI. С. 68.

(Санкт-Петербург, 1875); «Петровско-Воронежский яхт-клуб» (1875); «Орловское общество охоты» (1876); «Нижегородское общество охотников конского бега» (1877); «Общество любителей шахматной игры» (Москва, 1877); «Петербургское общество любителей бега на коньках» (Санкт-Петербург, 1877); Кавказский альпийский клуб (Тифлис, 1877); Рижский яхт-клуб «Империя» (1878); «Кружок любителей природы, горного спорта и Крымских гор» (Ялта, 1878(?)).

В 1880-е гг. продолжается тенденция увеличения различных спортобществ: «Русское гимнастическое общество» (Москва, 1882); «Велосипедное общество» (Санкт-Петербург, 1882); «Клуб велосипедистов» (Москва, 1883); «Царско-Сельский Кружок Велосипедистов» (1883); «Общество велосипедистов-любителей» (Екатеринбург, 1886); «Общество охотников конского бега» (Екатеринбург, 1886); «Общество Велосипедистов-Любителей» (Харьков, 1887); «Хасав-юртовское скаковое общество» (1887); «Павловско-Тярлевский кружок любителей бега» (1888); гребное общество «Фортуна» (Шувалово, Санкт-Петербургская губерния, 1888); «Одесское общество велосипедистов-любителей» (1888); «Владикавказское скаковое общество» (1889) и др.

Именно в этот период активизируется создание спортивных обществ в провинциальных городах России, притом не только в западной части, но и в восточной. Деятельность практически каждого появившегося тогда спортивного общества, клуба освещалась в прессе, прежде всего в местной.

Степень освещения была совершенно разной, но в большинстве случаях практически такой же, как и в столичных изданиях. Во-первых, материалы по созданию общества в периодическом издании могли быть представлены в форме отчета. Поводы могли быть самые различные: принятие устава общества; проведение начального или очередного собрания; организация соревнований, показательные выступления; отчетная деятельность. В частности, это можно увидеть в публикации об учреждении Общества рысистого коннозаводства в Сердобском уезде в «Саратовском Справочном Листке»: *«Село Беково, 26 сентября с разрешения Главноуправляющего государственным коннозаводством было открыто в с. Бекове, в присутствии началь-*

ника губернии М.П. Галкина-Враского, собрание участвовавших в подписке на учреждении в Бекове рысистых бегов. По прочтении проекта устава “Общества рысистого коннозаводства в Сердобском уезде” и по окончательном утверждении собранием редакции этого проекта, приступлено к выбору президента, вице-президента и старших членов общества»¹.

Кроме того, здесь был представлен подробный доклад о собранных по подписке общества денежных средствах, что было нормой для того времени: «В собранных по подписке деньгах, которых оказалось на приходе 728 рублей, в расходе по 26 сентября на публикацию и переписку 48 руб. 30 к., осталось на лицо 679 руб. 70 к., из чего и положено составить призы для лошадей всех мастей, один приз для 4-хлетнего возраста 1-й лошади 80 руб., 2-й лошади 40 руб.; приз тоже для лошадей всех мастей 5-ти лет и старше, 1-й лошади 115 руб., 2-й лошади 50 руб., итого 285 р., с такими же подразделением для лошадей, рожденных в Сердобском уезде и в ту же сумму, 285 р. И для скачки лошадей всех пород 60 р. из них: первой 30 р., 2-й 20 р., 3-й 10 руб., за расход и назначением призов остается 49 р. 70 копеек»². Данный пример является типичным для освещения прессы работы провинциальных спортивных сообществ. Кроме того, можно констатировать, что создание и развитие различных спортивных обществ в те времена происходило только благодаря энтузиазму и желанию отдельных представителей высшего света, т.е. на любительском уровне. В то же время спорт был доступен для избранных, имеющих в своем распоряжении достаточные денежные средства. Это объяснялось тем, что в часть видов спорта приходилось вкладывать немалые деньги, чтобы, к примеру, купить (заказать) соответствующую форму, инвентарь, снаряжение, оборудование, технику, включая средства передвижения (яхту, воздушный шар и др.). Сюда же входили: членские взносы (от 2 до 15 руб.); плата за занятия в кружках; оплата поездки на соревнования, в некоторых случаях плата

¹ Общество рысистого коннозаводства в Сердобском уезде // Саратовский Справочный Листок. 1872. № 216.

² Там же.

за участие в состязаниях (чтоб создать призовой фонд или сделать покупку дорогих памятных призов). Данное условие существования было приемлемо как для спортивных обществ в крупных городах (столичных и губернских), так и для сообществ организованных в небольших уездных поселениях.

Другим примером может служить «Устав общества сибирских охотников», опубликованный в «Иркутских губернских ведомостях». Основными пунктами были: «...а) ведение правильной в дозволенное время охоты, б) охранение дичи через содействие местным властям в преследовании охоты как в недозволенное время, так и запрещенными способами, в) распространение в народе понятий о правильной охоте, а также о вредных и полезных животных, г) истребление хищных зверей и птиц, д) улучшение способа охоты и в особенности улучшение пород охотничьих собак, е) изучение местной дичи, ее образа жизни, нравов и привычек, описание характера местности в крае, где она преимущественно держится»¹. В этом случае сама охота представляла собой систематизированную систему, построенную не на бесчинном и жестоком истреблении животных, а на их изучении. Нередко эти исследования (наблюдения) публиковались в местных изданиях.

Во-вторых, это могло быть подано и в более простой форме: сообщений, извещений, рекламных объявлений. В них говорилось о том, что открывается Общество любителей велосипедной езды, клуб любителей гимнастики и т.д. Например, вот одно из рекламных объявлений, опубликованное в иркутской газете «Сибирь» в одном из февральских номеров: «Для шахматной игры открыто в “Московском подворье” особое бесплатное помещение. Любители и любительницы этой игры, желающие совершенствоваться в ней или участвовать во взаимных состязаниях, приглашаются ежедневно с 7 час. вечера, с 15 сего января»².

¹ Устав общества сибирских охотников // Иркутские губернские ведомости. 1871. № 29. 13 июля.

² Объявления // Сибирь. 1886. № 3.

Стоит отметить, что не все возникающие в городах той или иной российской губернии спортивные общества удостоивались пристального внимания местной прессы.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что на протяжении всего изучаемого столетия в прессе наблюдается постоянное информационное сопровождение спортивной деятельности, существующей в России. В XIX в. она представляла собой сложный вид деятельности, целью которого были развитие и популяризация спорта в стране. Она основывалась, прежде всего, на организационных факторах: с одной стороны, на формировании, развитии и удовлетворении спроса на спортивные забавы как формы проведения досуга, с другой стороны, она была направлена на создание и развитие спортивных организаций (обществ, клубов, кружков) как средства и одновременно предмета деятельности в профессиональном плане.

Спортсмен в XIX в. рассматривался как человек, умеющий реализовать свои возможности в том или ином виде спорта, кроме того, обладающий определенной смелостью (быть непонятым в обществе в первый момент демонстрации своих умений). Деятельность спортсмена была направлена не только на развитие способностей (умственных, физических), но и в каких-то случаях – на показ их аудитории. Многие зависело и от практикуемых в обществе модных течений. Увлечение спортом, особенно в 1850–1870-е гг., становилось модным в России.

Частотность публикаций о спорте в разные десятилетия XIX в. варьируется. Так, в 20–30-е гг. XIX в. они, хоть и нередки, но носят в большинстве своем «случайный» характер. Это во многом объясняется тем, что спорт еще не является главной темой в прессе. Тем не менее журналисты, особенно в информационных сообщениях, стараются на первый план выдвинуть какое-то необычное (сенсационное) явление в рамках спортивного досуга. Оно может быть связано с показом чего-либо необычного, неординарного для того времени (полет на дирижабле; прыжок с парашютом; участие в скачках; выступление женщин в искусстве фехтования, борцовском поединке и т.д.). И во многих новостных сообщениях центром внимания становится человек спорта. Однако пока его не воспринимают так такового. Это во мно-

гом объясняется тем, что показ необычной физической силы, приезд и выступление мастера своего дела в определенном виде спорта (фехтовании, акробатике, борьбе, скороходе) ассоциируются с каким-либо культурным явлением (выступлением актера, певца) и не более. На «спортивные» демонстрации приходит практически та же публика, что и на обычный концерт, представление, поэтому «сенсация» в этом случае отсутствует, даже при успешном выступлении. Тем не менее именно журналистика способствует к смене взглядов и вводит такое понятие, как «спортсмен», которое помогает выделить представителей спорта в отдельную группу людей, занимающихся определенным видом досуга (спортивной деятельностью).

В 1840–1880-е гг. наблюдается активизация деятельности российских спортивных обществ. Это открыло новые возможности и для журналистики. Представители прессы не только постоянно следили за развитием этих организаций, но и при возможности их презентовали, посвятив им ряд отдельных крупных публикаций.

В благодарность многие общества не оставались в стороне и делали ответный шаг: способствовали развитию медийной сферы России – выпуск печатных изданий о различных видах спорта.

3.3. Первые спортивные издания: динамика развития и типология

Спортивные издания как новый тип изданий в журналистике первой половины XIX в. возникают в России тогда, когда идет переосмысление значения спорта в обществе: когда эта деятельность только зарождается и осознается в обществе как ценность, необходимая не только в праздном проведении досуга (выполнение рекреационной функции), когда приходит понимание ее роли в физическом развитии человека, укреплении его здоровья (осознание ее общественного, педагогического и научного значения). Появление такого вида изданий позволило не только раскрыть для журналистики новую тему (спорт), но и спрогнозировать впоследствии ее переход на высший уровень популярности в информационном пространстве, т.е. сделать ее одной из основных, наряду с политикой, экономикой, культурой.

Прежде чем обратиться к анализу типологических характеристик самих изданий, обратим внимание на то, какой из журналов стал первым спортивным журналом. Эта проблематика и в настоящее время остается спорной. Уже в конце XVIII в. – начале XIX в. существовало несколько журналов, которые на основании преобладания информации о спорте, рассматриваемом в то время как досуговое развлечение (включая игры, физические упражнения), можно отнести к спортивным.

Ряд современных теоретиков спортивной журналистики относят к таким изданиям «Еженедельник для охотников до лошадей» (1823) и «Журнал коннозаводства и охоты» (1842), которые считаются первыми спортивными журналами. Это подтверждается и в научно-исследовательских работах, авторы которых также расходятся во мнениях: одни ученые-журналисты, изучающие историю печати, такие как С.И. Орлов, Е.А. Слюсаренко, К.А. Алексеев, В.В. Баранов и др., на основании ссылок на ряд статей о периодике тех лет в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1899), «Указателе литературы по телесному воспитанию, развитию и образованию» С.К. Архангельского (1909), «Библиографии русской периодической печати 1703–1900 гг. Н.М. Лисовского» (1915), «Библиографии спорта и физического развития» Г.А. Дюперрона (1915) и др., считают, что «Еженедельник для охотников до лошадей» (1823)¹ и «Журнал коннозаводства и охоты» (1842) вполне можно отнести к спортивным.

Другие исследователи, в особенности представители исторической науки, подвергают сомнению такой подход на основании того, что такие публикации редки и занимают небольшой объем по сравнению с материалами на другие темы. К примеру, на это указывает В.Ф. Асаулов в своей работе «Печать как эффективное средство формирования советской системы физического воспитания народа (1917–1925 гг.)»². Он предлагает причислить к спортивным изданиям ««Морские записки» (1800), «Патриот» (1804) и даже «Полезное с

¹ Далее журнал выходил под названием «Записки для охотников до лошадей» (1824–1826).

² Асаулов В.Ф. Печать как эффективное средство формирования советской системы физического воспитания народа (1917–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 10.

приятным” (1769), в которых можно найти публикации и хронику физкультурно-спортивного характера»¹.

Это можно частично подтвердить и при изучении самих изданий. Число спортивных публикаций (к примеру, рассказывающих о проведенном соревновании или о деятельности спортивного общества) в таких журналах было мало, приблизительно 5–15%. В основном это были материалы об охоте – в «Журнале коннозаводства и охоты»; о парусном спорте (о яхтах), гребле и плавании – в «Морских записках», «Морском сборнике»; о пользе физического воспитания, гимнастики, различных играх – в журналах «Полезное с приятным», «Патриот»² и т.д. И если сравнивать перечисленные выше издания с последующими (выходившими в 1870–1900 гг.), в которых спортивная информация значительно преобладает (приблизительно 70–100%), то становится ясным, что «Еженедельник для охотников до лошадей» (1823), «Журнал коннозаводства и охоты» (1842) или «Морские записки» (1800), «Патриот» (1804) относятся к спортивным лишь условно.

В частности, в «Еженедельнике для охотников до лошадей», вышедшем в 1823 г. в Москве, основными публикациями были: отечественные и зарубежные статьи, посвященные развитию коннозаводства и коневодства в России, истории разведения лошадей, устройству конных заводов, о всевозможных болезнях лошадей и способах их лечения³. И лишь малая часть текстов была посвящена «бегам, скачкам, вольтижировке». Рассмотрим для примера объединенный номер № 32–33 «Еженедельника для охотников до лошадей» за 1823 г. Здесь были напечатаны следующие материалы: «Домашний конский врач и аптекар» (способы лечения и рецепты в случае конских болезней); «Как содержится солома, употребляемая для корму вместо сена»⁴ (перепечатка с иностранного издания); «О скачке, име-

¹ Асаулов В.Ф. Печать как эффективное средство формирования советской системы физического воспитания народа (1917–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989. С. 12.

² См. гл. 2.

³ Подробнее см.: Цорн П.И. Еженедельник для охотников до лошадей. М., 2011.

⁴ В названии присутствовала опечатка – слово «вместо» было напечатано как «место».

ющей в предмет колокольни» (об одном из видов английских скачек – без дороги, по прямой через природные препятствия, к пункту назначения); «Стрельба в конюшнях вредна для лошадей» (о вреде стрельбы во время принятия пищи лошадьми); «Изъяснение рисунков. Краткое сведение о родоначалии трех степеней английских скаковых лошадей» (на основании представленных в журнале рисунков приводится объяснение какие три породы лошадей лучшие в скачках); «Уведомление» (сообщение о прибытии в Москву английских лошадей и месте их нахождения); «Смерть Трофониуса, произошедшая от разрыва желудка» (о смерти известной в Москве лошади); информация о подписке на журнал. В данном случае из семи публикаций номера журнала только две можно отнести к спортивной тематике: «О скачке, имеющей в предмет колокольни» и «Краткое сведение о родоначалии трех степеней английских скаковых лошадей».

Еще одно «спорное» спортивное издание – «Журнал коннозаводства и охоты», вышедшее в 1842 г. в Санкт-Петербурге. Уже в преддверии выхода первого номера он удостоился внимания со стороны уже существующих изданий. В частности, в «Сыне Отечества» было опубликовано следующее сообщение: *«С нынешнего Января будет издаваться журнал коннозаводства и охоты. Без сомнения, он принесет много пользы всем владельцам конских заводов и сделается ручною книгою всех любителей охоты. В Англии, Франции и Германии давным-давно издаются подобные журналы»*¹. Проблема отношения его к спортивным рассматривается двояко. С одной стороны, коннозаводство и охота были в те годы напрямую связаны со спортом и являлись его видами. С другой стороны, в первых его номерах были публикации и на другие темы. В частности, коннозаводство было представлено через разведение не только скаковых, но иных видов лошадей; ветеринарская тема (лечение лошадиных болезней); сельскохозяйственная тема (выращивание и содержание кормов) и др. Не внесло ясности в спор и обретение журналом владельца – Комитета государственного коннозаводства в июле 1843 г. С этого момента издание становится официальным его органом. Согласно законодатель-

¹ Разные известия // Сын Отечества. 1842. № 2. С. 40.

ным источникам Комитет был создан 10 апреля 1843 г.¹ Его основными целями были «улучшение пород лошадей в государстве соответственно предназначению их, в видах успехов земледелия, усиления способов снабжения войск лошадьми и содействия к развитию внутренней промышленности вообще...»². Спортивная деятельность (проведение бегов, скачек) в положении и уставе (1843) не упоминается. Это подтверждается и в содержательной части журнала: начиная с этого периода выходящие здесь статьи начинают распределяться по тематическим отделам: «Коннозаводство», «Сельское хозяйство», «Охота», «Приложения», «Ветеринария».

Противоречивая критика на журнал наблюдается и в источниках XIX в. Например, положительные отклики представлены в «Астраханских письмах» Н. Кукольника. Восторгаясь изданием, он замечает: «К числу примечательнейших явлений текущего года, бесспорно, принадлежит издание “Журнала Коннозаводства и Охоты”»³, «<...> priori “Журнала Коннозаводства и Охоты”, издаваемый тщательно и великолепно, должен быть отменно приятен и особенно интересен»⁴.

Однако впоследствии издание вызвало разочарование у части читателей. Об этом упоминается в «Записках псового охотника Симбирской губернии». П.М. Мачеварианова. Автор жестко критикует содержание после июня 1843 г.: «“Журнал коннозаводства и охоты” в 1842 году был приятным явлением для всех истинных охотников. Редактор, г. Реутт, помещал иногда свои собственные статьи, которые, несмотря на какую-то вычурность слога, были довольно интересны, особливо что относилось до содержания племенных собак и до воспитания щенков, А гг. Валунин, Осбальдестон (псевдонимы), гр. А.Т. и другие дарили нас, псовых охотников, презанимательными рассказами, настоящим русским охотничьим языком. С каким сильным нетерпением ожидали мы новых обещанных статей; но...

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1844. Т. VIII. С. 246.

² Там же.

³ Кукольник Н. Астраханские письма // Дагеротип. 1842. Т. I. С. 31–32.

⁴ Там же. С. 32.

наслаждение псовых охотников продолжалось только 1842 год и до июля 1843 года, а потом стали нас потчевать переводными статьями о львах, тиграх, слонах и т.п., которые для нас были точно так же интересны, как сказки о жар-птице»¹.

Таким образом, журналы «Еженедельник для охотников до лошадей» и «Журнал коннозаводства и охоты», определяемые исследователями как первые спортивные издания, не совсем соответствуют своему статусу. Поэтому спортивными их можно назвать только условно. Это подтверждается и еще двумя существенными признаками. Первый заключается в том, что непосредственно спортивная информация в совокупности занимала в них менее 15% содержания того или иного номера. В одном ее могло быть больше, к примеру, из-за подробного описания правил проведения скачек, в другом она была представлена минимально. Второй признак: сами журналы первоначально не рассматривались как спортивные, потому что термин «спорт» еще активно не употреблялся в русском языке. Только в последующие годы, когда спортивной информации стало больше, обозначенные выше журналы вполне могли претендовать на типологический статус – спортивных.

Тем не менее уже в конце 20-х гг. XIX в. выходит издание, которое полностью соответствует всем параметрам спортивного печатного СМИ (т.е. его содержание полностью состояло из публикаций о конном спорте и всем что с ним было связано, включая деятельность определенного спортивного общества). Это «Журнал Лебедянского Скакового Общества» (1828), который выпускался в Москве под редакцией тульского помещика, общественного деятеля Павла Николаевича Мяснова². Он имел эпиграф «Utile dulc» («Приятное с полез-

¹ Мачеварианов П.М. Записки псового охотника Симбирской губернии // Приложение к «Журналу Охоты». М., 1876. С. 10.

² П.Н. Мяснов (1793 – после 1886). Тульский конезаводчик. О нем есть упоминания у Герцена в «Былом и думах», в письме П.В. Анненкову. Сам же Мяснов автор трех брошюр – «О конских ристаниях и скаковых лошадях» (1824), «О воспитании скаковых лошадей в России и о приготовлении оных к скачке в отношении возможности общего улучшения всех видов коннозаводства в государстве» (1833) и «Замечания о приготовлении лошадей к скачкам для офицеров (1852), а также ряда

ным»)¹, больше подходящий для литературных изданий. В первом номере были напечатаны статья П.Н. Мяснова «Краткое историческое начертание Лебедянского Скакового Общества» и официальные документы, связанные с созданием общества²:

1. Прошение основателей общества к генерал-губернатору Балашову.
2. Отношение Тамбовского гражданского губернатора к В.П. Войкову.
3. Предписание генерал-губернатора Балашова к Тамбовскому гражданскому губернатору.
4. Выписка из Комитета Министров.
5. Устав Лебедянского Скакового Общества.
6. Правила для скачек.
7. Публикация Н.А. Лунина «О приготовлении лошадей к скачкам или выдержка скакунов».

Журнал не только был популярен среди читателей, но получал положительные рецензии со стороны критиков, сотрудничавших в ведущих московских изданиях. Неизвестный критик «Московского телеграфа», анализируя содержание первого номера «Журнала Лебедянского Скакового Общества» в 1828 г., представил на суд читателей следующую точку зрения: *«По нашему мнению, все это заслуживает особенное внимание не только как предмет любопытства, но и как дело, важное по своим последствиям»*³.

В следующей книге (номере) были опубликованы материалы не только о делах общества и о проведенных российских скачках, но и о состязаниях, проводимых за рубежом, в частности в Англии, Франции, Венгрии, Голландии и др. Также здесь присутствовали традиционные для многих изданий того времени рубрики «Смесь» и «Объявления». Объем журнала достигал 80 страниц. Тем не менее при всей

публикаций о лошадиных скачках и пользе коннозаводства в журнале «Отечественные записки».

¹ Известное выражение древнеримского поэта Горация, популярное в журналистской и литературной среде в начале XIX в.

² Первый номер имел подзаголовок «Весенние заседания», следующий – «Осенние заседания».

³ Русская литература // Московский телеграф. 1828. Кн. 23, № 19. С. 337.

своей популярности он просуществовал всего лишь один год. По неизвестным причинам, после выхода двух номеров (июнь, октябрь) выпуск этого издания был приостановлен.

Появившиеся в 1820–1840-е гг. другие журналы о спорте еще было сложно классифицировать. Исходя из содержания, их трудно было отнести к спортивным, так как в них была представлена смешанная тематика. На первых порах сюда включались публикации на другие темы: путешествия, ветеринария, скотоводство, медицина, педагогика, досуг и др. Однако это не мешало популяризации основной темы. Для создателей оставался важен замысел – рассказ о спорте, о существующих в нем видах. Такое издание было нередко произведением печатного искусства, так как все элементы (содержательная часть (тексты); структурное построение внутренней композиции материалов (четкие разделы); общий дизайн; обязательная вставка рисунков (гравюр), в некоторых случаях чертежей) представляли собой единый комплекс. В нем сочетались синтез слова и изображения. Большинство текстов было написано простым, понятным языком, что привлекало большое количество читателей. Статистических данных о том, сколько было подписчиков, нет. Однако, судя по положительным рецензиям ведущих литературных и общественно-политических изданий, можно понять, что они пользовались успехом у аудитории.

Вплоть до 1870-х гг. спортивные издания выходили единично, а затем каждое десятилетие шло постепенное увеличение их числа (таблица). Пик пришелся на 1890-е гг. В этот период вышло 39 изданий. Рекордное число наблюдается в 1891 г., когда было напечатано сразу 8, причем 2 из них были напечатаны в провинции – «Записки Крымского горного клуба» (Одесса) и «Конская охота» (Тула).

Данная таблица спортивных периодических изданий XIX в. была составлена на основании изучения изданий того времени и трех каталогов – «Библиография русской периодической печати, 1703–1900 гг.» (автор Н.М. Лисовский, М., 1915, переиздан в 1995 г.), «Русская периодическая печать (1702–1894)» (М., 1959), «Список русских повременных изданий. С 1703–1899 гг.» (СПб., 1901), а также на основании собственных исследований автором монографии периодической печати XIX в.

Спортивные издания XIX в.

№	Годы	Издания (название, город, год выпуска)	Всего
1	1820–1829	«Еженедельник для охотников до лошадей» (М., 1823); «Записки для охотников до лошадей» (М., 1826); «Журнал Лебедянского Скакового Общества» (М., 1828)	3
2	1830–1839	«Известия Московского общества конского бега об испытаниях лошадей» (М., 1834)	1
3	1840–1849	«Журнал коннозаводства и охоты» (СПб., 1842)	1
4	1850–1859	«Газета лесоводства и охоты» (СПб., 1855); «Журнал охоты» (М., 1858); «Семейный круг» (СПб., 1858); «Час досуга» (СПб., 1958); «Шахматный листок» (СПб., 1859)	5
5	1860–1869	«Гомеопатический листок и вестник водолечения и гимнастики» (СПб., 1860); «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» (М., 1861); «Журнал коннозаводства» (СПб., 1865); «Всемирный путешественник» (СПб., 1867); «Журнал охоты и коннозаводства» (СПб., 1869)	5
6	1870–1879	«Журнал Московского общества охоты» (М., 1870); «Московские бега» (М., 1870); «Московские скачки» (М., 1870); «Журнал охоты, коннозаводства, бегов и скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта» (СПб., 1871); «Известия Императорского Московского общества охотников конского бега» (1871); «Памятный Листок Санкт-Петербургского Речного Яхт-Клуба» (СПб., 1873); «Газета Коннозаводства и Любителей Лошадей» (М., 1874); «Журнал Охоты» (М., 1874); «Иллюстрированный журнал охоты и коннозаводства, бегов, скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта (деревенских увеселений)» (СПб., 1874); «Яхта» (СПб., 1874); «Бег Императорского московского общества охотников конского бега» (М., 1874); «Шахматный листок» (СПб., 1876); «Охотничьи записки» (М., 1876); «Сборник морских статей и рассказов» (СПб., 1877); «Известия кавказского общества любителей естествознания и альпийского клуба» (Тифлис, 1879); «Природа и охота» (СПб., 1878); «Морская газета» (СПб., 1879)	17
7	1880–1889	«Воздухоплаватель» (СПб., 1880); «Русский спорт» (СПб., 1882); «Шахматный журнал» (М., 1882); «Скаковой листок русского спорта» (СПб., 1884);	15

№	Годы	Издания (название, город, год выпуска)	Всего
		«Скаковая книжка» (М., 1885); «Шахматный вестник» (СПб., 1885); «Всемирный путешественник» (СПб., 1887); «Листок спорта» (М., 1887); «Охотник» (М., 1887); «Sport» (Варшава, 1888); «Коннозаводство и Коневодство» (М., 1888); «Рысистые заводы в России» (М., 1888); «Листок спортсмена» (СПб., 1888); «Охотничья газета» (М., 1888); «Скаковой листок» (М., 1888)	
8	1890–1900	«Дневник охотника» (М., 1890); «Журнал охоты» (М., 1890); «Приволжский Вестник Охоты» (Саратов, 1890); «Русский охотник» (М., 1890); «Шахматы» (СПб., 1890); «Тидскрифт фёр скак» (Шахматный журнал) (Гельсингфорс, 1890) на швед. яз.; «Записки Крымского горного клуба» (Одесса, 1891); «Конская охота» (Тула, 1891); «Листок объявлений и спорта» (М., 1891); «Охота» (СПб., 1891); «Шашечница» (М., 1891); «Шахматный журнал» (СПб., 1891); «Шахматы» (СПб., 1891); «Велосипедист и речной яхт-клуб» (М., 1892); «Велосипед» (СПб., 1892); «Шахматное обозрение» (М., 1892); «Верховой спорт» (СПб., 1893); «Велосипедист» (М., 1893); «Вестник голубиноного спорта» (Киев, 1893); «Велосипедный спорт» (М., 1894); «Псовая и оружейная охота» (Тула, 1894); «Самокат» (СПб., 1894); «Театральные известия» (М., 1894); «Шахматы» (СПб., 1894); «Циклист» (М., 1895); «Листок спорта» (М., 1896); «Вестник Московского Общества Велосипедистов Любителей» (М., 1897); «Спорт» (Киев, 1897); «Шашки» (Киев, 1897); «Журнал спорта» (М., 1898); «Листок спорта» (СПб., 1898); «Новости сезона. Ежедневная газета театра, искусства, литературы и спорта» (М., 1896); «Театр» (Одесса, 1896); «Tygodnik szachowy» («Тыгодник шаховы» [Шахматный еженедельник]) (Варшава, 1898); «Русский турист» (СПб., 1899); «Спортсмен» (М., 1899); «Спутник спортсмена» (СПб., 1899); «Вестник Офицерской стрелковой школы» (Ораниенбаум, 1900); «Спорт» (СПб., 1900); «Унион»* (Рига, 1900)	39
		Всего	85

* Журнал Рижского велосипедного общества.

Первый из названных источников представляет собой наиболее полный справочник о газетах и журналах, вышедших в исследуемый нами период. В нем есть своя систематика спортивных изданий, созданная отдельно по санкт-петербургской, московской и провинциальной прессе, однако она не показывает саму динамику развития спортивной печати XIX в.

Второй источник – каталог «Русская периодическая печать (1702–1894)» взят нами как дополнительный источник. Он помог пополнить список и выявить первый российский журнал, в названии которого появился термин «спорт» – «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», вышедший с 1861 по 1863 г. под редакцией С.П. Колошина. Оно было издано почти на двадцать лет раньше, чем «Русский спорт» (1882), который многие исследователи считают первым изданием.

Третий сборник – «Список русских повременных изданий. С 1703 – 1899 гг.» (СПб., 1901) (составитель В.И. Срезневский) помог выявить ряд малоизвестных изданий, посвященных отдельным видам спорта.

Помимо того, в ходе самостоятельного исследования был выявлен ряд газет и журналов. К ним относятся: «Известия Московского общества конского бега об испытаниях лошадей» (М., 1834); «Гомеопатический листок и вестник водолечения и гимнастики» (СПб., 1860); «Известия Московского общества охотников конского бега за 1871 г.» и др.

Отбор происходил по следующим критериям. Во-первых, сюда были внесены издания, которые напрямую отражают специфику того или иного вида спорта как по первоначальным, так и по современным признакам. Сюда же вошли и спортивные издания, причисляемые к этой категории условно. Например, издания об охоте¹, а также о лошадях («Еженедельник для охотников до лошадей», «Журнал коннозаводства и охоты») и журнал «Час Досуга», в первых номерах, которых было мало спортивной информации.

Во-вторых, некоторые издания, рассматриваемые Н.М. Лисовским (в 1915 г.) в других подрубриках, все же были определены автором

¹ В XIX в. практически все виды охоты определялись как спортивные. В XXI в. к ним относится только малая часть.

монографии как именно спортивные, в частности, это «Вестник Офицерской стрелковой школы», «Яхта», «Морская газета» и др.

В-третьих, ряд изданий, выпускавшихся с перерывом или менявших название, был включен в таблицу как разные. В каталогах конца XIX – начала XX в. они значились как «новые», так как при смене названия менялся и год выхода. Например, «Еженедельник для охотников до лошадей» (М., 1823) и «Записки для охотников до лошадей» (М., 1826). По сути это одно и то же издание¹. Или «Листок Объявлений и Спорта» (М., 1891–1896) – «Листок Спорта» (1896–1897) – «Журнал Спорта» (1898–1905). Или «Журнал охоты и коннозаводства» (СПб., 1869) – с 1871 г. это «Журнал охоты, коннозаводства, бегов и скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта», а с 1874 г. «Иллюстрированный журнал охоты и коннозаводства, бегов и скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта (деревенских удовольствий)».

В таблицу включались газеты и журналы, имевшие перерыв в выходе. За это время могли смениться владелец, редактор, а также содержание издания. К примеру, «Шахматный листок» издавался дважды: в 1859–1863 и 1876–1881 гг.

В-четвертых, в список попали «смежные» издания, в которых рассматривались несколько видов деятельности общества, включая спорт или его виды. В частности, к ним относятся: «Газета лесоводства и охоты» (СПб., 1855); «Семейный круг» (СПб., 1858) – журнал литературы, искусств, наук, технологии, промышленности, хозяйства, домоводства, *охоты* и мод; «Час Досуга» (СПб., 1858); «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» (М., 1861); «Известия кавказского общества любителей естествознания и альпийского клуба» (Тифлис, 1879); «Театральные известия» (М., 1894). В 1896 г. газета имела подзаголовок «Театральные известия. Театрально-музыкальная и литературно-художественная газета с портретами сценических деятелей и отделом спорта»; «Новости сезона. Ежедневная газета театра, искусства, литературы и спорта» (М., 1896);

¹ Еженедельник для охотников до лошадей // Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати, 1703–1900 гг. М., 1915. С. 66.

«Театр» (Одесса, 1896, ежедневная газета, посвященная искусствам, театру, музыке и спорту) и др.

В-пятых, единственный журнал, который не вошел в перечень спортивных изданий, – это «Марки» (Киев, 1898), хотя Н.М. Лисовский в своем каталоге относит его именно к спортивным. С одной стороны, это вполне объяснимо, так как на основании первой классификации спорта, представленной в статье «Спорт» энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона¹, этот вид относился к спортивной деятельности. С другой – учитывая то, что сегодня он относится к иной категории досуговых занятий, мы исключили журнал из списка. Хотя некоторые исследователи истории журналистики, в частности К.А. Алексеев, все же причисляют его к таковым.

Кроме определения первого издания с названием «спорт» и периодичности выхода спортивной печати по каждому десятилетию изучаемого периода, с помощью таблицы можно выделить ведущие типологические характеристики первых спортивных изданий.

Представляя общие особенности прессы XIX в., ставропольский теоретик О.И. Лепилкина пишет: «В XIX в. – начале XX в. сложилась исследовательская традиция использования для классификации периодических изданий не единого основания, а в смешанном варианте с произвольным выделением наиважнейшего типологического признака (область информационного внимания, характер материалов, адресация, тип издателя) для каждого отдельного издания»². К ним относятся: тип издания (газета, журнал); территориальный признак, позволяющий определить соотношение столичных и провинциальных спортивных изданий, выходящих в те годы; объем представления в них спортивной информации; тематические направления периодики в рамках спортивной журналистики.

Если рассматривать в совокупности весь комплекс спортивных изданий, вышедших в исследуемый нами период, то стоит отметить,

¹ Спорт // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. М., 1899. Т. XXXI. С. 298.

² Лепилкина О.И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2010. С. 8.

что каждый теоретик журналистики выделяет свой набор признаков для исследования. К примеру, Санкт-Петербургский исследователь К.А. Алексеев в научной работе «Спортивная пресса России XIX – начала XX вв.: историко-типологический анализ» акцентирует внимание на том, что «спортивные дореволюционные издания дифференцировались по целому ряду признаков: по целям и назначению, по формам организации, по формальным признакам, по территориальному принципу»¹. Он же предлагает следующую типологию: «Сама разнообразная и неоднородная природа спорта подсказывает наиболее естественный, показательный и продуктивный критерий классификации изданий – по отраслевому принципу, т.е. по освещаемым видам спорта. По данному критерию все спортивные издания XIX – начала XX вв. делятся на универсальные (общеотраслевые) и специализированные (отраслевые)»². Такой подход несколько сужает представление о спортивной печати того времени, поэтому в данном исследовании предлагается расширить ряд параметров классификации спортивных изданий и включить в него тип издания, периодичность, продолжительность выхода, территориальность, тематику.

Первый признак, ярко характеризующий спортивную прессу XIX в., – это тип издания. При изучении самой спортивной периодики становится ясно, что с самого начала издатели предпочли издавать журналы, а не газеты. Этот тип издания позволял не только размещать в выходивших номерах объемные публикации о различных видах спорта, о соревновательной и общественной (связанной непосредственно со спортивными организациями того времени) деятельности, но и иллюстрировать их качественными рисунками, включая гравюры с картин известных художников, а в некоторых случаях и техническими схемами. Если рассматривать в цифровом соотношении, то из 85 изданий, представленных в таблице, выпускалось всего 17 газет, включая два приложения и отдельные листки (4).

¹ Алексеев К.А. Спортивная пресса России XIX – начала XX вв.: историко-типологический анализ : автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2008. С. 17.

² Там же.

Вторым признаком является периодичность. Она позволяет понять, насколько сами издатели, редакторы были заинтересованы в выпуске спортивных газет и журналов. Согласно анализу периодичности выхода изданий их условно можно разделить на две группы. Условность выражается в том, что в какой-то момент некоторые издания могли менять периодичность, переходя, к примеру, из еженедельных в ежемесячные и наоборот.

Первая группа включает в себя три типа изданий:

Разовые издания, включая издававшиеся не более двух-трех раз. Например, вышеупомянутый «Журнал Лебедянского Скакового Общества» (М., 1828), а также «Памятный Листок Санкт-Петербургского Речного яхт-клуба» (1873), у которого вышли всего два номера: № 1 (май – июнь) и № 2 (июнь – июль); «Известия Московского общества охотников конского бега за 1871 г.» вышли в одном выпуске; «Скаковой листок русского спорта» (1884) был выпущен всего в трех номерах.

«Случайное» издание, имеющее неопределенную периодичность выхода, который четко не обозначен (т.е. не привязан, к примеру, к определенным дням недели или четким датам). К примеру, «Листок Спортсмена» (1888–1894), выходивший только в дни скачек в Петергофе и Царском Селе. Скачки назначались в самые разные дни, и «Листок» выпускался сразу же после их проведения.

Ежедневное издание. Этот тип характерен для газет. В рамках исследуемой группы к нему относится, в частности, газета «Листок спорта» (1887). «Ежедневность» выхода была условной, о чем свидетельствуют даты начала и конца выхода «Листка спорта» – с 8 мая по 20 сентября. В этот период вышли всего 53 номера, а должно было быть около 120, т.е. почти в два раза больше. В самом издании есть важная приписка, что оно издается «в дни бегов и скачек». Если определять истинную периодичность такого издания, то получается примерно 3–4 раза в неделю, причем независимо от дня недели.

Практически все эти типы малочисленны. К каждому из них – можно отнести по 2–3 издания, не более. В то же время в составе той или иной тематической группы такие издания могли вовсе отсутствовать.

Ко второй группе спортивных изданий, классифицирующейся по периодичности, можно отнести:

Еженедельные издания, выходящие один раз в неделю. Это один из самых распространенных видов среди исследуемых. К нему можно отнести 15 изданий из 70, т.е. 1/4 часть. Такая периодичность практиковалась как среди газет, так и среди журналов.

Издания, выходящие 2–3 раза в месяц. Эта подгруппа малочисленна. В ее состав вошли журналы «Велосипедист и Речной Яхт-Клуб», «Шахматы» (СПб., 1891–1892), «Журнал Охоты и Коннозаводства»; «Охота»; «Велосипедный Спорт» и др.

Ежемесячные издания. Этот вид также многочислен, как и еженедельные издания. К нему можно отнести 13 журналов.

«Ежеквартальные»¹ издания, выходявшие 4 раза в год. Этот вид очень редок. И в спортивных изданиях XIX в. выделяется всего один такой журнал – «Шахматный листок».

Ежегодники. К данному виду, как и к предыдущему, относится всего одно издание – «Шахматы» (СПб., 1894).

Как видно, вторая группа изданий достаточно объемна по сравнению с первой благодаря еженедельным и ежемесячным изданиям. Тем самым определяются два самых распространенных вида спортивной печати XIX в. по признаку периодичности. В современной спортивной прессе за этими видами также остается приоритет.

Третий признак, который очень важен при анализе спортивной прессы в исследуемом периоде, – это продолжительность выхода изданий. Это позволяет проследить динамику «долгожительства» отдельных единиц (газет и журналов) спортивной прессы в период ее становления. Отправным временным параметром в этом случае становится год.

Спортивные газеты и журналы дифференцировались на выходявшие в течение следующих периодов:

До года. Сюда относятся спортивные издания, выпускавшиеся всего несколько месяцев. Из анализируемой группы сюда вошли 28 изданий, что составляет более 30% от всего массива изданий. Одной из главных причин закрытия было отсутствие профессионального и экономического опыта в плане подготовки и выпуска именно спор-

¹ Слово «квартал» в XIX в. в русском языке еще не употреблялось.

тивного издания. В середине – конце XIX в. шло только становление российской спортивной журналистики.

От одного года до трех лет. Таких изданий 21. В основном это журналы, издатели которых не смогли продолжить выпуск или из-за финансовых трудностей, или попросту из-за расформирования какого-либо спортивного общества, описание дел которых составляло основное содержание того или иного спортивного издания.

От трех до пяти лет. В данный сегмент можно отнести только 7 спортивных газет и журналов. Тем не менее наиболее устойчивыми в этом плане оказались 4 издания, которые были выпущены в период с конца 1860 и до начала 1880 г. К ним относятся «Журнал Охоты и Коннозаводства» (1869–1874), «Журнал Охоты» (1874–1877), «Яхта» (1874–1878), «Воздухоплаватель» (1880–1883).

От пяти до десяти лет. Таких изданий также немного – 7. Это «Коннозаводство и Коневодство», «Листок Спортсмена», «Охотничья Газета», «Конская Охота», «Листок Объявлений и Спорта», «Циклист», «Спорт». Практически все они выходили в конце 1880-х гг.

Десять и более лет. Это два издания: «Русский Спорт» (1882–1894) и «Самокат» (1894–1904).

Таким образом, на основании исследования такого признака, как продолжительность выхода спортивных изданий, можно утверждать, что со дня выхода в свет первого спортивного журнала (с 1828 до конца 1880 гг.) потребовалось почти 50 лет для того, чтобы стабилизировался процесс выпуска спортивного издания. Лишь выпуск небольшой части газет и журналов, посвященных спорту, в XIX в. был устойчивым. Основной период выпуска спортивной периодики был около 5–6 лет, очень редко больше. Для ряда изданий продолжительность была в какой-то мере условна, так как они в разное время выходили под разными названиями, за счет чего продлевалось время их существования. В частности, это касалось ранее упомянутого издания «Листок Объявлений и Спорта» (М., 1891–1896) – «Листок Спорта» (1896–1897) – «Журнал Спорта» (1898–1905). Как видно, могло меняться не только название, но и тип – газета превращалась в журнал. Такие и подобные издания рассматривались не в качестве продолжающихся или возобновляемых, а как разные.

Четвертым ведущим признаком, характеризующим спортивные издания XIX в., является территориальность. Исследователь Н.М. Лисовский в своей «Библиографии русской периодической печати, 1703–1900 гг.» (М., 1915) всю периодику, включая и спортивную, делит на три части: петербургские, московские и провинциальные газеты и журналы. Можно вполне согласиться с таким подходом к делению спортивной печати того времени. Из 85 изданий, представленных в таблице: московских насчитывается 37, Санкт-Петербургских – 33, провинциальных – 15.

Как видно, количество спортивных изданий в столичных городах было почти одинаково. Небольшое преимущество в количестве московских газет и журналов объясняется тем, что они появились немного раньше, чем петербургские.

В провинциальных городах России по выпуску спортивных газет и журналов наблюдается следующая ситуация. Их активизация началась только в конце 1870-х гг. Первым спортивным стал журнал «Известия кавказского общества любителей естествознания и альпийского клуба» (Тифлис, 1879). Следующие издания вышли только почти через 10 лет: в 1888 г. журнал на польском «Sport» (Варшава); в 1890 г. журнал «Тидскрифт фёр скак» («Шахматный журнал») в Гельсингфорсе¹ и «Приволжский вестник охоты» в Саратове. Еще два издания выпущены в 1891 г., одно – в Одессе («Записки Крымского горного клуба»), второе – в Туле («Конская охота»). В последующие годы вплоть до 1900 г. были изданы: три издания в Киеве («Вестник голубиноного спорта» (1893²), «Спорт» (1897) и «Шашки» (1897)), по одному – в Риге, Саратове, Одессе, Вене (Тульская губерния), Ораниенбауме. Примечательно то, что в список городов, в которых выходила спортивная печать, наравне с крупными городами Российской империи попали и два небольших городка: Венев (согласно статистическим данным, в 1897 г. его население составляло всего около 5,2 тыс. человек³) и Ораниенбаум (ныне Ломоносов, Ленинградская область) (в 1896 г. – 4,7 тыс. жителей).

¹ В настоящее время Хельсинки.

² В скобках указан год выхода издания.

³ Венев // Мой город. URL: http://www.mojgorod.ru/tuljsk_obl/venjov/index.html.

Тем самым можно утверждать, что в выходе спортивной прессы в конце XIX в. были заинтересованы не только столичные и крупные города, но и малые. Фактически такая же ситуация повторилась и через сто лет, когда в 1990-х гг. благодаря перестроечным преобразованиям, произошедшим в нашей стране, спортивные газеты и журналы стали массово появляться и в небольших населенных пунктах (малых и средних городах, районных центрах и ряде поселков городского типа).

Пятый признак – это тематика. Согласно ему в спортивной прессе можно выделить три типа изданий, а не два (универсальные (общепрофессиональные) и специализированные (отраслевые)), как предлагает К.А. Алексеев в своей работе «Спортивная пресса России XIX – начала XX вв.: историко-типологический анализ».

К ним относятся издания:

Общетематические. В этом случае рассматривается общая тематика спорта. Такие издания появились в 1890-х гг. Например, «Спорт», «Листок спорта», «Журнал спорта», «Спутник спортсмена» и др.

Комбинированные: в одном издании были представлены сразу два направления спорта или сочетание одного вида спорта с другой сферой деятельности. К примеру, сюда относятся «Журнал коннозаводства и охоты», «Журнал охоты и коннозаводства», «Велосипедист и Речной яхт-клуб», а также «Газета лесоводства и охоты» и журнал «Природа и охота».

Узкоспециализированные – издания, в которых представлено одно направление спортивной деятельности или один вид спорта – «Самокат», «Шахматы», «Циклист», «Велосипедный спорт» и др.

В подгруппах можно выделить десять тематических направлений, характеризующие определенные виды спорта. Они несколько отличаются от тех, что представлены в исследовании К.А. Алексеева¹:

• Конный спорт – 15 изданий. Как отмечалось выше, это первые издания о спорте, появившиеся в 1820-е г. Большинство из них было

¹ Алексеев К.А. Спортивная пресса России XIX начала XX вв.: историко-типологический анализ : автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2008.

выпущено в середине 1880-х. В 1890-е гг. вышел всего один журнал «Конская охота» (Тула, 1891).

- Охота – 11 изданий. Они представляют собой особое направление. При всей популярности охоты в XIX в. сегодня напрямую к спорту можно причислить лишь ее небольшую часть, которая входит в состав спортивной охоты. В то же время популярность этих изданий отмечена в 1890 гг., когда было издано сразу 4 журнала на данную тему.

- Шахматы-шашки – 13 изданий. Из них 11 было посвящено шахматам, а два – шашкам. Это единственная тема, которая представляет такое важное и известное с древних времен направление в спорте, как настольные игры. Активизация выпуска спортивных изданий на эту тему началась в 1890-е гг., хотя первое шахматное издание – «Шахматный листок» – вышло еще в 1859 г.

- Технические виды (велосипед, самокат) – 6 изданий. Это достаточно большое количество, учитывая то, что наравне с другими видами спорта, которые имеют многовековую историю, технические появились в конце XIX в. И то, что они практически сразу стали интересны обществу, отражено и в массовом выпуске изданий на эту тему. Все журналы, относящиеся к этой теме, были выпущены в течение трех лет, в период с 1892 по 1895 г.

- Воздушный спорт – 1 издание. Это журнал «Воздухоплаватель». Сам же воздушный спорт по своим характеристикам относится к техническим видам, однако в дальнейшем он становится отдельной категорией. Из-за этого данное издание рассмотрено отдельно.

- Парусный спорт (морской и речной спорт) – 4, включая журнал «Велосипедист» и «Речной Яхт-Клуб». Основной выпуск изданий данной категории пришелся на 1870-е гг. В это время вышло три издания из четырех.

- Туризм, путешествия – 4. Это «Всемирный путешественник» (СПб., 1867), «Русский турист» (СПб., 1899) и «Записки Крымского горного клуба» (Одесса, 1891). Туризм, как и охота, обладает некоторой условностью отнесения его к спорту. Тем не менее с позиции XIX в. это все-таки спортивные издания, так как туризм в конце XIX в. считался спортивным досуговым увлечением.

- Стрелковый спорт – 1. «Вестник Офицерской стрелковой школы». При достаточной популярности данного вида деятельности среди представителей высшего общества, особенно среди военных, это единственный журнал, в котором рассматривалась его специфика.

- Голубиный спорт – 1. «Вестник голубинового спорта». По сравнению с остальными, данный вид спорта является достаточно экзотичным не только для того, но и для настоящего времени.

Помимо представленных категорий спорта (а точнее характеризующих их изданий), можно выделить и десятый вид, который основан на общем понимании спорта в России середины и конца XIX в. В то время спорт рассматривался как досуг. К нему относятся два журнала: «Час досуга» и «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», в котором было представлено описание спортивных игр и забав, которые занимали $\frac{1}{3}$ объема публикаций почти в каждом номере.

В подборке спортивных журналов и газет XIX в. прослеживается и дополнительный фактор, важный для нашей исследовательской работы, – это введение термина «спорт» и его составляющих в названиях изданий. Во второй половине XIX в. вышли следующие издания: «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» (М., 1861); «Журнал охоты, коннозаводства, бегов и скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта» (СПб., 1871); «Иллюстрированный журнал охоты и коннозаводства, бегов, скачек, акклиматизации животных, рыболовства и других предметов спорта (деревенских увеселений)» (СПб., 1874); «Русский спорт» (СПб., 1882); «Скаковой листок русского спорта» (СПб., 1884); «Листок спорта» (М., 1887); «Листок спортсмена» (М., 1888); «Листок объявлений и спорта» (М., 1891); «Верховой спорт» (СПб., 1893); «Вестник голубинового спорта» (Киев, 1893); «Велосипедный спорт» (М., 1894); «Листок спорта» (М., 1896); «Спорт» (Киев, 1897); «Журнал спорта» (М., 1898); «Спутник спортсмена» (СПб., 1899); «Спорт» (СПб., 1900).

В целом можно сделать вывод о том, что все пять представленных типологических признаков (вид издания, периодичность, продолжительность выхода, территориальность, тематика) позволяют выявить особенности и характерные черты первых спортивных изданий; по-

нять, какова была их периодичность, срок существования, насколько быстро спортивная пресса вызвала интерес у провинции и какие конкретно виды спорта послужили формированию спортивной печати в тот период.

Выводы

Журналистский текст во все периоды своего существования являлся и до сих пор является особым проводником в разные предметные области. В его недрах зарождаются и внедряются в язык новые специализированные термины. Благодаря одному из главных признаков – информативности, он позволяет не только познакомить читателей с водимыми категориями, но и адаптировать их для постоянного словопотребления. Этот процесс может происходить быстро, а может занять значительное время, как произошло с понятием «спорт». Его внедрение в информационное пространство заняло более полувека, если считать с 1816 г. и до 1870-х гг., когда он стал постоянно использоваться в публикациях различных изданий.

В русском языке слово «спорт» является заимствованным. Первоначально оно обозначало игру, забаву, занятие для проведения досуга. И лишь в 1870–1880-е гг., благодаря бурным социально-экономическим преобразованиям, происходящим в России, это слово приобрело статус обозначения профессиональной деятельности. В этот момент «спорт» выступил как комплексная категория, которая имела в основе социальный, общественный, культурный, научный, педагогический и в каких-то случаях экономический аспекты содержания.

Исследование понятия «спорт» в медиатекстах XIX в. позволило выявить основные российские аналоги этого понятия, в числе которых следует отметить такие, как «гимнастика», «охота» (рассматриваемое как занятие). Выявлены также первые коннотационные преобразования в концептуальном содержании слова «спорт», которые образовались благодаря географическому фактору («английский спорт», «французский спорт», «русский спорт» и т.д.) и развитию отдельных

спортивных видов («скаковой спорт», «шахматный спорт», «парусный спорт» и др.).

Кроме того, изучение журналистских произведений и лингвистических источников (словарей, энциклопедий) выявило поэтапное изменение содержания термина «спорт». На каждом этапе шло некое «соревнование» между журналистами и филологами, где каждая группа исследователей предлагала свой вариант интерпретации термина. Тем не менее журналисты, по сравнению с филологами, давали более широкие определения, позволяющие охватить большое количество видов спорта. У филологов трактование понятия «спорт» шло по традиционной схеме «от простого к сложному». В первом варианте это выражалось буквально через две строчки, где упоминаются два вида (охота и рыбалка) «игра, забава, потеха, веселость и шутка, игрушка; также потеха охотничья, рыбная ловля» («A New Dictionary English and Russian. Новый английский-русский словарь», 1816); во втором это была уже полноценная статья в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (1898), представляющая подробную классификацию спорта. Примечательным становится то, что ее основу составили классификации, предложенные в публикациях Владимирского «Опыт классификации всех видов спорта» (Охотник. 1887. № 18); Влад. Шл. «Спорт, его виды, историческое развитие и культурное значение» (Охотник. 1887, № 19; 1888. № 34); А. Ивашенцова «Охота и Спорт» (СПб., 1898). Поэтому роль журналистов в раскрытии термина «спорт» и последующей его репрезентации очень ценна.

Анализ раскрытия особенностей спортивной деятельности в журналистских материалах XIX в. строился на изучении субъектной личности («спортсмена») и деятельности спортивных обществ. На основании проведенного исследования было выявлено, что в медиатекстах образ «спортсмена» рассматривался с разных сторон:

1) начинающий участник или профессионал, принимающий непосредственное участие в состязаниях;

2) «любитель» или «охотник» до игр – человек, увлекающийся народными забавами или настольными играми;

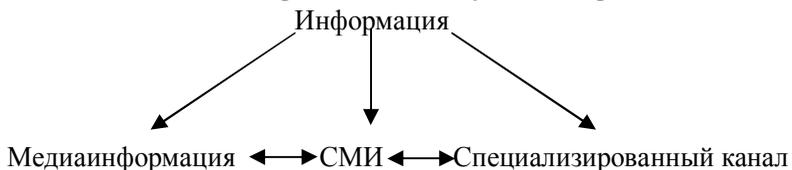
3) знаток спорта, постоянный зритель спортивных соревнований (особенно скачек).

Изучение освещения в прессе XIX в. деятельности спортивных обществ позволило доказать, что практически вся их работа была связана с продвижением и развитием в России тех видов спорта, которые они представляли. Внимание в журналистских публикациях уделялось фактически всем обществам, независимо от того, где они образовывались – в столицах (Санкт-Петербурге и Москве) или в провинции. Журналисты не только обращали внимание на проводимые обществами спортивные состязания, но и следили за их развитием, включая проводимую ими общественную деятельность (социальную, научную, педагогическую (обучающую)).

Повышенная частота спортивных публикаций, начиная с 1840-х гг., позволила теме «спорт» стать популярной в прессе. Этому содействует и выпуск специализированных периодических изданий. Детальное исследование типологии спортивных журналов и газет позволяет не только констатировать, что этот опыт по многим параметрам можно считать положительным, но и сделать вывод о том, что эти издания, изначально имея узкоспециализированную направленность (освещение деятельности одного – максимум двух видов спорта), напрямую способствовали созданию и продвижению нового, уникального тематического направления – «спорт» в сфере журналистики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторический процесс появления спортивного медиатекста представляет собой следующие действия: зарождение явления (сферы деятельности) – его дальнейшее развитие – становление явления как темы для источника информации – «первые шаги» в представлении темы в СМИ – широкое использование документальных, журналистских, художественных средств в описании явления – создание в них полноценной текстовой, порой, и устной информации о явлении – возникновение в создаваемой информационной среде специализированной информации, в свою очередь, выражен через малые формы текста (фрагмент, короткое сообщение) – в некоторых случаях формирование специализированных каналов передачи информации (в первую очередь газет и журналов). Если рассматривать этот процесс схематично, то его можно представить следующим образом:

В рамках изучаемой нами спортивной журналистики в качестве исследуемого предмета (сферы деятельности) выступает спорт, а в качестве канала информации – периодические издания. Такой выбор был обусловлен тем, что пресса стала первым информационным каналом. Благодаря своим приоритетным возможностям она была и первым представителем масс-медиа, который вступил в коммуникативный контакт со спортом. Причем это произошло задолго до того, как спорт был официально признан российским обществом, но, тем не менее, как явление он уже существовал.

В ходе этого исследования было установлено, что спортивная информация впервые появилась в прессе практически сразу же, как только возникла первая рукописная газета «Вести-Куранты» – в нача-

ле XVII в. Хотя в тот период она имела единичный характер и представлена на уровне употребления отдельных слов, фраз, а также в виде небольших фрагментов в сообщениях, но этого вполне достаточно, чтобы утверждать, что первые коммуникативные взаимоотношения спорта и прессы зародились не в XIX в., как утверждают многие исследователи спортивной журналистики, а в XVII в.

Кроме этого, через анализ исторических источников было подтверждено, что спорт ассоциируется прежде всего с такими сферами человеческой деятельности, как досуг, игра, наука, искусство, педагогика, медицина, и только с 1860–1870-х гг., с появлением спортивных обществ, – как профессиональная деятельность.

Полностью коммуникативная цепочка выглядит следующим образом: зарождение спорта как явления – распространение его в российском обществе на уровне забав, игрищ (включая формирование отдельных видов спорта) – описание темы спорта в пражурналистских (летописи, былины, а также их разновидности (поучения, жития, сказания)) и документальных источниках – продолжение культивирования на Руси «спортивных» занятий как забавы – появление первой рукописной газеты – первая информация о «спорте» на уровне отдельных слов (терминов), фраз, раскрывающих его как действие, которое совершается на социально-бытовом уровне – внедрение практик физического воспитания и «телесных» упражнений в систему образования в допетровскую эпоху – отражение развития физических занятий в Российском государстве в документальных источниках и просветительских сочинениях – реформы Петра I по популяризации отдельных видов физических занятий, упражнений – официальное признание на государственном уровне отдельных спортивных дисциплин – описание спортивно-игровых действий в журналах – выход первых периодических изданий в России – появление первых определений, связанных со спортом, на примере «телесного и физического воспитания» – переход «спортивной» информации из литературных, исторических и научных источников в журналистские – появление первых публикаций, где целно или фрагментарно происходит упоминание о физических упражнениях, занятиях – выход первых «спортивных» журналистских материалов – введение журналистами тер-

мина «спорт» в русский язык – зарождение специализированной спортивной прессы.

Каждый этап способствует формированию и продвижению спортивной информации в информационном пространстве российского общества.

Еще одной важной темой для исследования стали вопрос о раскрытии истоков образования терминосистемы спорта и определение активного участия в этом процессе периодических изданий.

Для спортивной терминологии характерны те же способы формирования, что и для других терминосистем. Анализ был проведен на основании изучения журналистских и энциклопедических источников формирования. Он проводился впервые в рамках журналистских и лексикологических исследований.

Были выделены следующие периоды.

I период: конец XVIII в. – начало XIX в. – период зарождения терминологии спорта (активность категории «гимнастика», предшественницы термина «спорт»), введение термина в русский язык (1816), когда он рассматривается как «игра, забава, потеха, веселость и шутка, игрушка; также потеха охотничья, рыбная ловля».

II период: 1828–1851 гг. – ввод термина «спорт» в медиатекст (где он представляется как игра, забава, как предмет закладов, пари).

III период: 1850–1860-е гг. – становление и совершенствование спортивных терминов, ввод синонимических лексем («охота», «гимнастика»); появление первых определений спорта в энциклопедических словарях.

IV период: 1870–1890-е гг. – появление терминов, характеризующих профессиональную деятельность спорта (первые классифицирующие статьи в энциклопедиях).

Резюмируя вышесказанное, можно подчеркнуть, что практически любая сфера деятельности общества способна стать основой для медиаинформации. Многое зависит от того, насколько быстро тот или иной медиаканал обратит на нее внимание. Сам процесс на первоначальной стадии может происходить долго, как это было выявлено на примере исследования взаимоотношений печати и спорта. На определенной стадии взаимовлияние может значительно ускориться, и время

эволюционных преобразований сократится до нескольких лет, что хорошо прослеживается в период, когда в середине XIX в. спорт официально признается обществом и практически одновременно резко возрастает к нему интерес со стороны печатных СМИ. Стоит отметить, что такой опыт в рамках установки «долговременных» отношений между печатью и спортом позволил другим медиаканалам (радио, телевидению), появившимся в XX в., наладить коммуникативные отношения со спортом намного быстрее.

ЛИТЕРАТУРА

- A New Dictionary English and Russian. Новый англо-русский словарь. М., 1816. Т. 3. 331 с.
- Michelet J. Histoire de France au XVIe siècle. Réforme. Paris, 1855.
- Parallel Dictionaries of the Russian, French, German and English Languages» (Параллельные словари русского, французского, немецкого и английского языков). СПб., 1850.
- Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
- Алексеев К.А. Спортивная пресса России XIX – начала XX вв.: историко-типологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 26 с.
- Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М. : Педагогика, 1985. 480 с.
- Апофегмата. Кратких витиеватых и нравоучительных повестей книги три. СПб., 1711. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=220>.
- Асаулов В.Ф. Печать как эффективное средство формирования советской системы физического воспитания народа (1917–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989. 22 с.
- Байрон Дж. Дон Жуан. СПб., 1847.
- Белинский В.Г. Собрание сочинений. М. : Худ. лит., 1982. Т. 9. 863 с.
- Белкин А.А. Русские скоморохи. М. : Наука, 1975. 192 с.
- Бецкой И.И. Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества. М. : Книга по Требованию, 2012. 36 с.
- Вести-Куранты. 1656. 1664–1670 гг. / под ред. А.М. Молдована и И. Майер. М., 2009. Т. VI, ч. 1. 856 с.
- Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов. СПб., 1878. Т. 2. 545 с.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
- Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. 165 с.

- Глагольев А.Г. Записки русского путешественника. С 1823 по 1827 год. СПб., 1837. Т. 1. 285 с.
- Головин И.Г. Десять лет в Англии. Лейпциг, 1858. 144 с.
- Грум-Гржимайло К.И. Руководство к воспитанию, образованию и сохранению здоровья детей. СПб., 1845. Т. 3. 405 с.
- Гуреева Е.И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте. Челябинск, 2007. 24 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб. ; М., 1880. Т. 1.
- Двойнина А.В. Роль тематико-терминологического словаря в формировании коммуникативной личности спортсмена. Уфа, 2013. 24 с.
- Дельвиг А.А., Селезнев М.Я. Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его 50-летие – с 1811 по 1861 г. СПб., 1861.
- Деметер Г.С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. М. : Сов. спорт, 2005. 323 с.
- Забозлаева Т.Б. Шампанское в русской культуре XVIII–XX вв. СПб. : Искусство-СПб, 2007. 412 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. М. : ЭКСМО, 2002. Т. 1. 1022 с.
- Климов М.Ю. Семиотическая система спорта как феномен культуры. Барнаул, 2006. 22 с.
- Комиссаров В.Н. Смысловая стратификация текста как переводческая проблема // Текст и перевод. М. : Наука, 1988. 164 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высш. шк., 1990. 250 с.
- Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М. : Республика, 1992. 301 с.
- Крафт Г.В. О сохранении здравия / пер. М.В. Ломоносова // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М. ; Л. 1950–1983. Т. 11.
- Крылов И.А. в воспоминаниях современников. М. : Худ. лит., 1982. 503 с.
- Курганов Н.Г. Письмовник: Содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия. СПб., 1818. 100 с.

- Кутепов Н.И. Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси. Царская и императорская охота на Руси – конец XVII и XVIII веков. М., 1902. Т. 3. 284 с.
- Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772. Ч. 2.
- Лепилкина О.И. Структурно-типологическая трансформация системы русской провинциальной прессы в XVIII – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2010. 48 с.
- Макаров Н.П. Полный французско-русский словарь. СПб., 1870. Ч. 2.
- Макогоненко Г.П. Об авторстве Новикова: «О воспитании и наставлении детей» // Н.И. Новиков. Избранные сочинения. М. ; Л., 1951.
- Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М. : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1958. Т. 3. 415 с.
- Мордовченко Н.И. Журналистика начала XIX века // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л. 1941–1956. Т. V: Литература первой половины XIX века, Ч. 1. 1941.
- Новиков Н.И. Избранное. М. : Правда, 1983. 511 с.
- Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836.
- Образование Императорского Царскосельского лицея // Свод военных постановлений. СПб., 1838. Т. 3.
- Очерки по истории физической культуры / под ред. В.Н. Петрова. М., 1938. Вып. 1. 176 с.
- Павловский И. Пространная география Российской империи. 1846. Ч. 1. 271 с.
- Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1773–1788; Ч. 1. 1773.
- Письмо Министру Народного Просвещения графу Д.А. Толстому от кн. А. Васильчикова. Berlin, 1875.
- Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. М. : Российский фонд культуры. Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 2000. 647 с.

- Покровский А.А. К истории газеты в России // Ведомости времен Петра Великого. В память 200-летия первой русской газеты. М., 1906. Т. 2.
- Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1844. Т. VIII.
- Походный журнал 1720 г. СПб., 1855.
- Солдатова М.А. Развитие общественных спортивных организаций Санкт-Петербурга и их роль в становлении физической культуры и спорта России: конец XIX века – 1917 год. СПб., 2004. 24 с.
- Сочинения и письма Н.В. Гоголя. СПб., 1857. Т. VI.
- Танков А.А. Историческая летопись Курского дворянства. М., 1913.
URL: <http://old-kursk.ru/book/tankov/t020.html>.
- Терещенко А.В. Быт русского народа. 1847. Ч. IV.
- Толль Ф.Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний («Справочный энциклопедический лексикон»). СПб., 1864. Т. 3.
- Тырыгина В.А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе. М. : МПГУ, 2007. 51 с.
- Устав воспитания двухсот благородных девиц учрежденного Ея Величеством Государынею Императрицею Екатериною Второю. СПб., 1768.
- Устав учебных заведений, подведомых Университетам // Полное собрание законов Российской империи с 1649. СПб., 1830. Т. XXVIII.
- Цорн П.И. Ежедельник для охотников до лошадей. М. : Либроком, 2011. 480 с.
- Шамин С.М. Куранты времени правления Федора Алексеевича: к проблеме заинтересованности Московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг. М., 2003. 23 с.
- Энциклопедический лексикон. СПб., 1839. Т. 16.
- Языков Н.М. – Гоголю // Переписка Н.В. Гоголя. М., 1988. Т. 2.

ИСТОЧНИКИ

- Poesies de Marie Xlopoff. Moscou. 1850 (Стихотворения Марии Хлоповой. Москва. 1850) // Москвитянин. 1850. Т. 3. С. 140–141.
- Автор к самому себе. Оттуду же (Из Москвы) // Живописец. СПб., 1775. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/novikov/01text/01prose/05.htm>.
- Английская литература // Отечественные записки. 1840, Т. XI. Раздел «Иностранная литература».
- Английские заклады // Сын Отечества. 1821. Ч. 71.
- Английские нравы. Охоты // Северная пчела. 1828. № 48. 21 апр.
- Английские нравы. Охоты // Северная пчела. 1828. № 52. 1 мая.
- Английский язык // Энциклопедия «Вокруг света». URL: <http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php>.
- Андалузия // Москвитянин. 1850. Кн. 3, № 10. Раздел «Иностранная словесность».
- Африка // Сын Отечества. 1850. № 2. Раздел «Современная летопись и политика».
- Безнаева О.А. Когнитивно-прагматические особенности представления информации в деловом дискурсе: на материале англоязычной деловой корреспонденции. Архангельск, 2009.
- Белинский В.Г. О детских книгах // Отечественные записки. 1840. Т. IX, № 3. Отд. V «Критика».
- Белинский В.Г. Русская литература в 1841 году // Отечественные записки. 1842. Т. XX, № 1. Раздел «Критика».
- Березин И. Сцены в пустыне // Русский вестник. 1860. Т. 26, № 4.
- Библиография // Московский телеграф. 1826. № 4.
- Благотворения // Сын Отечества. 1814. № 14, ч. XX.
- Бл-в М. Масленица в Казани и в Боткинском заводе // Вятские Губернские Ведомости. 1846. № 52.
- Богатая невеста // Современник. 1853. Т. 39, № 5. Раздел «Смесь».
- Болтовня // Иллюстрация. 1847. № 14. 19 апр.
- Бонапарт на острове Святой Елены // Сын Отечества. 1817. № 35.

- Венев // Мой город. URL: http://www.mojgorod.ru/tuljisk_obl/ven-jov/index.html.
- Венелин Ю. Украинские народные песни, изданные Михайлом Максимовичем // Телескоп. 1834. Ч. XXII.
- Вести из Одессы // Москвитянин. 1841. Ч. II, № 4.
- Вести из Парижа // Московский телеграф. 1826. Т. 9.
- Взгляд на древнее и новое французское законодательство // Московский телеграф. 1828. Ч. 24.
- Влияние деятельности речного яхт-клуба на публику и шлюпочные верфи // Морской сборник. 1863. Т. LXVII, № 8. Раздел «Современное обозрение».
- Внутренние известия // Северная пчела. 1825. № 30. 10 марта.
- Внутренние известия // Северная пчела. 1836. № 58. 11 марта.
- Воспоминания русского офицера о Польше и Германии // Сын Отечества. 1817. Ч. 42. С. 102–103.
- Всероссийская конская выставка в Москве 1869 года // Русские ведомости. 1869. № 198. 29 авг.
- Второе прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1812. № 6. 19 янв.
- Вуд. Строящие птицы // Вокруг света. 1866. № 6.
- Гигантский шар в Лондоне // Всемирная иллюстрация. 1869. № 29. 12 июля.
- Гимнастика // Иллюстрация. 1845. № 28. 20 окт.
- Гимнастика // Новый Словотолкователь. СПб., 1803. Т. 1.
- Гимнастика // Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1845.
- Гимнастика // Патриот. 1804. Т. 4.
- Гимнастика // Словарь Академии Российской. СПб., 1806. Т. 1.
- Гимнастика // Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847. Т. 1.
- Гимнастика // Старчевский А.В. Справочный энциклопедический словарь. СПб., 1854. Т. 3.
- Гимнастика // Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894.
- Гимнастика // Энциклопедический лексикон. СПб., 1838. Т. XIV.

- Гонки Императорского Петербургского яхт-клуба // Современник. 1852. Т. 34.
- Даль В.И. Письмо Гречу из Уральска // Северная пчела. 1833. № 231.
Два года назад // Отечественные записки. 1854. Т. 118.
- Делаверне А. Богатый человек // Библиотека для чтения. 1847. Т. 84.
Раздел «Иностранная словесность».
- Дельфина или счастливое извлечение // Детское чтение для сердца и разума. 1787. Т. IX.
- Деревенские нравы норвежцев // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20.
- Державин Г.Р. Евгению. Жизнь Званская. 1807 // Сочинения. Л., 1987.
Дневник датируется 1828–1829 гг.
- Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. V: Статьи и рецензии (июль–декабрь 1859). М. ; Л., 1962.
- Древние Греки // Русский зритель. 1829. Ч. 6, № XXI–XXII.
- Дружинин А.В. Mademoiselle Jeannette // Библиотека для чтения. 1852.
Раздел «Русская словесность».
- Дружинин А.В. Петербургская идиллия // Библиотека для чтения. 1857. Т. 142. Раздел «Смесь».
- Дружинин А.В. Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике // Современник. 1849. Т. XVIII. Раздел «Смесь».
- Дружинин А.В. Случай невероятно-фантастический, но не менее того поучительный, или Видения в тоннель Пассажа // Санкт-Петербургские ведомости. 1855.
- Еженедельник для охотников до лошадей // Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати, 1703–1900 гг. М., 1915.
- Жанлис С.Ф. Альфонс и Далинда, или Волшебство искусства и натуры // Детское чтение для сердца и разума. М., 1787. Т. XI. С. 135.
- Жизнь Солонова // Утренний свет. 1778, май. С. 84.
- Жирков Г.В. Первые печатные издания России // Мир русского слова. 2003. № 1. С. 38.
- Жокей Робинсон // Москвитянин. 1850. Ч. IV, № 13. Раздел «Смесь». С. 21–22.
- Жукова М.Н. Две свадьбы // Отечественные записки. 1857. Т. CXII, № 6. С. 602.

- Журнальная всякая всячина // Северная пчела. СПб., 1851. № 274.
8 дек.
- Журнальная мозаика // Северная пчела. 1844. № 167. 25 июля.
- Забавы в Гаване, первом городе испанского острова Кубы // Вестник Европы. 1803. № 17.
- Заграничные современные известия // Москвитянин. 1852. № 21.
- Задача № 1 // Шахматный листок. 1859. № 1.
- Задача № 10 // Шахматный листок. 1859. № 5.
- Задача № 5 // Шахматный листок. 1859. № 3.
- Заметки об учебном кавалерийском эскадроне // Военный сборник. 1870. Т. 72.
- Заметки путешествующего вокруг света // Библиотека для чтения. Раздел «Смесь». Заметки, выписки и корреспонденция // Северная пчела. СПб., 1851. № 283. 19 дек.
- Замечания на статью Г. Бунина «О сорте и породе лошадей, потребных для России» // Земледельческий журнал. 1834. № 2.
- Замечания Сибири // Московский вестник. 1830. Ч. V.
- Звериные промыслы // Саратовские губернские ведомости. 1843. № 43. 14 авг.
- Зеленецкий К.П. Жизнь в Одессе // Одесский альманах. 1839.
- Земля донских казаков // Сын Отечества и Северный архив. 1834. № 35.
- Зрелища // Северная пчела. 1826. № 124. 16 окт.
- Зрелища // Северная пчела. 1829. № 33. 16 марта.
- Зубарев Д. Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. 1841. Т. 2.
- Игра // Словарь Академии Российской. СПб., 1792. Т. II. Ст. 186–187.
- Игра // Словарь Академии Российской. СПб., 1809. Т. 2. С. 943.
- Игране // Словарь Академии Российской. 1792. Т. II. Ст. 186.
- Из Австрии от 15 сентября // Санкт-Петербургские ведомости. 1753. № 80. 5 окт.
- Из Казани // Казанские известия. 1811. № 13. 12 июля.
- Известия // Живописец. СПб., 1775. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/novikov/01text/01prose/05.htm>.
- Известия внутренние // Северная почта. 1809. № 10. 4 дек.

- Извлечение из сказаний Якова Рейтенфельса о состоянии России при Царе Алексее Михайловиче, о состоянии России при царе Алексее Михайловиче // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 7. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Reutenfels/otryv2.phtml?id=7505>.
- Измайлов В.В. О русском старинном воспитании // Патриот. 1804. Т. II. Истины // Утренний свет. М., 1785. Ч. 4.
- Исторические пояснения на замечания Н.А. Полевого о сочинении Ф. Булгарина: Россия // Библиотека для чтения. 1838. Т. XXVIII. Приложение в конце тома.
- История Астраханской области. URL: <http://www.workchild.30nars2.edusite.ru/Astraxan/histor.htm>.
- Итон. Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Т. 130. Отдел V.
- Кавказские воды // Отечественные записки. 1825. Т. 23.
- Карамзин Н.М. Деревенские вечера // Детское чтение для сердца и разума / пер. Н.М. Карамзина. М., 1787. Т. XI.
- Качели на Святой неделе // Отечественные записки. 1827. № 85. Май.
- Кобден и Брайт // Москвитянин. 1855. Ч. I, № 1. Раздел «Заграничные известия».
- Кокорев И. Сборное воскресенье в Москве // Москвитянин. 1849. № 6. Кн. 2.
- Комедианты // Библиотека для чтения. 1857. Т. 141.
- Кондзеровский А. Путешествие // Северный вестник. 1804. Ч. 4, № 12.
- Коннозаводство в Германии // Журнал коннозаводства и охоты. 1849. Т. XXI, № 11.
- Коптев В. Посещение Е.И.В. Великим князем Николаем Николаевичем Старшим Черкизовского конного завода Кн. Б.А. Черкасского // Журнал охоты и коннозаводства. 1867. № 1.
- Коптев В. Василий Иванович Шишкин // Журнал коннозаводства и охоты. 1872. № 3.
- Коптев В. Еще отзыв иностранцев о 2-й Всероссийской конской выставке // Коннозаводство. 1870. № 4.
- Коптев В. О вызове г-на Пфейля Русскому Рысистому коннозаводству // Русские ведомости. 1869. № 205.

- Коптев В. Ответ на заметку г. Стаховича // Журнал Коннозаводства. 1869. № 10.
- Королевское Азиатское общество в Лондоне. Новейшие известия о Бирманах // Библиотека для чтения. 1835. № 9. Февраль.
- Краевский А. Обзорение русских газет и журналов за первую половину 1834 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Т. 3.
- Краткие выписки, известия и замечания // Вестник Европы. 1824. № 6.
- Крылов И.А. Почта духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. URL: <http://search.rsl.ru/ru/catalog/record/5428401>.
- Кукольник Н. Астраханские письма // Дагеротип. 1842. Т. I.
- Литературная летопись // Библиотека для чтения. 1836. Т. 17, ч. 2.
- Майкова Т.С. Военные «Юрнaлы» петровского времени // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века. М., 1969.
- Масленица // Отечественные записки. 1821. № 11. Март.
- Мачеварианов П.М. Заметки старого провинциального охотника // Журнал охоты. 1875. № 1, т. 2.
- Мачеварианов П.М. Записки псового охотника Симбирской губернии // Приложение к «Журналу Охоты». М., 1876.
- Межевич В. Теория и практика словесности. Статья первая. Взгляд на теорию словесности // Телескоп. 1836. Ч. XXXII, № 7.
- Мишле Ж. Реформа (Из истории Франции в XVI в.) // Приложение к журналу «Библиотека для чтения». 1861. № 9.
- Морозова Л.А. Терминознание: Основы и методы. М., 2004.
- Москва, или Исторический путеводитель. М., 1831.
- Московская летопись // Москвитянин. 1846. Ч. 2, № 3.
- Московские ведомости. 1805. № 74. 16 сент.
- Московские записки // Вестник Европы. 1811. № 13.
- Московские скачки 1860 года // Русский вестник. 1860. Т. 28.
- Московский речной яхт-клуб // Морской сборник. 1872. Т. CXIX, № 4.
- Раздел «Морская хроника».
- Московский сборник // Москвитянин. 1846. Ч. 3, № 5.

- Мысли Байрона о самом себе // Московский телеграф. 1826. Т. 9.
- Мысли по поводу статьи Г. Мушникова «Еще взгляд на обучение стрельбы в цель» // Военный сборник. 1866. Т. 50.
- Мяснов П. О коннозаводстве и скачках // Отечественные записки. 1840. Т. 10. Раздел «Домоводство, Сельское хозяйство и промышленность».
- Н.А. Лунин // Коптев В.И. Материалы для истории русского коннозаводства: Статьи Василия Ивановича Коптева. 1847–1887 гг. М., 1887.
- На перевод кавалерийской школы // Сын Отечества. 1820. Т. XXVI.
- Науки, относящие к мореплаванию // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Т. 59, вып. 7–9. С. 125.
- Наумов В. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010. URL: <http://statehistory.ru/books/Povsednevnyaya-zhizn-Petra-Velikogo-i-ego-spodvizhnikov/45>.
- Начало наказания. Отрывки из неопубликованного романа // Иллюстрация. 1847. № 31.
- Неверов Я.М. Обзорение газет и журналов, издаваемых в России на разных языках // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Т. 2. С. 105–108.
- Неверов Я.М. Обзорение газет и журналов, издаваемых в России на разных языках // Журнал народного просвещения. 1834. Т. 2.
- Несколько замечаний об охоте вообще // Русское слово. 1859. № 3. Раздел «Смесь».
- Новиков Н.И. Трутень. 1769. 22 июня.
- Нового рода спорт // Москвитянин. 1850. Ч. IV, № 16. Раздел «Смесь».
- Новости литературы, искусств, науки и промышленности // Отечественные записки. 1854. Т. 94. Раздел «Новости».
- Новости парижской жизни // Пансион. 1853. № 11. Раздел «Смесь».
- О VIII-м съезде германских сельских хозяев и лесоводов в Мюнхене // Труды Императорского вольного экономического общества. 1844. Третью вторая.
- О гимнастике // Современник. 1834. № 23.
- О грамотности в войсках. Военный сборник. 1858. № 7.

- О коннозаводстве и скачках // Отечественные записки. 1840. № 10.
Раздел «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность».
- О последнем необыкновенном переломе в английской торговле и промышленности // Московский телеграф. 1827. Т. 18.
- О причинах развития умственных и нравственных способностей // Украинский вестник. 1817. Май.
- О скачках в Москве // Молва. 1834. № 17.
- О фехтовальном ассе госпожи Баголини // Северная пчела. 1827. № 73. 18 июня.
- Об издании «Журнала охоты» // Журнал Министерства народного просвещения 1857. Т. 96.
- Обзор мер к развитию Государственного Коннозаводства в 1845 году // Журнал коннозаводства и охоты. 1845. № 1.
- Обозрение русских газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Т. 1.
- Общество рысистого коннозаводства в Сердобском уезде // Саратовский Справочный Листок. 1872. № 216.
- Объявления // *Messenger de la Russie Meridionale, ou Feuille commerciale*. 1821. № 41.
- Объявления // Известия к Санкт-Петербургским ведомостям. 1804. № 74. С. 2231.
- Объявления // Казанские известия. 1811. № 11. 28 июня.
- Объявления // Московские ведомости. 1805. № 78. 30 сент.
- Объявления // Санкт-Петербургские ведомости. 1777. № 84. 16 окт.
- Объявления // Санкт-Петербургские ведомости. 1808. 2 окт.
- Объявления // Санкт-Петербургские ведомости. 1811. 30 апр.
- Объявления // Санкт-Петербургские ведомости. 1822. 17 мая.
- Объявления // Сибирь. 1886. № 3.
- Объяснение по отделу военной гимнастики // Военный сборник. 1861. Т. XVII, № 1.
- Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елизавете Николаевне Львовой, в 1809 году, изданные Ф.П. Львовым в четырех частях. 1834.
- Одесса (из писем к другу) // Украинский вестник. 1817. Июнь.
- Одесский вестник. Одесса. 1834. № 55. 11 июля.

- Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека / пер. И.Ф. Павловского. 1879. № 5.
- Открытие Лоншанского ипподрома // Современник. 1854. Т. 48.
- Оттуда же (Из Москвы) // Живописец. СПб., 1775. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/novikov/01text/01prose/05.htm>.
- Официальное извещение // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. CXLVI.
- Панаев И.И. Опыт о хлыщах. Великосветский хлыщ. Современник. 1842. Т. 42.
- Певица // Библиотека для чтения. 1847. Т. 82. Раздел «Смесь».
- Первые учителя фехтования в России. URL: http://www.fencing-future.org/cntnt/rus/fehtovanie/rus_history/n6.html.
- Первый Алкивиад, или О человеческой природе // Утренний свет. 1778. Ч. 2.
- Первый яхт-клуб в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1849. Т. 52, вып. 10–12.
- Перри Д. Другое и более подробное повествование о России // Чтения императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1871. № 2. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Perry/text5.phtml?id=1645>.
- Петербургские заметки // Отечественные записки. 1853. Т. 90, № 10.
- Петербургские развлечения // Русский художественный листок. 1852. № 11. 10 апр.
- Петербургские развлечения // Русский художественный листок. 1852. № 6. 20 фев.
- Петербургский вестник // Сын Отечества. 1849. Кн. 4. Рубрика «Смесь».
- Петровский Н. Праздники увеселения, гулянья и народные игры в Ярославле // Сын Отечества. 1837. № 186.
- Письма А.А. Бестужева // Русский вестник. 1861. Т. 32. С. 463.
- Письма из Москвы в Нижний Новгород. Письмо пятое // Сын Отечества. 1813. № 45.
- Письма из Парижа // Журнал Коннозаводства. 1868. № 1.
- Письмо в Париж Я.Н. Толстому // Библиотека для чтения. 1834. № 1.

- Плетнев П. Александр Сергеевич Пушкин // Современник. 1838. Т. 10.
- Полевой Н.А. Святочные рассказы // Московский телеграф. 1826. Ч. 12, № 23.
- Политическое обозрение Новой Испании, Александра Гумбольдта, второе издание, 1827 // Московский вестник. 1827. Ч. 3.
- Последние известия // Время. 1862. № 10. Раздел «Современное обозрение».
- Последние известия // Время. 1862. № 5. Раздел «Политическое обозрение».
- Походный журнал 1705. СПб., 1854. С. 3.
- Празднование Байрама в черкесском ауле // Отечественные записки. 1825. № 64. С. 246.
- Приложение к Казанским известиям. 1814. № 8. 22 февр.
- Прогулка за Балканом // Современник. 1836. № 4.
- Продажа // Известия к № 37 Московских ведомостей на 1808. 6 мая.
- Продажа // Известия к № 43 Московских ведомостей на 1808. 27 мая.
- Птичья или егерская охота, и искусственные охоты, с присовокуплением охот: посредством облав, с загонщиками, и охоты с филином на хищных птиц. Сост. А. Венцеславским // Москвитянин. 1851. Т. VI, № 21.
- Путешествия. Поездка в Финляндию // Северная пчела. 1826. № 22. 20 февр.
- Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. 1839. Ч. 2.
- Пчелка. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1852. № 22. 26 янв.
- Разговор I. Между Россиянином и Французом // Кошелек. СПб., 1774. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/novikov/01text/01prose/04.htm>.
- Разные известия // Сын Отечества. 1842. № 2.
- Русская литература // Московский телеграф. 1828. Кн. 23, № 19.
- Рыцарская жизнь казаков // Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год. СПб., 1824.
- Сабан // Казанские известия. 1814. № 23. 6 июня.
- Сабанщиков. Рынь пески // Заволжский муравей. 1832. № 12 (июнь).

- Сазонова Л.И. Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.
Т. VI, ч. 1. Русские тексты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69, № 4.
- Салонные конгрессы и стратегии в чепчиках // Москвитянин. 1855.
Ч. I, № 1. Раздел «Заграничные известия».
- Санкт-Петербургские ведомости. 1766. № 40.
- Санкт-Петербургские ведомости. 1773. № 86.
- Санкт-Петербургские современные летописи // Отечественные записки. 1826. № 73.
- Сараф М.Я. Спорт и культура (исторический анализ) // Спорт, духовные ценности, культура. М., 1997. Вып. 1.
- Свиньин П. Конгревовы ракеты и Вулич // Сын Отечества. 1815.
Ч. 21.
- Свод постановлений о трактирных заведениях. 1857. Т. 12, Ч. 2.
- Святки // Журнал для детей, или Приятное и полезное чтение для образования ума и сердца. 1815.
- Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. 1834.
№ 1.
- Сибирские нравы. Исых // Северная пчела. 1831. № 115. 25 мая.
- Скриб у Роберта Пиля // Москвитянин. 1850. Т. 4. Раздел «Смесь».
- Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2006. Вып. 16. С. 267.
- Смесь // Библиотека для чтения. 1844. Т. 66. С. 180.
- Смесь // Вестник Европы. 1803. № 20. С. 290.
- Смесь // Вестник Европы. 1805. № 24. С. 287.
- Смесь // Вестник Европы. 1802. № 17. С. 36.
- Смесь // Москвитянин. 1851. Ч. IV, № 14. С. 162.
- Смесь // Москвитянин. 1852. Т. II, № 5. С. 41–42.
- Смесь // Отечественные записки. 1847. Т. LIII. С. 88.
- Смесь // Отечественные записки. 1854. Т. 95. С. 27–28.
- Смесь // Прибавление к Вологодским губернским ведомостям. 1838.
№ 2. 8 янв. С. 15.
- Смесь // Русское слово. 1859. Т. VII. С. 156.
- Смесь // Северная пчела. 1825. № 133. 5 нояб.
- Смесь // Северная пчела. 1825. № 92. 1 авг.
- Смесь // Северная пчела. 1825. № 131. 31 окт.

- Смесь // Северная пчела. 1825. № 134. 7 нояб.
- Смесь // Северная пчела. 1825. № 61. 21 мая.
- Смесь // Северная пчела. 1825. № 64. 28 мая.
- Смесь // Северная пчела. 1825. № 69. 9 июня.
- Смесь // Северная пчела. 1825. № 74. 20 июня.
- Смесь // Северная пчела. 1825. № 75. 23 июня.
- Смесь // Северная пчела. 1825. № 82. 9 июля.
- Смесь // Северная пчела. 1827. № 73. 18 июня.
- Смесь // Северная пчела. 1828. № 146. 6 дек.
- Смесь // Северная пчела. 1829. № 68. 6 июня.
- Смесь // Сын Отечества. 1815. Ч. 26.
- Смесь // Таврические губернские ведомости. 21 окт. 1839 // Цит. по:
О. Широков. Столичный ипподром // Крымское эхо от 28 июля
2012. URL: <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=printpage&sid=8550>.
- Современная библиографическая хроника. Русская литература // Отечественные записки. 1839. Т. 10. С. 171.
- Современная библиография // Московский телеграф. 1832. Ч. XLIV. С. 415.
- Современные заметки // Современник. 1852. Т. XXXV.
- Современные заметки // Современник. 1853. Т. VI.
- Соллогуб В.А. Семь глав из «Гарантаса» // Отечественные записки. 1840. № 12. С. 231.
- Спорт / Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2004. Т. 3. URL: <http://www.zipsites.ru/slovari/etim>.
- Спорт // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. XXXI. С. 298.
- Спорт // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. М., 1899. Т. XXXI. С. 298.
- Спорт // Михельсон А. Д. 30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1866. С. 672.
- Спорт // Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. С. 591–592.

- Спорт // Михельсон А.Д. Объяснение 7 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1861. С. 322.
- Спорт // Русский энциклопедический словарь. СПб., 1877. Т. II. С. 249.
- Спорт // Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. С. 817.
- Спорт. Охота // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. III. С. 119. URL: http://imwerden.de/pdf/khomyakov_polnoe_sobranie_tom3_1900.pdf.
- Спортсмен // Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М., 1865. С. 591.
- Спортсмен // Михельсон А.Д. Объяснение 7 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык. М., 1861. С. 322.
- Спортсмен // Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний («Справочный энциклопедический лексикон»). СПб., 1864. Т. 3. С. 525.
- Спортсмен // Объяснение 1 000 иностранных слов, употребляющихся в русском языке. 1859. С. 94.
- Спортсмен // Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894. С. 817.
- Сцены в диких пустынях Терая и на Гималаях // Вестник Императорского русского географического общества. 1858. Т. 24, вып. 3. Раздел «Корреспонденция и смесь». С. 53.
- Термин // Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Тульские рысистые бега в 1871 году // Журнал Коннозаводства. 1871. № 12.
- Увеселения публики в прошедшем Великом посту // Санкт-Петербургские современные летописи // Отечественные записки. 1820. Ч. 1.
- Устав общества сибирских охотников // Иркутские губернские ведомости. 1871. № 29. 13 июля.
- Фехтование // Отечественные записки. 1820. № 2.
- Фортуна велика, да ума мало // Городская и деревенская библиотека. 1782. Ч. IV.

- Хан-Гирей. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Русский вестник. 1842. Т. V, № 1.
- Хроника // Иллюстрация. 1847. № 39. 18 окт.
- Чернышевский Н.Г. Обзорение газет и журналов // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Т. LXXXVIII, № 10. С. 69.
- Четвертый день Московских зимних бегов // Московские ведомости. 1873. № 33. 5 февр.
- Шахматная новость // Современник. 1851. Т. XXVI.
- Шотландский брак // Вестник Европы. 1871.
- Шрабштейн И. Шахматы через века // Новый акрополь. 2003. № 3.
URL: http://www.newacropolis.ru/magazines/3_2003/Shachmaty_chere_veka.

Научное издание

Евгения Анатольевна Войтик

**СПОРТИВНЫЙ МЕДИАТЕКСТ:
ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
ИЗДАНИЙ XVIII–XIX вв.)**

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор Н.А. Афанасьева
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 01.12.2016 г. Дата выхода в свет 20.01.2017 г.
Формат 84×108¹/₁₆. Бумага для офисной техники.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 250 экз. Заказ № 2080.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–53-15-28
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978–5–94621–574–9

9 785946 215749